

Выпуск № 2, 2024

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ISSN 2219-5254

ISSN 2500-2791 (online)

Вестник Ивановского государственного университета

ВЕСТНИК ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

2024. Вып. 2

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись 30 июля 2020 г. ПИ № ФС 77-78823

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 22.10.2021 г.)

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

РЕДАКЦИЯ:

- Е.М. Тюленева*, д-р филол. наук (*главный редактор серии*) (Россия, Иваново)
Г.С. Смирнов, д-р филос. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
В.М. Тюленев, д-р ист. наук (*зам. главного редактора*) (Россия, Иваново)
О.С. Горелов, д-р филол. наук (*ответственный секретарь*) (Россия, Иваново)
А.Ю. Алексеев, д-р филос. наук (Россия, Москва)
М.В. Белов, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
К.В. Воденко, д-р филос. наук (Россия, Новочеркасск)
Н.Ю. Гвоздецкая, д-р филол. наук (Россия, Москва)
Д.И. Дубровский, д-р филос. наук (Россия, Москва)
А.И. Жеребин, д-р филол. наук (Россия, Санкт-Петербург)
А.А. Житенев, д-р филол. наук (Россия, Воронеж)
Ф.И. Карташкова, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
Е.В. Маринова, д-р филос. наук (Болгария, София)
Р.Я. Подоль, д-р филос. наук (Россия, Рязань)
Д.И. Польшанский, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
Ф.А. Селезнев, д-р ист. наук (Россия, Нижний Новгород)
Д.Г. Смирнов, д-р филос. наук (Россия, Иваново)
Ц.Й. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
А.А. Федотов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
В.Н. Финогентов, д-р филос. наук (Россия, Орёл)
З.А. Харитончик, д-р филол. наук (Беларусь, Минск)
Ю.Л. Цветков, д-р филол. наук (Россия, Иваново)
В.Л. Черноперов, д-р ист. наук (Россия, Иваново)
К.А. Юдин, канд. ист. наук (Россия, Иваново)

Адрес редакции (издателя):

153025 Ивановская обл., г. Иваново,
ул. Тимирязева, 5, к. 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» 41512

Электронная копия журнала размещена
на сайтах www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

ISSN 2219-5254
ISSN 2500-2791 (online)

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series «The Humanities»

2024. Issue 2

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Federal Agency for the Oversight in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications.
Registry entry ПИ № ФС 77-78823 of July 30, 2020

The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations
(issued on 22.10.2021)

Founded by Ivanovo State University

EDITION:

E.M. Tyuleneva, Doctor of Philology (*Chief Editor of the Series*) (Russia, Ivanovo)

G.S. Smirnov, Doctor of Philosophy (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

V.M. Tyulenev, Doctor of History (*Vice-Chief Editor*) (Russia, Ivanovo)

O.S. Gorelov, Doctor of Philology (*Secretary-in-Chief*) (Russia, Ivanovo)

A.Yu. Alekseev, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

M.V. Belov, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

K.V. Vodenko, Doctor of Philosophy (Russia, Novocheboksarsk)

N.Yu. Gvozdetskaya, Doctor of Philology (Russia, Moscow)

D.I. Dubrovsky, Doctor of Philosophy (Russia, Moscow)

A.I. Zherebin, Doctor of Philology (Russia, Saint-Petersburg)

A.A. Zhitenev, Doctor of Philology (Russia, Voronezh)

F.I. Kartashkova, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

E.V. Marinova, Doctor of Philosophy (Bulgaria, Sofia)

R.Ya. Podol, Doctor of Philosophy (Russia, Ryazan)

D.I. Polyvyanny, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

F.A. Seleznev, Doctor of History (Russia, Nizhny Novgorod)

D.G. Smirnov, Doctor of Philosophy (Russia, Ivanovo)

C.Y. Stepanov, Doctor of History (Bulgaria, Sofia)

A.A. Fedotov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

V.N. Finogentov, Doctor of Philosophy (Russia, Orel)

Z.A. Kharitonchik, Doctor of Philology (Belarus, Minsk)

Yu.L. Tsvetkov, Doctor of Philology (Russia, Ivanovo)

V.L. Chernoperov, Doctor of History (Russia, Ivanovo)

K.A. Yudin, Candidate of Science, History (Russia, Ivanovo)

Address of the editorial office:

153025, Ivanovo region, Ivanovo,
Timiryazew str., 5, office 304
e-mail: vestnik.ivgu@mail.ru

Index of subscription
in the catalogue «Russian Press» 41512

Electronic copy of the journal can
be found on the web-sites
www.elibrary.ru,
www.ivanovo.ac.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

Литературоведение

- Доманский Ю.В.** Отзвук лопнувшей струны из чеховского «Вишнёвого сада» в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого 5
- Каталиева К.С.** Колониальный дискурс в травелогге Г. Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857» 13
- Орлова Т.С.** Особенности репрезентации темы детства в романах Кадзуо Исигуро 21
- Фролова А.С.** Концепция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера 30

Языкознание

- Григорян А.А.** Имя существительное и имя прилагательное: точки пересечения 38
- Кокурина И.В., Ополовникова М.В.** «Топор войны» в немецкоязычной карикатуре 44
- Пастухова Е.Н.** Прагматилистические особенности передачи комического в англоязычном и русскоязычном интернет-дискурсе 55
- Струнина Н.В., Крехтунова Е.В.** Роль грамматики в формировании национального характера англичан и русских 64

История

- Атдаев С.Д.** Знамена туркмен (по материалам XIX в.) 71
- Ковров Т.А., Околотин В.С.** Об инициировании открытия отделения Государственного банка в Юрьевце и Пучеже в 1916—1917 гг. 79
- Дворцов Г.И. (Игумен Герман).** После Шуи: изъятие церковных ценностей в 1922 г. в г. Кинешма 90
- Тряхов И.С.** Деятельность орс владимирского завода «Автоприбор» в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) 103
- Корников А.А.** Гербовика Вологодской области: от имперских символов к гербам современных муниципальных образований 114
- Рыбак В.В.** Предыстория и развитие конфликта в Корею 1950—1953 гг. в отечественной и зарубежной историографии 125

Философия

- Бакиров А.Б.** Истоки и перспективы ноосферы 134
- Сухина И.Г.** К вопросу о цивилизационном понимании концепции ноосферы и его коэволюционной экспликация 142
- Иванов А.В., Журавлева С.М.** Перспективы перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической (ноосферной) стратегии цивилизационного развития 151
- Шимфельфениг О.В., Васильев Н.Н.** Язык как фактор самотрансформации ноосферного универсума 158
- Марков А.В., Штайн (Братина) О.А.** Заклинивший автомат совести у Гегеля: автокоммуникация, жанр романа и медиатеория 165
- Николаева А.С.** Ноосферный потенциал современного медиадискурса 175

Рецензии

- Доманский Ю.В.** Контркультурная Рок-Сибирь. *Рец. на монографию.*: Кузнецов А.В. Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 200 с. 186
- Кирюхин Д.В., Кирюхина Е.М.** «Коммунистическое оружие соблазна» и «Большая надежда человечества»: кинематограф СССР и США периода Холодной войны. *Рец. на кн.*: «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с. 192

CONTENTS

Philology

Literary criticism

- Domanskii Yu.V.** Echo of a broken string from Chekhov's "The cherry orchard"
in Vladimir Vysotsky's "The tale of the unhappy fairy-tale characters" 5
- Katalieva K.S.** Colonial discourse in H. Melville's travelogue "Journal of a Visit
to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857" 13
- Orlova T.S.** Childhood in novels by Kazuo Ishiguro 21
- Frolova A.S.** The portrayal of Heracles in the writings of Heiner Müller 30

Linguistics

- Grigoryan A.A.** Adjectives and nouns: points of intersection 38
- Kokurina I.V., Opolovnikova M.V.** The hatchet in German-language cartoon 44
- Pastukhova E.N.** Pragmastylistic features of creating humorous effect
in the English- and Russian-language Internet discourse 55
- Strunina N.V., Krekhtunova E.V.** The role of grammar in the formation
of English and Russian national character 64

History

- Atdaev S.J.** Banners of the turkmen (based on materials from the 19th century) 71
- Kovrov T.A., Okolotin V.S.** About the initiations of the opening of the branches
of the State Bank in Yuryevets and Puchezh in 1916—1917 79
- Dvortsov G.I. (Abbot German).** After Shuya: the seizure of church valuables
in 1922 in Kineshma 90
- Tryakhov I.S.** Activity of the ORS of the Vladimir Avtopribor plant during
the Great Patriotic War (1941—1945) 103
- Kornikov A.A.** Heraldry of the Vologda region: from imperial symbols
to the coats of arms of modern municipalities 114
- Rybak V.V.** Background and development of the conflict in Korea
in 1950—1953 in domestic and foreign historiography 125

Philosophy

- Bakirov A.B.** Origins and prospects of the noosphere 134
- Sukhina I.G.** On the question of the civilizational understanding
of the noosphere concept and its co-evolutional explication 142
- Ivanov A.V., Zhuravleva S.M.** Prospects of transition from technogenic-consumer
to spiritual-ecological (noospheric) strategies of civilizational development 151
- Shimelfenig O.V., Vasiliev N.N.** Language as a factor of self-transformation
of noospheric universum 158
- Markov A.V., Shtayn (Bratina) O.A.** Hegel's jammed automaton of conscience:
autocommunication, novel genre and media theory 165
- Nikolaeva A.S.** The noospheric potential of modern media-discourse 175

Reviews

- Domanskii Yu.V.** Countercultural Rock-Siberia. *Book review:* Kuznetsov A.V.
West Siberian counterculture of the 1980s—1990s as a sociocultural
phenomenon: monograph. Rostov-on-Don; Taganrog, 2023. 200 p. 186
- Kiryukhin D.V., Kiryukhina E.M.** "Communist weapons of temptation"
and "The great hope of humanity": the USSR and the USA cinema during
the Cold War. *Book review:* Enemy number one in the symbolic politics
of the USSR and the USA cinema during the Cold War as a field of ideological
struggle / ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. 192

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LITERARY CRITICISM

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 5—12.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 5—12.

Научная статья

УДК 821.161.1.09+82.01

DOI: 10.46726/И.2024.2.1

ОТЗВУК ЛОПНУВШЕЙ СТРУНЫ ИЗ ЧЕХОВСКОГО «ВИШНЁВОГО САДА» В «СКАЗКЕ О НЕСЧАСТНЫХ СКАЗОЧНЫХ ПЕРСОНАЖАХ» ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО

Юрий Викторович Доманский

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,

Россия, domanskii@yandex.ru

Аннотация. В статье соотносятся содержащий ремарку с указанием на звук лопнувшей струны эпизод из второго действия комедии А.П. Чехова «Вишнёвый сад» и фрагмент из песни В.С. Высоцкого «Сказка о несчастных сказочных персонажах». Основанием для соотнесения становятся упоминания птиц: у Чехова это цапля и филин, у Высоцкого – выпь и тоже филин. В «Вишнёвом саде» персонажи в точно обозначенном в ремарке звуке лопнувшей струны слышали совершенно другие звуки, среди источников которых оказались упомянуты как раз цапля и филин. В песне Высоцкого звуки, издаваемые то ли выпью, то ли филином, оказались не то причиной того, что у Ивана-дурака на душе стало тоскливо, не то знаком этого состояния. Сходство двух эпизодов из двух произведений, таким образом, оказалось обусловлено не только указанием на одинаковые названия птиц (выпь — это разновидность цапли), но и сходство состояния персонажей в их реакции на эти звуки. В числе прочего рассматривается заглавный для песни Высоцкого мотив несчастья в проекции на упоминание несчастья Фирсом в эпизоде с лопнувшей струной у Чехова. В результате показывается, что соотнесение двух эпизодов способствовало смысловому взаимообогащению двух текстов: в пародийно-ироничной песне Высоцкого актуализировалось драматическое настроение, а в пьесе Чехова актуализировался комический план, загадочно заявленный жанровым подзаголовком.

Ключевые слова: «Вишнёвый сад», А.П. Чехов, «Сказка о несчастных сказочных персонажах», В.С. Высоцкий, звук лопнувшей струны

Для цитирования: Доманский Ю.В. Отзвук лопнувшей струны из чеховского «Вишнёвого сада» в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 5—12.

О звуке лопнувшей струны из «Вишнёвого сада» А.П. Чехова написано исследователями чеховской поэтики довольно много; более того, звук этот стал даже своего рода квинтэссенцией последней чеховской пьесы. Укажем в этой связи, например, на то, что сборник, приуроченный к столетию «Вишнёвого сада», был назван «Звук лопнувшей струны» [Чеховиана], а спустя год после его выхода вышел сборник, все статьи в котором были посвящены собственно этому звуку [Звук лопнувшей струны]. Весьма интересно специалисты-чеховеды пишут и о том, как звук лопнувшей струны отозвался в последующей культуре [Кузичева; Бушканец].

Наша задача — обратить внимание на то, как знаменитый чеховский эпизод отозвался в одном из сегментов «Сказки о несчастных сказочных персонажах» Владимира Высоцкого (1967, ещё одно название, известное по автометапаратекстам, произносимым на концертах перед этой песней, — «Сказка о несчастных лесных жителях»). Данная песня представляет собой изложение истории, участниками которой являются персонажи русских сказок: Кощей Бессмертный, пленённая им царица, чудище «с семью главами о пятнадцати глазах», добрый молодец Иван (он же — Иван-дурак), бабы-яги (они же ведьмочки) — каждый из них по-своему несчастен, что и актуализировано в вариантах названия песни, и подчёркивается не раз по её ходу. Согласно событийному ряду, Ивану, как и положено в сказках, предстоит освободить царицу из кощеева плена. Однако это не единственный поступок героя, о котором упоминается в песне: и до прихода к Кощею Иван совершал свои «подвиги напрасные», коим предшествовало состояние душевной тоски, которое, в свою очередь, было спровоцировано не точно атрибутируемыми звуками, исходящими от птиц:

То ли выпь захохотала,
То ли филин заикал, —
На душе тоскливо стало
У Ивана-дурака. [Высоцкий: 190]

Возникающие в этой строфе выпь и филин и натолкнули нас на возможность соотнесения «Сказки...» Высоцкого с тем эпизодом из «Вишнёвого сада», где возникает звук лопнувшей струны. Звук этот, напомним, появляется в комедии дважды — во втором действии и в финале; нас интересует именно второе действие, в котором две реакции персонажей на этот звук засценья связаны как раз с птичьим миром:

Гаев. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Т р о ф и м о в. Или филин... [Чехов: 224]

Для полноты картины приведём весь эпизод со звуком лопнувшей струны из чеховской пьесы:

Л о п а х и н. Знаете, я встаю в пятом часу утра, работаю с утра до вечера, ну, у меня постоянно деньги свои и чужие, и я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...

Л ю б о в ь А н д р е в н а. Вам понадобились великаны... Они только в сказках хороши, а так они пугают.

В глубине сцены проходит Е п и х о д о в и играет на гитаре.

(Задумчиво.) Епиходов идет...

А н я (задумчиво). Епиходов идет...

Г а е в. Солнце село, господа.

Т р о ф и м о в. Да.

Г а е в (*негромко, как бы декламируя*). О природа, дивная, ты блещешь вечным сиянием, прекрасная и равнодушная, ты, которую мы называем матерью, сочетаешь в себе бытие и смерть, ты живишь и разрушаешь...

В а р я (*умоляюще*). Дядечка!

А н я. Дядя, ты опять!

Т р о ф и м о в. Вы лучше жёлтого в середину дуплетом.

Г а е в. Я молчу, молчу.

Все сидят, задумались. Тишина. Слышно только, как тихо бормочет Фирс.

Вдруг раздаётся отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный.

Л ю б о в ь А н д р е в н а. Это что?

Л о п а х и н. Не знаю. Где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья. Но где-нибудь очень далеко.

Г а е в. А может быть, птица какая-нибудь... вроде цапли.

Т р о ф и м о в. Или филин...

Л ю б о в ь А н д р е в н а (*вздрагивает*). Неприятно почему-то.

Пауза.

Ф и р с. Перед несчастьем тоже было: и сова кричала, и самовар гудел бесперечь.

Г а е в. Перед каким несчастьем?

Ф и р с. Перед волей.

Пауза. [Чехов: 224]

Трактовки самого звука лопнувшей струны исследователями и театральными практиками находятся в довольно-таки широком спектре значений: тут видят, например, символ, который «означает... тревожное и горестное предчувствие скорого разрушения и конца привычного мира» [Пенькова: 116]. Звук лопнувшей струны характеризуют как звук, имеющий «атмосферное происхождение» [Гончарова: 14]. «“Звук лопнувшей струны”, возникающий извне по отношению к персонажам, является своеобразным голосом мира, которому персонажи дают различные, но в равной степени несостоятельные объяснения <...>. Благодаря тому, что в словесном обозначении этого звука фигурирует “струна”, устанавливается имплицитная семантическая связь с оркестром, игру которого слышат персонажи» [Панамарева: 65]. Наконец, «Тайна звука лопнувшей струны заключается именно в том, что невозможно определить его значение. Во 2-м действии Чехов через разную реакцию персонажей показывает, что этот звук интерпретируется с разных точек зрения в связи с разными эмоциональными состояниями персонажей. <...> Здесь “звук лопнувшей струны” работает как некий смысловой генератор. Возникающая при этом многосмысленность — одна из функций этого генератора» [Пак Хён Сон: 281]. А вот в фильме Сергея Овчарова «Сад» (2008) происхождение звука лопнувшей струны во втором действии оказывается оправдано реальностью — и физической, и реальностью текста: Епиходов, незадолго до знаменитой ремарки проходивший мимо (напомним: «В глубине сцены проходит Е п и х о д о в и играет на гитаре»), и «становится причиной загадочного звука “лопнувшей струны”, который всех пугает и символически выражает конец старого мира: незадачливый Епиходов рвёт струну на гитаре»

[Кондратьева: 148]¹. И действительно, «звук "лопнувшей струны" в пьесе "Вишнёвый сад" есть не что иное, как звук лопнувшей струны. ... Но, одновременно, он есть и нечто большее. <...> И фикциональное, и фактуальное начало подчинено началу миромоделирующему, которое и оформляется как художественный концепт <...>, подчиняющийся задачам миромоделирования "локальные", частные концепты художественной картины мира. "Звук лопнувшей струны" у Чехова поэтому издаёт не "птица какая-нибудь ... вроде цапли ... или филина"; и это не "в шахтах сорвалась бадья", не некий "частный" звук, как полагают персонажи пьесы. Этот звук относится к состоянию мира, в котором живут герои Чехова. Но не "обозначает" его» [Виноградова: 8].

Таким образом, при всей интерпретационной сложности звука лопнувшей струны во втором действии чеховской пьесы (не касаемся этого звука в финале комедии) всё же следует признать, что ремарка, транслирующая этот звук, содержит в себе весьма точное указание на его сущность — это именно *звук лопнувшей струны*, а не звук, *напоминающий* звук лопнувшей струны, или звук, *похожий* на звук лопнувшей струны. Между тем никто из высказавшихся по этому поводу персонажей Чехова не опознал этот предельно точно названный в ремарке звук: Раневская не поняла его происхождения; Лопахин, желая успокоить Любовь Андреевну, ещё более усугубил её состояние, предложив версию с сорвавшейся в шахте бадьёй; Гаев предположил, что услышанный звук издала цапля (точнее — какая-то птица вроде цапли); Трофимов — что филин; итог же всему подвёл Фирс, сведя всю дискуссию к предсказанию несчастья. Но никто не сказал, казалось бы, очевидное: лопнула струна. Состояние же всех, а не только своё личное, словесно транслировала Любовь Андреевна:

Лю б о в ь А н д р е е в н а (*вздрагивает*). Неприятно почему-то.

Что может быть неприятного в звуке лопнувшей струны? Возможно, его характеристики, переданные в ремарке, сделали его неприятным и в плане происхождения таинственным: *точно с неба, замирающий, печальный*; добавим сюда переданную через слово «вдруг» неожиданность его вторжения в воцарившуюся тишину. В таком антураже даже самый обычный звук, каковым в общем-то и является звук лопнувшей струны, может быть и не узнан, и ошибочно опознан, и понят едва ли не мистически. И звук этот Гаев и Трофимов опознали, напомним, как крики птиц — цапли и филина.

Похожая ситуация и в песне Высоцкого: «То ли выпь захохотала, // То ли филин заикал» (если кого-то смущает постановка в один ряд чеховской цапли и выпи Высоцкого, то заметим, что выпь — птица семейства цаплевых, а согласно Гаеву — напомним ещё раз — «птица какая-нибудь... вроде цапли»). И схожесть тут не только в номинациях птиц, но в большей степени в неуверенности тех, кто слышит эти звуки (у Высоцкого это именно Иван), в возможности точно атрибутировать их источник: разные и в равной степени неточные по интенции версии чеховских персонажей (бадья в шахте, цапля, филин) и две равнозначные версии Ивана: *то ли выпь, то ли филин*; и если

¹ В.В. Кондратьева предлагает крайне глубокую трактовку Епиходова в фильме «Сад»: «На протяжении всего фильма Епиходов неоднократно цитирует Ницше: "Я – антихристианин". Эта реплика проходит рефреном через весь фильм, но на неё герои не обращают внимание. Режиссёр утрирует в герое разрушительное начало. И таким образом Овчаров усиливает парадокс, который состоит в том, что человека с прозвищем "22 несчастья" Лопахин просит следить за порядком. Епиходов-антихристианин остаётся в усадьбе, где рубят сад» [Кондратьева: 148].

атрибутировать крики птиц человеку несведущему довольно сложно, то всё же хохот и икоту различить можно. Хотя, конечно, оба слова, характеризующие звуки, издаваемые птицами в песне Высоцкого, являются по сути своей словами звукоподражательными: и захохотала, и заикал лишь фонетически передают те процессы, которые обозначают в данном орнитологическом контексте, ведь выпь не хохочет, а филин не икает, просто издаваемые этими птицами звуки сходны с человеческими хохотом и икотой; человек же (Иван-дурак в данном случае) приписывает услышанному человеческую природу лишь по принципу похожести, а никак не тождества; тем самым человек отнюдь не очеловечивает птиц, а всего лишь пытается описать услышанное в более близкой ему парадигме его собственных звуков. Птица у Высоцкого (какая-то одна из двух) издала звук, похожий на человеческий; лопнувшая струна у Чехова оказалась для некоторых персонажей похожа на крик птицы.

Между тем сходство ситуаций из двух произведений не только в названиях птиц; сопоставление можно расширить за пределы самих орнитологических звуков в сторону их значения в плане последствий: так, указание Фирса в «Вишнёвом саде» на несчастье, предвестником которого стали крик совы и гудение самовара, соотносится не только с указанием в «Сказке о несчастных сказочных персонажах» на то, что сразу после того, как «На душе тоскливо стало // У Ивана-дурака», «...начались его подвиги напрасные, // С баб-ягами никчемушная борьба», но и с мотивом из заглавия песни, мотивом, не раз и в самой песне повторенным даже лексически, — тем самым мотивом несчастья, ведь все персонажи песни Высоцкого несчастны: несчастно чудище, охраняющее царицу, Кошей — «несчастный старикашка», «по-своему несчастный» Иван, «по-своему несчастная» «лесная гольтьба» — бабы-яги, ведьмочки, «по-своему несчастная» узница-царица. Таким образом, песня, где заглавный мотив несчастья оказывается ключевым, сближается с эпизодом из «Вишнёвого сада», где в реплике Фирса возникает слово «несчастье», несчастье, как характеристика того, что могут предвещать крик совы и гудение самовара.

Однако непосредственно строфа из песни Высоцкого, содержащая указания на выпь и филина, сближается с эпизодом с лопнувшей струной из пьесы Чехова прежде всего в плане реакции персонажей на услышанный звук: то, что у Ивана «на душе тоскливо стало», близко к тому, о чём говорит Раневская: «Неприятно почему-то». Согласимся, что оба эти состояния относительно друг друга синонимичны, а значит, и персонажи — песенный и драматургический — могут быть сближены и соотнесены в плане характеристики и в смысловом плане: услышанный звук в обоих случаях способствует изменению состояния души в негативную сторону. В итоге в обоих произведениях состояние персонажей, вызванное услышанными звуками, отнюдь не точно атрибутированными, но в обоих случаях имеющими с некоторых позиций орнитологическое происхождение, формирует систему с уже упомянутым мотивом несчастья, а это уже и сами произведения — пьесу Чехова и песню Высоцкого — позволяет связать в систему друг с другом.

Тогда можно заключить, что через систему, в которой взаимодействуют мотив несчастья (реплика Фирса у Чехова и развёрнутая в остальной текст часть заглавия у Высоцкого) и реакция персонажей (Раневской и Ивана-дурака) на звук из внешнего мира, звук, который так или иначе соотносится с криками птиц, оба текста — «Вишнёвый сад» и «Сказка о несчастных сказочных персонажах» — в смысловом плане взаимообогащаются. Каким образом? К примеру, можно сказать, что песня Высоцкого, будучи в сущности

пародийной и в этой связи ироничной по отношению к сюжетам и персонажам народных сказок (как и большинство песен-сказок Высоцкого), через проекцию на неё пьесы Чехова в какой-то степени драматизируется, становится более серьёзной; и тогда над несчастными сказочными персонажами уже не столько смеёшься, сколько начинаешь сопереживать их несчастьям. Если же брать смысловую проекцию песни Высоцкого на пьесу Чехову, то тут можно говорить об эффекте обратного свойства: драматический в плане настроения момент со звуком лопнувшей струны через птичий крик, услышанный Иваном, становится в немалой степени комическим, ироничным, актуализируя тем самым знаменитый и загадочный жанровый подзаголовок «Вишнёвого сада».

В завершении же напомним только, что в Театре на Таганке Высоцкий в спектакле Анатолия Эфроса по последней пьесе Чехова играл одного из участников эпизода со звуком лопнувшей струны — Ермолая Лопухина; только случилось это уже сильно после создания «Сказки о несчастных сказочных персонажах» — премьеры спектакля состоялась в 1975-м году. Впрочем, знакомство Высоцкого с «Вишнёвым садом» должно было произойти гораздо раньше — в школьные или в студенческие годы поэта, а потому чеховские цапля и филин могли стать в песне выпью и филином, нагнавшими тоску на Ивана-дурака, вполне с позиции автора осознанно.

Источники

Высоцкий В. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1991. Т. 1. 639 с.
Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 13. 528 с.

Список литературы / References

- Бушканец Л.Е. Чеховские звуки в культуре XX—XXI веков // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. № 6 (18). URL: <https://portal.novsu.ru/file/1483207> (дата обращения 17.04.2024).
(Bushkanets L.E. Chekhov's sounds in the culture of the XX—XXI centuries, *Scientific notes of the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise*, 2018, no. 6 (18) — In Russ.)
- Виноградова М.С. Лингвоконцептология литературно-художественного текста: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. Октябрь. С. 7—9.
(Vinogradova M.S. Linguoconceptology of literary and artistic text: Statement of the problem *Bulletin of Tomsk State University*, 2007, no. 303, October, pp. 7—9. — In Russ.)
- Гончарова Н.Н. Образ прохожего в «Вишнёвом саду» А.П. Чехова: литературный, житийный и библейский аспекты // Вестник ЮУрГУ. Серия Лингвистика. 2021. Т. 18, № 4. С. 11—17.
(Goncharova N.N. The image of a passerby in A.P. Chekhov's "The Cherry Orchard": literary, hagiographic and biblical aspects, *Bulletin of SUSU. Series: Linguistics*, 2021, vol. 18, no. 4, pp. 11—17. — In Russ.)
- «Звук лопнувшей струны»: перечитывая «Вишнёвый сад» А.П. Чехова: сборник научных работ / науч. ред. А.Г. Головачевой. Симферополь: Доля, 2006. 135 с.
(“The Sound of a Broken String”: rereading “The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov: a collection of scientific works, ed. by A.G. Golovacheva, Simferopol, 2006. — In Russ.)
- Кондратьева В.В. Комедия А.П. Чехова «Вишневый Сад»: к вопросу об интерпретации чеховской пьесы в фильме Сергея Овчарова «Сад» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2017. № 7 (120). С. 146—150.

- (Kondratyeva V.V. Comedy by A.P. Chekhov “The Cherry Orchard”: on the question of the interpretation of Chekhov’s play in Sergei Ovcharov’s film “The Orchard”, *News of the Volgograd State Pedagogical University. Philological sciences*, 2017, no. 7 (120), pp. 146—150. — In Russ.)
- Кузичева А.П. Отзвук «лопнувшей струны» в поэзии «серебряного века» // Чеховиана: Чехов и «серебряный век». Москва: Наука, 1996. С. 138—150.
- (Kuzicheva A.P. The echo of the “broken string” in the poetry of the “Silver Age”, *Chekhoviana: Chekhov and the “Silver Age”*, Moscow, 1996, pp. 138—150. — In Russ.)
- Пак Хён Сон. О звуках в «Вишнёвом саде» А.П. Чехова // Известия Восточного института. 1996. № 3. С. 272—283.
- (Park Hyun Seong. About the sounds in “The Cherry Orchard” by A.P. Chekhov, *News of the Eastern Institute*, 1996, no. 3, pp. 272—283. — In Russ.)
- Панамарева А.Н. Звуковой образ мира в комедии А.П. Чехова «Вишневый сад» // Сибирский филологический журнал. 2010. № 4. С. 60—67.
- (Panamareva A.N. The sound image of the world in the comedy of A.P. Chekhov’s “The Cherry Orchard”, *Siberian Philological Journal*, 2010, no. 4, pp. 60—67. — In Russ.)
- Пенькова М.А. Игры звука и беззвучья в пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад» // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2023. № 39. С. 110—119.
- (Penkova M.A. Games of sound and silence in A. P. Chekhov’s play “The Cherry Orchard”, *Paradigm: philosophical and cultural almanac*, 2023, no. 39, pp. 110—119. — In Russ.)
- Чеховиана: «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад» / отв. ред. В.В. Гульченко. М.: Наука, 2005. 594 с.
- (Chekhoviana: “The Sound of a Broken String”: on the 100th anniversary of the play “The Cherry Orchard”, ed. by V.V. Gulchenko, Moscow, 2005, 594 p. — In Russ.)

ECHO OF A BROKEN STRING FROM CHEKHOV'S “THE CHERRY ORCHARD” IN VLADIMIR VYSOTSKY'S “THE TALE OF THE UNHAPPY FAIRY-TALE CHARACTERS”

Yuri V. Domanskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
domanskii@yandex.ru

Abstract. The article correlates an episode from the second act of A.P.’s comedy containing a remark indicating the sound of a breaking string. Chekhov’s “The Cherry Orchard” and a fragment from the song by V.S. Vysotsky “The Tale of Unfortunate Fairy-Tale Characters.” The basis for the correlation is the mention of birds: in Chekhov it is a heron and an eagle owl, in Vysotsky it is a bittern and also an eagle owl. In “The Cherry Orchard,” the characters, in the sound of a breaking string precisely indicated in the stage directions, heard completely different sounds, among the sources of which were just a heron and an eagle owl. In Vysotsky’s song, the sounds made either by a bittern or an eagle owl turned out to be either the reason that Ivan the Fool felt sad in his soul, or a sign of this state. The similarity of the two episodes from the two works, therefore, turned out to be due not only to the indication of the same names of birds (a bittern is a type of heron), but also to the similarity of the characters’ states in their reaction to these sounds. Among other things, the main motif of misfortune for Vysotsky’s song is considered in projection on the mention of misfortune by Firs in the episode with the broken string in Chekhov. As a result, it is shown that the correlation of the two episodes contributed to the semantic mutual enrichment of the two texts: in Vysotsky’s parody-ironic song the dramatic mood was actualized, and in Chekhov’s play the comic plan, mysteriously stated by the genre subtitle, was actualized.

Keywords: “The Cherry Orchard”, A.P. Chekhov, “The Tale of Unfortunate Fairy-Tale Characters”, V.S. Vysotsky, the sound of a broken string

For citation: Domanskii Yu.V. Echo of a broken string from Chekhov's “The cherry orchard” in Vladimir Vysotsky's “The tale of the unhappy fairy-tale characters”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 5—12.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Доманский Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, domanskii@yandex.ru

Domanskii Yuri Victorovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, domanskii@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 13—20.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 13—20.

Научная статья

УДК 821.111(73)(093.3)

DOI: 10.46726/И.2024.2.2

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ТРАВЕЛОГЕ Г. МЕЛВИЛЛА «ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ В ЕВРОПУ И ЛЕВАНТ, 11 ОКТЯБРЯ 1856 — 6 МАЯ 1857»

Камила Саматовна Каталиева

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия,
katalieva.kamila@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению специфики колониального дискурса в травелоге Г. Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857». Определены доминантные дискурсивные стратегии и устоявшиеся колониальные стереотипы воспроизводства национального образа Константинополя как образа Другого, Чужого. Травелог — основной жанрообразующей чертой которого является стремление к достоверному изображению мира Другого, Чужого, пропущенного, однако, всегда через субъективное восприятие Путешественника — предоставляет обширный материал для колониальных и постколониальных исследований. Мелвилла поистине можно назвать Путешественником с большой буквы, его безудержная юность была наполнена невероятными приключениями, в которых он получил огромное количество впечатлений. Именно они станут впоследствии бесценным материалом для его творчества. Определены составляющие колониального нарратива Мелвилла в его ориенталистском травелоге «Дневник путешествия в Европу и Левант...»: этноцентричность; оппозиция «Я / Другой, Чужой», или «Свой / Другой, Чужой»; ретроспективный модус как своеобразная временная перспектива восприятия пространства; нарочитое поэтизирование ландшафта как стратегия символического «присвоения» территории и повествование об авантюрном приключении.

Ключевые слова: колониальный дискурс, травелог, Мелвилл, Константинополь, Ближний Восток, ориентализм

Для цитирования: Каталиева К.С. Колониальный дискурс в травелоге Г. Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 13—20.

Интерес к травелогу, или литературе путешествий, в последнее время возрастает как в литературоведении, так и в других гуманитарных науках: истории, антропологии, социологии. Особое место этот жанр занимает в колониальных и постколониальных исследованиях. Благодаря многочисленным художественным произведениям английских и французских авторов, содержащим описание их путешествий по Азии, Африке и другим странам, возможно проследить историю становления европейской колониальности.

Сам Г. Мелвилл — это один из тех писателей, чье творчество вообще можно назвать большим травелогом, а жизнь — путешествием. Уже с раннего детства он желал увидеть весь мир и оставался верен себе на протяжении всей дальнейшей жизни. Новизна этого исследования заключается в первом

© Каталиева К.С., 2024

серьезном обращении к тексту травелога Мелвилла «Дневник путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857» с целью проведения анализа нарождающегося в XIX веке американского колониального дискурса и структурирования образа Константинополя в его контексте. В отечественном литературоведении подобные труды не представлены. Кроме того, несмотря на то, что в советском и российском литературоведении существует большое количество исследований, посвященных произведениям Мелвилла (Т. Сильман, А. Елистратова, А.И. Старцев, А.Н. Николокин, Ю.В. Ковалев, А.М. Зверев, Е.Г. Габуня, В.А. Камышанов, В.Г. Дукельская, Н.В. Ратушинская, И.Л. Новиченко) — американского писателя, поэта и моряка — его путевые очерки специально не изучались.

Нет необходимости говорить, что Константинополь не раз становился предметом описаний в предшествующей Мелвиллу колониальной литературе Европы. Однако Мелвилл стал одним из первых американских писателей, кто сделал столицу Османской империи предметом художественной рефлексии. Вслед за ним немало его соотечественников обращались к этому городу. О Константинополе писали такие крупные американские писатели, как М. Твен, Э. Хемингуэй, Д. Дос Пассос, Дж. Болдуин, М.Л. Сеттл и др.

Существует небезызвестное мнение американского литературоведа палестинского происхождения Э. Саида, что восприятие крупнейшего города Турции и в целом Ближнего Востока авторами из Европы и США отражает «стиль мышления, основанный на онтологическом и эпистемологическом различии “Востока” и (почти всегда) “Запада”» [Саид: 9] и названный им самим *ориентализм*. Однако Саид подчеркивает, что с начала XIX века и до окончания Второй мировой войны Франция и Англия являлись «нациями-пионерами» в сфере исследований Востока. Америка же сменит их только после Второй мировой войны. До того момента американский опыт Востока имел сугубо примитивный характер. Так, в качестве примера он упоминает самого Мелвилла как «отдельного чудака» [Там же: 448], который являлся одним из первых американских авторов, заинтересовавшихся Востоком. Помимо него он пишет также о «цинике» [Там же] Марке Твене, американских трансценденталистах, обнаруживавших связь между индийской мыслью и собственной, теологах и исследователях Библии, изучавших библейский Восток, Берберийских войнах, экспансии США на Дальнем Востоке и об Американской миссионерской ассоциации. Тем более представляется интересным рассмотреть, как сформировался образ Константинополя в период, когда еще не завершилось собственно оформление государственности США, какие черты доминировали в этом образе Другого, Чужого.

Одна из основных идей Саида заключается в том, что изначально интерес к Востоку возбудила именно культура, которая впоследствии начала сосуществовать наряду с политическими мотивами. Оттого и сам ориентализм представляется историку литературы неким «обменом» между авторами Франции, Англии и Америки, так как на их «интеллектуальной и имажинативной территории это письмо (writing) создавалось» [Там же: 28]. Вполне возможно, что в мелвилловском кругу константинопольского чтения присутствовали такие наиболее известные произведения крупных представителей эпохи романтизма, как «Восточные поэмы» (1813—1816) Дж. Г. Байрона, «Западно-восточный диван» (1819) И.В. Гёте, «Восточные мотивы» (1829) В. Гюго, «Константинополь» (1853) Теофиля Готье, «Граф Роберт Парижский» (1832) В. Скотта и другие. Все они были созданы примерно в то же время, что и его

«Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857». Кроме того, в своем травелоге Мелвилл даже сам упоминает одно из самых популярных ориенталистских произведений того времени — роман голландского и британского публициста Т. Хоупа «Анастасиус» (1817). В течение нескольких недель после публикации это произведение было переиздано трижды и высоко оценено В. Ирвингом и Дж. Г. Байроном. Однако наряду с оригинальностью мыслей и прекрасным слогом «Анастасиус» обладает огромной ценностью в качестве подлинного источника по истории Османской империи второй половины XVIII века. В 1787 году Хоуп отправился в продолжительное путешествие по Европе и Османской империи. Около года он прожил в Константинополе. Помимо Балкан и Греции он посетил арабские провинции. Своеобразным концом путешествия стал труд «Анастасиус» в трех томах. Автор повествует в произведении о жизни главного героя Анастасиуса с 1762 по 1798 год. Будучи рожденным в семье османского грека, Анастасиус стал мусульманином и обрел новое имя — Селим. Он предстает перед читателем как отважный воин и страстный любовник.

Находившийся на подступе к Константинополю со стороны моря, Мелвилл как раз и вспомнил прочтенный им роман с целью сопоставить изложенное описание, впоследствии широко цитировавшееся в других произведениях, и реальность. Пытаясь найти некое подтверждение уже устоявшемуся взгляду на город, он избирает несколько поверхностный путь и создает таким образом колониальный нарратив:

Появление Константинополя со стороны моря описывается как нечто великолепное. Почитайте «Анастасиус». Однако в книге нет того, что я увидел. Туман поднялся только над окраинами города, расположенными на полуострове, оставляя возвышенную, как бы коронную часть города завернутой в пелену. Я сумел рассмотреть основание стены святой Софии, но сам купол оставался невидимым. В его словно застенчивом появлении было что-то вроде кокетства, оставляющего место для игры воображения, придающего сцене более возвышенный смысл. Константинополь, подобно своим султаншам, представился закутанным в чадру. Видение Константинополя, вставшего из тумана, производило волшебное впечатление [Мелвилл: 116].

Приведенный фрагмент любопытен еще тем, что в нем Мелвилл восхищенно сравнивает Константинополь с населяющими его женщинами, воспроизводя широко известный стереотип об их таинственности и еще более поддерживая тем самым колониальный дискурс. В мужских травелогах колониальный нарратив постоянно сексуализируется через обретение Востоком феминных черт. На это обращает внимание и Саид, упоминая об употреблении в колониальном дискурсе «метафор глубины, таинственности и сексуального обещания» и образа по-женски загадочного Востока. В своем травелоге Мелвилл впоследствии не раз восхищается красотой восточных женщин:

Красота человеческих лиц. Безобразные женские лица редки. Примечательно, насколько эти расы превосходят нас в этом отношении. Из каждого второго окна выглядывают лица (греческие, еврейские, армянские), которые в Англии и Америке стали бы центром внимания любого бала. <...> Из хибар выглядывают прекрасные девушки, словно лилии и розы, растущие в разбитых горшках. Выглядят робкими и застенчивыми [Там же: 123].

Мелвилл не оставляет без внимания и мужчин на Востоке, воспроизводя их образы также в несколько клишированном виде. Они представляются ему дикими и своенравными варварами, глубоко покорными лишь Богу:

Пожилой турок (ветеран Синопа). Я сказал ему: «Дело дрянь». «Все в руках господ», — ответил он и раскурил свою трубку с видом благочестивого смирения [Там же: 116].

Колоссальные сарадины. Наблюдал за учениями турецких солдат. Неудачная попытка дисциплинировать жителей преисподней [Там же: 125].

В основном местное население в травелоге представлено Мелвиллом как некая обезличенная, нищая и грязная масса гигантского размера. Будучи настолько пораженным разношерстностью общества Константинополя, он сравнивает его с Вавилоном. Так, помимо турок Мелвилл наблюдает на его улицах грузин, евреев, армян, греков и др. Столица Османской империи буквально атакует все его органы чувств своим насыщенным местным колоритом и разноголосицей:

На причале часа два наблюдал за движением огромной толпы. В это время австрийский пароход из Константинополя входил в гавань с большим количеством палубных пассажиров-бедняков: турок, греков, евреев и т. д. Они съехали на берег в лодках, заваленных грудями пыльного барахла, с которого, казалось, так и сыпалась чума. Рев голосов носильщиков и ссоры из-за багажа. Вообразите чудовищное скопление оборванцев всех национальностей и все цвета радуги, переливающиеся в массе густой толпы. Носильщики борются за обладание огромными тюками и связками тряпок; толпа жестикулирует разнообразнейшими способами, спорит на всех языках мира. Всплески вокруг лодок, приткнувшихся к берегу [Там же: 113].

Градостроительный план Константинополя разочаровывает Мелвилла. Он отмечает непоследовательную застройку улиц в этом городе, отсутствие в нем садов, парков и других сред, в которых материалом является ландшафт. Подобные замечания Мелвилла не только демонстрируют зрелый, созерцательный, изучающий нарратив, свойственный колониальному мышлению, но и вскрывают его национальную ментальность, поддерживающую дихотомию «Свой / Другой». Родившись и прожив довольно долго в крупнейшем городе США — Нью-Йорке, он всегда наблюдал простор и привык к открытому пространству. Стрит, авеню, лейн, корт, драйв — это всего лишь несколько подвидов улиц в США в XIX веке. К середине 1850-х годов в крупных штатах США существуют Вашингтон-Сквер-Парк, Центральный парк, Проспект-парк и другие.

Путаница улиц. Отправился в одиночку в Константинополь и после ужасно долгой ходьбы очутился в том самом месте, откуда начал свое путешествие. Будто заблудился в лесу. Нет плана улиц. Карманный компас. <...>. Улицы не имеют названий словно аллеи в рощах. Нет номеров. Ничего [Там же: 117].

Полнейшее отсутствие открытого пространства — никаких скверов или парков. Задыхаешься от недостатка пространства. Негде разойтись [Там же: 120].

Мелвилл был обескуражен не только расположением улиц, но и самим их видом. Его крайне огорчают обветшалые дома, находящиеся на них. Наряду с нищетой Мелвилл отмечает навязчивое попрошайничество на улицах Константинополя. Здесь ему внушают страх как преступники, так и собаки. Многочисленные описания следов грязи, последствий бедности и страха быть обокраденным или убитым в одном из темных переулков узких улиц Константинополя воспроизводят одновременно колониальный дискурс и самоощущение Мелвилла.

В середине пятидесятых годов в его творчестве наравне с отрешенностью усиливается и социально-критическая направленность. Подтверждением тому является упомянутый А. Елистратовой в предисловии к роману Г. Мелвилла «Израиль Поттер. Пятьдесят лет его изгнания» (1966) публицистический

очерк-памфлет «Пудинг бедняка и крошки богача» (1854) и высказывание самого Мелвилла: «Мука и унижение бедности... есть, были и будут совершенно одинаковы в Индии, в Англии и в Америке» [Елистратова: 7].

Ужасный, трагический вид улиц. Трухлявые, мрачные дома. Они выглядят настолько угрюмо и угрожающе, что кажется, будто внутри их с каждого стропила свешивается самоубийца [Мелвилл: 120].

Ночь провел в номере. Выходить опасно из-за разбойников и убийц. Проклятие этих мест [Там же: 116—117].

Временами слышны ужасные вопли. По ночам собачьи драки. Довольно неприятно наткнуться на такую свору в заброшенном переулке [Там же: 130].

Наиболее примечательным и ярко иллюстрирующим колониальный нарратив является фрагмент, в котором Мелвилл почувствовал себя на непродолжительное время героем приключенческого романа Ф. Шиллера «Духовидец» (1787), который так же, как и американский писатель, вынужден был скрываться от пристального взора злоумышленника:

Отпустив гида, два или три часа подвергался преследованию со стороны какого-то ужасного грека и его сообщников. Они ходили за мной по пятам по всем закоулкам базара. Я не мог ни пугнуть их, ни убежать. Начал ощущать беспокойство; вспомнил, что наибольший интерес в шиллеровском «Духовидце» вызывает эпизод, когда в Венеции героя преследует армянин. Таинственное, настойчивое и молчаливое сопровождение [Там же: 124].

Уже в ранних травелогах авторы создавали преимущественно увлекательные повествования своих приключений в чужой стране или, как минимум, истории тех трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Зачастую эти приключения описывались как опасные, что подчеркивало враждебность атмосферы Другого и усиливало оппозицию «Я / Другой».

В своем взаимодействии с местной культурой Мелвилл порой проявляет любознательность, восхищение и живой интерес. Так, он преклоняется перед масштабом Софийского собора, ныне известного как Большая мечеть Айя-София:

Великолепный интерьер. Драгоценный мрамор. Древний порфир и крапчатый мрамор. Внушительные размеры сооружения. Имена пророков, начертанные огромными буквами [Там же: 117].

Однако уже следующий его комментарий имеет колониальную направленность. Рассуждая о другой культуре, он тем не менее пребывает в своей «системе координат»:

В общем атмосфера большого католического собора [Там же].

Хотя Мелвилл обнаруживает острый ум и наблюдательность, характеризуя своих соотечественников, он демонстрирует ограниченность и стереотипность мышления, интерпретируя явления другой культуры. Отклонения от нормы западной цивилизации трактуются как «странные». Во время посещения второй по значимости мечети Константинополя — мечети Сулеймание — он, вероятно, застал процесс совершения мужчинами намаза — обязательной пятикратной молитвы в исламе:

Снял обувь, вошел внутрь. Этот обычай отличается большим смыслом, чем обнажение головы. Пыльная обувь; головы чисты всегда. <...>. Много молящихся турок, кланяющихся в сторону некоего сооружения, напоминающего алтарь. Бормотание нараспев. <...>. Фонтаны (целый ряд) снаружи вдоль стен мечети для омовения рук и ног верующих перед тем, как войти внутрь. Естественный камень. Вместо того чтобы войти в носках (как я), турки надевают что-то вроде галош, которые оставляют снаружи [Там же: 119—120].

Мелвилл обращает внимание на то, что турки оставляют обувь при входе и ступают в мечеть босиком, а не в носках, демонстрируя тем самым отсталость их поведения. Однако мусульмане, оставляя при входе обувь, проявляют тем самым соблюдение выработанных предписаний.

Прогуливаясь далее по Константинополю и обозревая его достопримечательности, Мелвилл преимущественно отмечает памятники дотурецкого времени и пытается ощутить дух бессмертного Древнего Рима в них. Проезжая под одной из арок моста Акведук Валента, в настоящее время Боздоган, Мелвилл будто оказывается в Древнем Риме, в котором отсутствуют убогие хижины Константинополя:

В этих высоких арках, поросших плющом и обмытых дождями, кажется, жив еще дух Рима, полный презрения к жалким лачугам Стамбула [Там же: 122].

Развиваясь в культуре США, в которой был укоренен взгляд на Рим как на родину демократического правления, он, безусловно, ценит больше Древний Рим, нежели Османскую империю. Подобный взгляд обесценивает местное население и его культуру в их текущем наблюдаемом состоянии и отражает ретроспективность модуса его восприятия, в рамках которого существенным является не происходящее в настоящий момент, а героическое прошлое территории [Mills: 5].

Описания ландшафта превалируют над остальным содержанием в травелогге. Покинув центр, Мелвилл предается неутомимому созерцанию девственной природы Константинополя и наслаждается ее первозданностью. Особое внимание он обращает на удивительную растительность столицы. Он упоминает кедры, кипарисы, мирты. Первый описательный пассаж примечателен тем, что содержит метафоричность и философскую рефлексию одновременно. Во втором Мелвилл сопровождает описание исторической справкой, демонстрируя тем самым свою эрудицию. М.Л. Пратт обнаруживает в художественных описаниях природы и достопримечательностей, столь характерных для «Дневника путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857», попытку наблюдающего «овладеть» или «присвоить» себе то, что он увидел [Pratt: 215]. По ее мнению, «эстетические качества ландшафта составляют социальную и материальную ценность этого “открытия” для родной культуры путешественника» [Ibid: 216]. Однако при подобном семантическом «освоении» пространства люди, присутствующие в нем, отстраняются вплоть до полного исчезновения. Авторы стараются максимально наделить описания смыслом, обогащая их всевозможными литературными и историческими аллюзиями.

Кипарисы — зеленые минареты, перемежающиеся с каменными. Форма минарета (возможно) заимствована у кипариса. Чередование темной листвы дерева с яркими шпильками выразительно подчеркивает контраст между жизнью и смертью [Мелвилл: 126].

В общем все путешествие вверх по Гелеспонту оказалось приятным. Тем не менее я не испытал особого энтузиазма, хотя мы и прошли мимо того места, где Ксеркс воздвигал мосты, устье Граникуса и т. д. Все же, думалось мне, султан владеет величественными подступами к столице. Прихожие составлены из морей, озер, коридоров и великолепных проливов [Там же: 115].

Противопоставление и сопоставление себя и Другого порой явственно проступает в колониальном нарративе Мелвилла. Однако, соотнося культуру и ландшафт Америки и Турции между собой, он не пишет о том, кто является на порядок выше.

Опоздал на танцы дервишей. Видел их монастырь. Вспомнил наших трясунов* [Там же: 122].

Берег Босфора. Напоминает Бруклинские высоты [Там же].

Он сравнивает Турцию не только с Америкой, но и с Англией. В 1849 году он отправился в Лондон и отразил свои впечатления от пребывания в этом городе в идентичном травелоге. Рассматривая Колонну Константина, Мелвилл сравнивает архитектурные здания и сооружения Константинополя с английскими образцами, подчеркивая, однако, явное превосходство первых. Можно предположить, что Турция в восприятии Мелвилла определенно находится на одну ступень ниже, чем Америка, но не ниже, чем Англия. Возможно, в Мелвилле тут проявилось традиционное противостояние Америки своей бывшей метрополии. К тому же ввиду своей экзотической направленности Восток будоражит и пленяет воображение Мелвилла как истинного представителя романтизма.

Черная, довольно мрачная, скрепленная на макушке железными обручами. Она возвышается над сборищем ветхих деревянных домишек. Монумент, воздвигнутый в честь пожара, более впечатляющий, чем такой же в Лондоне [Там же: 118].

Мосты Константинополя намного живописнее лондонских. Контраст между лондонским мостом и этими [Там же: 123].

Таким образом, несмотря на ряд индивидуальных особенностей, в своем травелоге «Дневник путешествия в Европу и Левант 11 октября 1856 — 6 мая 1857» Мелвилл почти неуклонно следует общей традиции колониального травелога, воспроизводя его доминантные дискурсивные стратегии и стереотипизированные для своего времени представления. Его нарратив этноцентричен в дихотомиях «Я / Другой, Чужой», или «Свой / Другой, Чужой», «Опасность / Безопасность», «Цивилизация / Дикость, Варварство», в результате чего возникает противопоставление Америки и Турции, где последняя страна проигрывает в сравнении с первой. Мелвилл преимущественно пребывает в ретроспективном модусе, т. е. воспринимает пространство в контексте его исторического прошлого и принижает настоящее. насыщая текст выразительными описаниями ландшафта и местных достопримечательностей Константинополя с употреблением литературных и исторических аллюзий, Мелвилл реализует стратегию символического «освоения» инокультурного пространства. Мрачная и тревожная атмосфера Другого поддерживается с помощью приключенческих историй, сопряженных с риском и страхом смерти.

Источники

Мелвилл Г. Энкантас, или Очарованные острова: Дневник путешествия в Европу и Левант, 11 октября 1856 — 6 мая 1857 / пер. с англ. В.Н. Кондратьева и Н.В. Димичевского. М.: Мысль, 1979. 233 с.

Мелвилл Г. Израиль Поттер. Пятьдесят лет изгнания. М., 1966. 303 с.

Список литературы / References

Елистратова А. Предисловие // Мелвилл Г. Израиль Поттер. Пятьдесят лет его изгнания. М., 1966. С. 3—23.

(Elistratova A. Preface, *Melville G. Israel Potter. Fifty Years of Exile*, Moscow, 1966, pp. 3—23. — In Russ.)

* Речь идет об Объединенном сообществе верующих во Второе Пришествие Христа (United Society of Believers in Christ's Second Appearing — USBCSA). В Америке их называли просто «трясущимися» — шейкерами, так как они открыто практиковали экстатические танцы во время богослужений.

- Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говоруннова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.
(Said Edward W. Orientalism. Western Conceptions of the Orient, transl. from English by A.V. Govorunov, St. Petersburg, 2006, 636 p. — In Russ.)
- Mills S. Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism, London; New York: Routledge, 1993. 240 p.
- Pratt M.L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. London; New York: Routledge, 2007, 296 p.

**COLONIAL DISCOURSE IN H. MELVILLE'S TRAVELOGUE
“JOURNAL OF A VISIT TO EUROPE AND THE LEVANT,
OCTOBER 11, 1856 — MAY 6, 1857”**

Kamila S. Katalieva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
katalieva.kamila@mail.ru

Abstract. The article is devoted to identifying the specifics of colonial discourse in H. Melville's travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857”. Dominant discursive strategies and well-established colonial stereotypes of reproducing the national image of Constantinople as an image of the Other is defined. Travelogue, the main genre-forming feature of which is the desire for an authentic depiction of the world of the Other, missed, however, always through the subjective perception of the Traveler, provides extensive material for colonial and postcolonial studies. Melville can truly be called a Traveler with a capital letter, whose unrestrained youth contains incredible adventures and a huge number of impressions received from them. They will later become invaluable materials for his work. The components of Melville's colonial narrative in his orientalist travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857” are defined: ethnocentricity; the opposition “Self / The Other”; retrospective mode as a kind of temporary perspective of perception of space; deliberate poetization of the landscape as a strategy for symbolic “appropriation” of territory and a narrative about an adventure.

Keywords: colonial discourse, travelogue, Melville, Constantinople, the Middle East, orientalism

For citation: Katalieva K.S. Colonial discourse in H. Melville's travelogue “Journal of a Visit to Europe and the Levant, October 11, 1856 — May 6, 1857”, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 13—20.

Статья поступила в редакцию 02.03.2024; одобрена после рецензирования 20.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 20.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Каталиева Камила Саматовна — магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, katalieva.kamila@mail.ru

Katalieva Kamila Samatovna — graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, katalieva.kamila@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 21—29.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 21—29.

Научная статья

УДК 821.111

DOI: 10.46726/И.2024.2.3

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕМЫ ДЕТСТВА В РОМАНАХ КАДЗУО ИСИГУРО

Татьяна Сергеевна Орлова

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия
им. А.Л. Штиглица, Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, ots_prof@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется художественное своеобразие образов детства в романах Кадзуо Исигуро. Статья рассматривает ключевые воплощения дискурса детства в контексте мировых проблем, влияющих на жизнь новых поколений. В результате анализа было выявлено, что в творчестве Кадзуо Исигуро топос детства и мотив памяти о связаны с социопсихологическими проблемами: сиротство, отсутствие и развод родителей, потеря памяти, конфликт поколений, инфантилизм и др. В литературных работах Кадзуо Исигуро мировые проблемы служат тревожным фоном для рефлексии над темами человеческой жизни и любви, памяти, а также детской болезни и невинности. Вспоминая детство, рассказчики в романах Исигуро бессознательно воспроизводят отношения, которые у них были с родителями. Также было выявлено, что в избранном для анализа корпусе текстов детские психотравмы у главных героев, связанным с отсутствием родителей или с семейными конфликтами, вызывают путаницу с самоидентичностью, препятствуют социальной адаптации, построению личных отношений и решению этических проблем в повседневной жизни, а также порождают ложные воспоминания о детстве. Проведенный анализ показал, что для художественного воплощения темы детства Кадзуо Исигуро обращается к литературному приему «ненадежного рассказчика», ставя под сомнение фактографичность детских воспоминаний и поднимая широкую проблему репрезентации исторической и социальной памяти в литературном тексте.

Ключевые слова: британская литература, Исигуро, детство, память, ненадежный рассказчик

Для цитирования: Орлова Т.С. Особенности репрезентации темы детства в романах Кадзуо Исигуро // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 21—29.

В британской литературе одной из магистральных проблематик является тема детства. Начиная с Драйдена и Поупа, тема детства приобрела ключевую роль для целой плеяды поэтов и писателей. Развитие и возрастание важности топоса детства в британской литературе XVIII в. связано с жанром романа. В литературе XIX—XX в. тема детства получила многочисленные трактовки и художественные переосмысления. В первые десятилетия XXI в. обозначилась тенденция связывать проблематику детства с наследием прошлых веков, а также сопоставлять эту тему с такими мировыми проблемами, как глобализация, колониализм, постколониализм, революции, терроризм, болезни — явления, влияющие на жизнь новых поколений.

© Орлова Т.С., 2024

Данная статья посвящена рассмотрению основных художественных воплощений темы детства в романном творчестве современного британского писателя Кадзуо Исигуро. Кадзуо Исигуро — автор, чье литературное творчество отмечено несколькими международными наградами. В восьми романах Исигуро с разной степенью интенсивности можно найти отражение концептов детства, детей, проблемы отцов и детей, отсутствия или потери родителей.

С темой детства связана одна из основных черт художественного творчества Исигуро. В частности, его романы характеризуются обращением к приему «ненадежного рассказчика» при повествовании от первого лица. Каждый из рассказчиков Исигуро ненадежен из-за наличия травмирующих воспоминаний, связанных с детством. В текстах Исигуро через воспоминания крупные мировые события, масштабные открытия и общечеловеческие переживания (война, генная инженерия, трансгуманистические технологии; непоколебимая верность, детская травма) приобретают этическую оценку. Применение этого метода приводит к явлению, которое Дэвид Лодж обозначил как «разрыв между фикциональностью и реальностью» [Lodge: 155], в данном случае между тем, что сообщает рассказчик, и тем, что происходит на самом деле. Так, в дебютном романе Кадзуо Исигуро «Там, где в дымке холмы» (“A Pale View of Hills”, 1982), в отличие от других его текстов, читатель не только сомневается в интерпретации Эцуко ее воспоминаний о событиях до суицидального поступка дочери, но и сомневается, являются ли они воспоминаниями вообще.

В многочисленных интервью Кадзуо Исигуро утверждал важность и ценность памяти. И в романе «Когда мы были сиротами» (“When We Were Orphans”, 2000) в кульминационной сцене представлен следующий диалог:

— Скоро ты снова увидишь сына, уж я об этом позабочусь. А насчет того, что в годы нашего детства мир якобы был лучше, это все чушь. Просто тогда взрослые прикрывали нас. Не стоит вспоминать о детстве с такой ностальгией.

— Но-сталь-ги-я, — по слогам повторил Акира, словно это и было слово, которое он тщетно искал. Потом сказал что-то по-японски, вероятно, то же самое слово, и снова перешел на английский: — Но-сталь-ги-я. Нужно испытывать но-сталь-ги-ю. Это очень важно.

— Ты так думаешь, старина?

— Важно. Очень важно. Ностальгия. Если мы испытывать ностальгия, значит, мы помним. Мир, лучший, чем этот, мы открывать, когда расти. Мы помним и желать добрый мир снова возвращаться. Поэтому очень важно [Исигуро 2017а: 333].

В романах Исигуро использует мотив памяти и ностальгии в качестве художественного средства раскрытия биографии и психологии протагониста. В раскрытии психологического портрета главного героя особую роль играют воспоминания о юных годах. По мнению Кадзуо Исигуро, высказанному в одном из интервью для “The Asia Society”, чувство ностальгии чаще всего связано с воспоминаниями о детстве, или, по крайней мере, о времени, когда мир казался лучше, чем он был на самом деле, «потому что, когда мы маленькие дети, нам позволено жить в пузыре (при условии, конечно, что нам повезет, ведь все чаще есть дети, у которых этого нет). Взрослые, не только наши родители, но и незнакомцы на улице, все моментально вступают в заговор, чтобы ребенок поверил, что мир чуточку лучше, чем он есть на самом деле. Люди будут улыбаться или говорить сладким голосом <...> Но, конечно, как и

идеализм, такая ностальгия может вести как к деструктивным действиям, так и к позитивным, но я думаю, что подобная ностальгия — это большая сила, которая кроется в умах людей» [Shaikh].

Так, например, бессознательное и мотив сиротства играет сюжетообразующую роль в романе «Безутешные» (“The Unconsoled”, 1995). Город, в который приезжает известный пианист Райдер, представляет собой порождение его бессознательного. Райдер постоянно находится в ожидании приезда родителей. Мысль о предстоящем их прибытии одновременно утешает Райдера и причиняет ему нервный дискомфорт. Родители в романе при этом представлены как обезличенные образы, отголоски детской травмы, однако их фигура занимает центральное положение в сознании Райдера: он по-детски нетерпеливо упоминает в разговоре их предстоящий визит. Райдер не помнит, ни как родители выглядят, ни их возраст — план его детских воспоминаний размыт и в целом иллюзорен [Смирнова: 49]. Образ родителей служит утешительной фантазией в ментальной вселенной Райдера.

Мотив сиротства, но в обратной его трактовке поднимается в романе «Погребенный великан» (“The Buried Giant”, 2015). Аксель и Беатрис отправились навестить своего взрослого сына, который ушел много лет назад и теперь живет в поселении, как им кажется, в нескольких днях пути. Их сын давно ушел, возможно, имеет детей, но пожилая пара не знает из-за тумана забвения, окутывающего ту землю, где именно живет их сын, и не понятно: был ли он точно. Несмотря на утверждения соседей пожилой пары о том, что у них не было сына, Аксель и Беатрис покидают кафкианский лабиринт своей деревни с намерением отправиться в деревню сына. Они надеются, что он пригласит их жить с ним и его семьей. Хотя они не помнят ни его имени, ни лица, Аксель и Беатрис уверены, что он их ждет. По мере того, как их воспоминания постепенно возвращаются, Аксель и Беатрис вспоминают, что их сын решил сбежать из дома, потому что не хотел видеть ссору родителей из-за измены матери, Беатрис. Вскоре после этого он заболел чумой и умер. Аксель и Беатрис продолжают верить, что их сын жив и находится на таинственном острове, а также в то, что лодочник сможет доставить их туда, чтобы они могли воссоединиться с ним.

Тема сиротства и травма от развода родителей представлена и в романе «Когда мы были сиротами». Как и многие другие современные британские писатели, в этом романе Кадзуо Исигуро использует литературный прием «ненадежного рассказчика» от первого лица и применяет его к теме детства и памяти. Проведенный анализ текстов Исигуро показал, что в литературных репрезентациях детских воспоминаний фигура отца представлена оказывающей сильное личностно-формирующее воздействие на дальнейшее поведение персонажей. Так, например, «Когда мы были сиротами» — это история с трагической атмосферой о Кристофере Бэнксе, детективе, которого в детстве преследовало травмирующее исчезновение родителей (развод). Роман представляет собой демонстрацию повествовательного мастерства Исигуро. Здесь, если применить результаты исследования швейцарского психоаналитика Катрин Аспер, «ребенок как символ не представляет собой зеркальное отражение внешней реальности, а скорее, изображает нечто относящееся к внутренней реальности психики: желания, надежды и наши самые заветные чаяния» главного героя [Asper: 5]. Согласно одному из вариантов поведения в рамках фрейдистской теории, Бэнкс должен смириться с отсутствием родителей или найти способ «компенсировать отказ от инстинктивного удовлетворения»,

связанный с принятием этого отсутствия [Фрейд: 494]. Поэтому Бэнкс одержимо играет роль детектива, который обнаруживает своего отца, а позже играет в поиски родителей после исчезновения матери. Из-за потребности компенсировать потерянную родительскую любовь Бэнкс стал детективом с целью воссоединения семьи — дело о потерянных родителях, вокруг которого разворачивается сюжет романа.

Кроме того, эта травма — исчезновение родителей — выражена в тексте через нарратологическую проблему недостоверных воспоминаний Кристофера Бэнкса о местах и событиях из детства. Детская психотравма от развода родителей, отразившаяся на выборе профессии детектива и на стремлении Кристофера Бэнкса узнать правду о прошлом своей семьи, является частью более общей проблемы. Так, исследуя семейное прошлое, Кристофер Бэнкс одновременно раскрывает историю национального прошлого, так как по-детски связывает исчезновение (развод) родителей с тем, что был в недостаточной степени англичанином.

Национальная самоидентичность Бэнкса служит одновременно причиной и решением травмы Эдипова комплекса, а идеал достижения подлинной национальной идентичности становится, таким образом, сокрытым желанием личности «восстановить» себя до момента травмы, регрессом до идиллического состояния детства, в котором у Бэнкса была полная семья. Тем не менее развитие Бэнкса как персонажа оставляет ему возможность выхода за пределы замкнутого круга, состоящего из воспоминаний травматического прошлого. Окончательное принятие Бэнксом своего сиротского положения может позволить ему выйти за пределы фантазий в рамках развития Эдипова комплекса.

Чувство ностальгии по детству — это цена, которую взрослые платят «милосердному миру детей» [Shaikh: 51]. В романе-антиутопии «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005) поднимается тема сиротства. Также в этом тексте представлено воплощение метафоры детской жертвенности ради порядка нового мира. У детей в школе Хейлшем нет родительского дома; вместо родителей в романе представлены учителя, «опекуны», которые присматривают за воспитанниками школы, следят за тем, чтобы они не покидали территорию школы до совершеннолетия и привлекают их к разным формам искусства. Как персонаж-рассказчик ограничен тем, что рассказывают ему «опекуны», так и ограничен читатель в информации об ужасающих обстоятельствах жизни детей в Хейлшеме и вне этой школы.

Эти дети выращены для того, чтобы пожертвовать органы для «нормальных» людей во внешнем мире. В отличие от главного героя романа «Когда мы были сиротами» у учеников школы Хейлшем нет возможности выйти из состояния сиротства. Когда они покидают школу, их представления и знания о мире вне школы Хейлшем весьма ограничены. Не имея возможности быть «нормальными» людьми, большинство персонажей Исигуро в романе «Не отпускай меня» мыслят теми категориями, которые им привили в школе Хейлшем. Кэти, Томми и Рут размышляют о своем ностальгическом, травмирующем прошлом и неизбежном травмирующем будущем, а также сосредоточены на собирании «коллекций» из безделушек. Текст романа представляет собой дневниковые записи, пропитанные темой важности воспоминаний о детстве и прошлом, а также мечтой жить как «нормальные» до момента последней выемки донорских органов. Попытки троицы изменить свою судьбу и найти иное предназначение окончились неудачей.

Сюжет романа представляет собой записанную в дневник коллекцию из самых дорогих для Кэти воспоминаний из ее детства в школе и до дня, когда она стала донором. Многие из записанных моментов из жизни Кэти — это попытка ребенка понять и осознать собственную природу и смысл жизни. Так, Кэти, например, находит цель своей жизни в роли сиделки для других клонов. В своей работе Кэти считает первостепенным успокоить подопечных и помочь им подготовиться к последним изъятиям органов. Эта цель подчеркнута обратным хронологическим порядком записей в дневнике Кэти. Принципиальную важность для проблематики романа играет ностальгическое повествование, которое начинается в романе с того, что рассказчик, Кэти Ш., представляется и указывает, что работает сиделкой для доноров — работа, которой она гордится. Во время работы она рассказывает своим пациентам истории о своем времени в Хейлшеме, заменившем Кэти и другим воспитанникам родительский дом. Эту же мысль можно проследить в раннем романе Исигуро «Там, где в дымке холмы»: «Человек может трудиться и нести служение в одном месте, но в самом конце, — он пожал плечами и грустно улыбнулся, — в самом конце ему все-таки хочется вернуться туда, где он вырос» [Исигуро 2017b: 180].

Одним из ключевых признаков наличия ненадежного рассказчика в тексте Исигуро является повествование от лица ребенка. Так, Сатико как альтер-эго протагониста в романе «Там, где в дымке холмы» заключает: «Знаете, как это бывает с детьми. Они что-то вообразят себе, а потом сами перестают понимать, где выдумка, где правда» [Исигуро 2017b: 89]. Дети как персонажи-рассказчики могут быть наивными, заблуждающимися, дезинформированными или даже слишком предвзятыми из-за любви, верности, открытости души или других благих намерений, свойственных юному возрасту.

Кроме того, «детство с годами начинает напоминать чужую страну, в которой мы когда-то выросли» [Исигуро 2017a: 377]. На примере Кэйко из романа «Там, где в дымке холмы» читатель понимает, что после переезда в другую страну, в Англию, и по мере взросления и отдаления от детства Кэйко, старшая дочь Эцуко, все больше и больше замыкалась в себе, не чувствовала себя нужной ни в семье, ни в чужой стране, в которой ей так и не удалось ассимилироваться. Зачатки такого психоэмоционального состояния транслирует маленькая Марико, которая выступает как двойник Кэйко, покончившей собой. Марико, как и Кэйко, не хочет переезжать в Америку вместе с мамой, о чем говорит ее капризное и замкнутое поведение, попытки убежать. Два плана повествования становятся все более переплетенными, что затрудняет различие между прошлым и настоящим. Эта путаница между двумя временными пластами романа является типичной чертой «ненадежного повествования».

Как и в «Не отпускай меня», тема безоговорочной детской верности и служения звучит в романе «Остаток дня» (“The Remains of the Day”, 1989), повествование которого ведется с точки зрения Стивенса, пожилого дворецкого, который во время шестидневной поездки в западную Англию размышляет о своем прошлом в загородном особняке Дарлингтон-холл. Он посвятил свою жизнь служению лорду Дарлингтону, предателю родной страны, чтобы стать великим дворецким. Эта верность ослепляет Стивенса и отдаляет его от понимания политической роли Дарлингтона, симпатизирующего нацистским высказываниям.

Как заметила исследовательница Синтия Ф. Вонг, «автомобильное путешествие Стивенса по английскому ландшафту — это путешествие, отражающее его подавленную любовь к мисс Кентон <...>, чувство, которое возникло

у Стивенса, но не получило развития в результате абсолютной верности лорду Дарлингтону» [Wong: 127], а также попытка бегства от самого себя и ошибок прошлого. Несмотря на безукоризненную верность лорду Дарлингтону и стремление Стивенса к безупречному выполнению своих обязанностей дворецкого у него есть различные недостатки, которые обусловлены намерением не только перенять в работе лучшие черты отца, бывшего дворецкого, но и превзойти его. В психоаналитических трудах принято указывать на влияние образа отца на выбор карьерного и профессионального пути, а также на производительность и работоспособность [Селяев, Ставиский: 151].

Тем не менее подобный порыв Стивенса к слепому и безукоризненному служению лорду приводит к тому, что роль и обязанности дворецкого преобладали у Стивенса над чувством сыновнего долга. Стивенс сдержанно и односложно отреагировал на информацию о том, что его отец умирает в комнате наверху. Отец Стивенса скрывался за такой же маской профессионализма и достоинства, никогда не проявляя эмоций или любви к сыну. Стивенс считает, что его отец хотел, чтобы он вел себя именно так, поскольку подобное поведение соответствует английскому эталону профессионализма. Для Стивенса «достоинство» означает постоянное ношение маски профессиональной выдержки. Не получив достаточного внимания от отца, Стивенс никогда никому не говорит о том, что чувствует. Не имея фигуры отца в детстве, Стивенс полностью вверил свою жизнь лорду Дарлингтону, бессознательно увидев и заместив в нем фигуру отца. Таким образом, для Стивенса была важно во всем соответствовать требованиям лорда Дарлингтона, чтобы компенсировать недостаток отношений с отцом, несмотря на то что сам лорд остутился, переняв фашистские воззрения.

Однако постоянные рассказы Стивенса об отце помогают заключить, что отеческая фигура оказала на Стивенса сильное влияние. Он видит в отце прекрасное олицетворение английского достоинства и профессионализма. Отношения между Стивенсом и его отцом по большей части полностью лишены каких-либо признаков семейной теплоты. Если отношения Стивенса даже с членом семьи настолько отдалены, можно представить, как трудно ему избавиться от привычки слепо следовать профессиональному кодексу. Поэтому он испытывал большие проблемы с построением личных отношений с мисс Кентон.

Похожая тема верности профессии, на первый взгляд, возникает в романе «Художник зыбкого мира» (“An Artist of the Floating World”, 1986). Мацуи Оно — художник своего времени, человек традиций и устоявшихся обычаев, ценящий вежливые формальности и моменты истории. Повествование от первого лица раскрывает его мысли о настоящем и будущем своей семьи, а также выявляет воспоминания о детстве и становлении карьеры художника-националиста.

Мацуи Оно вспоминает свой путь в карьере политически ангажированного художника в рамках империалистической пропаганды Японии. Его воспоминания пробуждают ряд проблем: конфликт «отцов и детей», проблема империализма, консьюмеризма. Лауреат Нобелевской премии Кадзуо Исигуро выводит в романе историю четырех поколений семьи Оно. Он дает характеристику каждому поколению, вырисовывая их портрет на фоне сложных межпоколенческих отношений. Так, например, Мацуи Оно как отец семейства заботится о традиционных, материальных благах. Он ожидает, что его сын возьмет на себя семейный бизнес. С другой стороны, у Мацуи Оно есть политические и культурные разногласия со своими детьми. Он защищает националистическую культуру Японии и хочет, чтобы его дети приняли ее. Мацуи Оно

обеспокоен тем, что младшее поколение детей, в частности внук, не знает историю своей страны и почти полностью погружен в американскую культуру под влиянием глобализации.

«Художник зыбкого мира» изображает общество, которое прививает молодежи важность уважения и послушания старшим, но тем не менее определяется межпоколенческим конфликтом и недоверием. Этот конфликт становится особенно ожесточенным после войны, когда молодое поколение возлагает вину на старшее поколение за то, что оно повело страну по гибельному пути. Роман поднимает проблему межпоколенческого конфликта, рассматривая его в разных контекстах: между родителями и детьми, учителями и учениками, политическими элитами и молодыми людьми. Мацуи Оно неоднократно переживает межпоколенческий конфликт: как сын, как ученик и как отец. В детстве он мечтал стать художником, в то время как его отец свысока пренебрежительно отзывался об образе жизни художников. Хотя Мацуи Оно никогда прямо не говорит отцу, что не признает его ценности, он становится сильнее в своем желании стать художником. Подобный конфликт происходит и в собственной семье Мацуи Оно. Его дочь Норико часто критикует отца за его праздность, вмешательство и гордость. Мацуи Оно считает эту критику в своей адрес безосновательной, за исключением беспокойства по поводу перспектив дочери на замужество. В общении со своей старшей дочерью Сэцукэ Мацуи Оно испытывает чувство враждебности и недоверия, которое скрывается за ее вежливыми манерами.

Тема детства и профессиональной верности звучит и в восьмом романе Кадзуо Исигуро «Клара и Солнце» (“Klara and the Sun”, 2021). В этом романе автор проецирует такие человеческие качества, как верность, любовь и дружба на искусственный интеллект — Клару. Единственная цель таких роботов — помочь и защитить «своего подростка». Клара непоколебимо выполняет роль верного компаньона для болезненной девочки Джози, даже если это означает подвергнуть себя опасности. Клара следует всем велениям Джози; она непоколебима в своих надеждах и планах сделать Джози здоровой.

Тем не менее, несмотря на технически совершенную природу, Клара по своему наивному воззрению на окружающий мир похожа на ребенка. Клара каждый день учится, узнает новое о людях, наблюдая за поведением людей в магазине и на улице, общаясь с семьей Джози и ее другом-соседом. Тема детской наивности перемежается в романе с историями о борьбе с болезнями, о чувстве разлуки и одиночества, подростковыми проблемами, переживанием ситуации развода родителей, а также с философскими размышлениями над тем, что значит быть человеком и что такое любовь.

Таким образом, как и многие другие современные британские писатели, Кадзуо Исигуро в романах использует литературный прием «ненадежного рассказчика» от первого лица и применяет его к теме детства и памяти. Исследование показало, что эмоциональное потрясение, полученное главным героем в детстве, например, переезд в другую страну, развод или отсутствие родителей, приводит его к психотравме во взрослом возрасте и даже к потере памяти в пожилом. В частности, было выявлено, что неоднократно фигура отца в романах Исигуро оказывала сильное личностно-формирующее воздействие на поведение детей. Для репрезентации темы детства Кадзуо Исигуро несколько раз обращается к жанру антиутопии, фантастики и научной фантастики с целью рефлексии над темами философии человеческой жизни и любви, образов памяти, а также детской болезни и невинности.

Источники

Исигуро К. Когда мы были сиротами. М.: Издательство Э, 2017. 400 с.

Исигуро К. Там, где в дымке холмы. М.: Эксмо, 2017. 224 с.

Список литературы / References

Селяев А.Г., Ставиский М.Ю. Влияние образа отца на профессиональное и карьерное развитие // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. Т. III, № 3. С. 135—155.

(Seliaev A.G., Staviskii M.Iu. The influence of the image of the father on professional and career development, *Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis*, 2022, vol. III., no. 3, pp. 135—155. — In Russ).

Смирнова О.М. Мир детства в романах К. Исигуро // Научное мнение. 2015. № 11—1. С. 47—53.

(Smirnova O.M. The World of Childhood in the Novels of K. Ishiguro, *The Scientific Opinion*, 2015, no. 11—1, pp. 47—53. — In Russ).

Фрейд З. Большая книга психики и бессознательного. Толкование сновидений. По ту сторону принципа удовольствия. М.: АСТ, 2017. 523 с.

(Freid Z. The big book of the psyche and the unconscious. Dream Interpretation. Beyond the Pleasure Principle, Moscow, 2017, 523 p. — In Russ).

Asper K. The Inner Child in Dreams, Boston: Shambhala, 1992, 151 p.

Lodge D. The Art of Fiction, London: Secker & Warburg, 1992, 224 p.

Shaikh N. Kazuo Ishiguro's Interior Worlds. URL: <https://asiasociety.org/new-york/kazuo-ishiguros-interior-worlds> (accessed: 27.01.2023).

Wong C.F. The Shame of Memory: Blanchot's Self-Dispossession in Ishiguro's A Pale View of Hills, *Clio: A Journal of Literature, History and the Philosophy of History*, no. 24 (2), 1995, pp. 127—145.

CHILDHOOD IN NOVELS BY KAZUO ISHIGURO

Tatiana S. Orlova

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ots_prof@mail.ru

Abstract. The article analyzes the theme of childhood in novels by Kazuo Ishiguro. Throughout the article, key features of literary childhood are examined as they relate to global problems that impact future generations. The literary theme of childhood and the motif of childhood memories, as explored in Kazuo Ishiguro's novels, are closely related to sociopsychological issues, such as orphanhood, absent parents, memory loss, generation gaps, infantilism, etc. In Kazuo Ishiguro's fiction, global problems are used as a background for examining themes of the philosophy of life and love, images of memory, and childhood illness. The protagonists in Ishiguro's novels unconsciously recreate their childhood relationships with their parents when reminiscing about their childhood. Childhood trauma, coupled with family conflicts, led the protagonists to be confused about their own identity as adults. It was due to these factors that the main characters were unable to develop healthy relationships, successfully integrate into society, and solve ethical dilemmas in daily life. Those childhood traumas also contributed to the creation of false memories of childhood. In his novels, Kazuo Ishiguro addresses childhood through the literary device of the unreliable narrator. By using an unreliable narrator, the author raises questions about the factual nature of childhood memories and the problem of how historical and social memory can be presented in literary narratives.

Keywords: British literature, Ishiguro, childhood, memory, unreliable narrator

For citation: Orlova T.S. Childhood in novels by Kazuo Ishiguro, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 21—29.

Статья поступила в редакцию 24.03.2023; одобрена после рецензирования 18.04.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 24.03.2023; approved after reviewing 18.04.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Орлова Татьяна Сергеевна — преподаватель Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А.Л. Штиглица; аспирант, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия, ots_prof@mail.ru

Orlova Tatiana Sergeevna — Lecturer of the Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design; Postgraduate student, Lecturer of the Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, ots_prof@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 30—37.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 30—37.

Научная статья

УДК 821.112.2-2

DOI: 10.46726/И.2024.2.4

КОНЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ГЕРАКЛА В ТВОРЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ ХАЙНЕРА МЮЛЛЕРА

Анна Сергеевна Фролова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Россия, froenka@yandex.ru

Аннотация. В статье впервые в отечественном литературоведении рассматривается эволюция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера: в драме «Геракл 5» (“Herakles 5”, 1964), интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972) и в стихотворении «Геракл 13» (“Herakles 13”, 1991). В ходе анализа трёх текстов, значительно отдаленных друг от друга по времени создания, делается вывод о том, что определяющим вектором развития фигуры Геракла является проблематизация его собственной субъектности. Геракл переживает своего рода экзистенциальную трагедию: от осознания своего зависимого положения в системе социально-экономических отношений он движется к фактически полной потере идентичности и безумию как последней стадии. В заключение отмечается, что фигура Геракла историзируется Хайнером Мюллером и рассматриваются в современных драматургу социально-политических реалиях. Это особенно актуально для пьесы «Геракл 5», представляющей собой сатиру как на капиталистическую, так и на социалистическую модель общественного устройства, и интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», являющейся составной частью драмы «Цемент». В этих текстах фигура Геракла связана с воплощением образа героя социалистического труда и «нового человека» соответственно.

Ключевые слова: античность, диалектический образ, субъектность, сатирическая пьеса, интермедия

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00559 «Античный код в проблемном поле русско-немецких театральных взаимосвязей»

Для цитирования: Фролова А.С. Концепция образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 30—37.

Хайнер Мюллер, крупнейший немецкий драматург, поэт и режиссер, разработавший уникальную форму актуальной политической драмы второй половины XX века. Поднимая вопрос о роли и положении каждого отдельного человека в историческом процессе, Хайнер Мюллер создаёт оригинальные диалектические образы виновника и жертвы, победителя и убийцы¹. Материалом для воплощения подобных образов часто становится античный миф: так, в фигуре Геракла драматург обнаруживает и проявляет диалектику раба и

© Фролова А.С., 2024

¹ См.: Фролова А.С. Поэтологические доминанты экспериментального триптиха Хайнера Мюллера: «Филоктет» (“Philoktet”), «Гораций» (“Der Horatier”) и «Маузер» (“Mauser”) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 409—411.

героя. В статье впервые в отечественном литературоведении последовательно рассматривается трансформация и развитие образа Геракла в творческой практике Хайнера Мюллера: в драме «Геракл 5» (“Herakles 5”, 1964), интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972) и в стихотворении «Геракл 13» (“Herakles 13”, 1991).

По мысли Ханса-Тиса Лемана, многократное обращение Хайнера Мюллера к мифу о Геракле связано с центральной проблемой, «навязчивым мотивом» [Lehmann: 543] (здесь и далее перевод с немецкого наш. — А. Ф.) его творчества — вопросом о труде, работе. В мифологии, с точки зрения самого драматурга, Геракл представляет собой первую фигуру рабочего, также как Ясон — первого колонизатора.

Значимость мифа о Геракле в творчестве Хайнера Мюллера также отмечали русскоязычные исследователи. В.Ф. Колязин обращает внимание, что путь Геракла в мюллеровской трансформации мифа — «это, в сущности, путь Фауста, путь познания и созидания» [Колязин: 12]. В.Э. Биктимиров, подчеркивает противоречивость образа героя: так, несмотря на то что «Геракл Мюллера — это раб системы государственного управления» [Биктимиров: 167], он «оказывается единственным, кто способен изменить привычный традиционный уклад, преобразовать Хаос в Космос» [Там же: 168]. Подчеркнем, что, на наш взгляд, образ Геракла можно рассматривать не в рамках одного произведения, а в его динамическом развитии в целом ряде текстов Хайнера Мюллера, отличающихся друг от друга как по жанру, так и по времени создания. Так, Геракл переживает своего рода экзистенциальную трагедию: от осознания своего зависимого положения в системе социально-экономических отношений он движется к фактически полной утрате собственной идентичности и безумию.

Впервые к сюжету о подвигах Геракла драматург обращается в 1964 году, начиная работу над пьесой «Геракл 5». Вместе с драмой «Филоклет» пьеса была опубликована в издательстве «Зуркамп» (Suhrkamp) в 1966 году. Мюллер отходит как от жанра производственной драмы (Produktionsstück), так и учебной драмы (Lehrstück), и обращается к форме сатирической пьесы (Satyrspiel)². Пьеса Мюллера — это сатира как на капиталистическую, так и на социалистическую модель экономического и социального устройства; на героизацию человека труда, свойственную произведениям социалистического реализма. Так, несмотря на то, что Хайнер Мюллер принял «социализм как единственную реальную альтернативу капитализму и фашизму» [Гугнин: 516], он фактически сразу перешел к критической рефлексии его конкретного исторического варианта в ГДР.

Понятие героического в пьесе сразу оказывается пронизано и определено рыночными отношениями. Геракл сам назначает цену своей работы, пятого подвига — очищения стойл Авгия от навоза и Фив от невыносимой вони: «Число быков в награду по числу и трудности работы» [Мюллер: 67], и даже пытается предложить оплату быку: «Получишь пять тюков травы. <...> Ещё на небесах корову» [Там же: 74]. Появляющийся в пьесе Зевс также мыслит в экономических категориях, призывая Геракла выполнить свою работу и получить награду.

Основной конфликт пьесы разворачивается вокруг характера требования фиванцев: они желают получать больше мяса (Fleisch), но не хотят

² Известны сатирические драмы Еврипида («Алкеста») и комедии Аристофана («Лягушки»), в которых возникает подчеркнуто смеховой образ Геракла.

сталкиваться с издержками его производства — навозом (Mist), дерьмом (Kot) и вонью (Gestank). Идею о невозможности безотходного производственного процесса развивает Авгий в диалоге с Гераклом: «Дерьмо — условие существования мяса. И его последнее воплощение» [Там же: 69]. Абсурдность желания фиванцев, непосредственно не участвующих в изготовлении мяса, а только потребляющих его, подчеркивается сатирической репликой Авгия, указывающего также на общий социально-политический упадок: «Единственный выход для испражняющегося сообщества — демократия мертвых» [Там же: 69].

В пьесе устанавливается параллель между течением производственного процесса и положением Геракла. Так, лексика, используемая Гераклом для самоопределения, идентифицирует его с остатками производства: “Der Misthaufen bin ich, die Stimme aus dem Kot ist meine Stimme, unter der Maske aus Kot mein Gesicht” [Поэтическая драма: 80] («Я куча навоза, голос из дерьма — мой голос, под маской из дерьма мое лицо» [Там же: 71]). Само понятие “Fleisch” также является многозначным и может быть прочитано одновременно как «мясо» и «плоть». Так, тело Геракла, пронизанное и опосредованное работой, отчуждается: оно скорее рана (Wunde), мясо, чем плоть. Телесная, физиологическая метафорика пьесы тесно связана с проблематизацией идеи господства человека над природой (Геракл поворачивает реки и срывает с неба солнце) и вопросом о внутренней природе человека, которая берет верх над Гераклом в финале пьесы (плотское влечение к проплывающей на облаке обнаженной Гебе становится главной мотивацией для героя). Геракл, которым движут два желания: избавиться от непосильного труда и узнать причины, по которым именно он должен выполнять эту работу, оказывается в своеобразном замкнутом круге.

Противопоставление физического и интеллектуального труда, положения работника и мыслителя также акцентировано в фигуре Геракла. Вопрос о самоопределении, возникающий в монологах Геракла, намечает трагическую линию пьесы, которая каждый раз оказывается оборвана фиванцами. Жители Фив воспринимают речь Геракла как представление, разыгранное в театре, и воплощают собой не только общество, конфликт индивидуального и социального; но и новый тип зрительского отчуждения, невозможность эмпатической связи и создания трагедии.

В монологах Геракла особенно важно языковое напряжение, которое достигается за счет внимательной работы драматурга с фонетической и семантической структурой слова и с графической организацией текста. Так, обращение Геракла к фиванцам начинается с крика, равного длине строки; а заканчивается прерыванием самого себя: «Ну и так далее» [Там же: 72]. Пограничное положение Геракла подчеркивается через созвучие слов «виновник», «преступник» (Täter) и «подвиги» (Taten): “Das hat seine fünfte Tat gemacht aus Herakles, dem Täter eurer Taten” [Поэтическая драма: 80] («Вот что с Гераклом сделал пятый подвиг, с героем ваших подвигов» [Там же] в переводе А. Филиппова-Чехова). Подвиги фактически превращаются в преступления, а победы (Siege) «втискивают» Геракла в Геракла. Героическое, таким образом, становится не только преступным, но также формой и следствием рабства, вынуждающего Геракла быть Гераклом. Быть героем — это работа Геракла, полностью его деперсонализирующая. Многократное повторение однокоренных слов (Sieger, besiegen, Siege) и имени героя делает ощутимым диктат языка, с одной стороны, и разрыв означаемого и означающего — с другой: “ein Sieger, besiegt von seinem Siegen, Herakles in Herakles gezwängt” [Поэтическая драма: 80] («победа

победила победителя, заставила Геракла быть Гераклом» [Там же]). Так, отчуждение субъекта проявляется и на языковом уровне.

Высвобождение телесности и субъектности Геракла, мечтающего остановить время и вернуть назад свои подвиги, чтобы не совершать следующих, в пьесе оказывается принципиально невозможным. Толпа фиванцев указывает на диалектичность мысли героя, высмеивая ее: «Голоса: *Послушайте, как он думает. Это же диалектика. Геракл мыслитель*» [Там же]. Сатирическая реплика не только подрывает трагизм монолога Геракла, но и обнажает внутреннюю диалектику драмы, приостанавливая ее движение. Таким образом, в пьесе «Геракл 5» вопрос личной эмансипации Геракла неразрывно связан с проблематизацией труда и производства, закрепощающего и отчуждающего человека от самого себя. Также отметим, что фигура Геракла, как и понятие работы, историзируются Х. Мюллером и рассматриваются в современных драматургу социально-политических реалиях. Намеченная в пьесе проблема утраты субъектности развивается Хайнером Мюллером в следующем воплощении образа Геракла.

Экзистенциальное одиночество Геракла предельно обнажено в интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» (1972), в которой герой движется через лес «один на схватку со зверем» [Там же: 144]. Феноменологическое недоверие, обман чувств, утрата ощущения времени и возможности его определить («В первые дни и ночи, или это были только часы, как без неба мог он узнать время» [Там же: 145]) разрастаются до недоверия историческому времени и мыслям о произошедшей смене эры: «Может быть, он и сам уже слишком долго был в пути, целую эру» [Там же]. Лес, фактически лишенный природных признаков, становится испытанием: он захватывает, затягивает внутрь себя и одновременно проникает в тело, разделяя его на части. Интенсивность и автоматизм являются главными характеристиками этого леса, обманывающего Геракла в его собственном движении: «Он знал, что никогда еще не бежал так быстро. Однако не продвинулся ни на шаг, лес держал темп» [Там же]. Так, момент максимального физического, телесного усилия, обострения боли и паники совпадает с драматургическим напряжением. Геракл обнаруживает, что само пространство, ландшафт, является зверем, ни разу не названным в тексте по имени, битва с которым уже идет: «лес и был зверем, давно уже лес, по которому он только думал, что шел, был зверем, что нес его в темпе его шагов» [Там же].

Лес как пространственное измерение ещё раз подчеркивает, на наш взгляд, не только утрату собственной субъектности Геракла, но и утрату механизмов ее различения, невозможность отличить себя от внешнего — зверя, врага, «который воплощал собой его существование и за пределами сражения с которым его или никого, может быть, уже поджидало ничто» [Там же: 146]. Так, Геракл ощущает, что он сам есть и Гидра, и лес, в котором он стиснут и который он меняет, пишет собственным телом, «почерком своих подвигов и смерти» [Там же]. Геракл здесь близок оставленному на Лемносе Филоктету из одноименной драмы, который по точному наблюдению Джанин Людвиг, председателя международного общества Хайнера Мюллера, «находится в диалектически-симбиотических отношениях с ландшафтом острова и даже со стервятником, ожидающим его смерти» [Ludwig: 235].

Тиль Ничман и Флориан Фассен в своей книге «Прибрежный ЛАНДШАФТ Хайнера Мюллера» с характерным подзаголовком «Границы — смерть — искажение» (“Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFTEN”, “Grenzen — Tod — Störung”, 2021) также замечают, что граница между субъектом и

объектом в ландшафтах Хайнера Мюллера стирается в двух направлениях: ландшафт одновременно возникает как крайне субъективное сюрреалистическое пространство сновидения и как внешнее объективное пространство, разрушающее, деконструирующее наблюдающего, созерцающего субъекта. Так, в тексте «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» «ландшафт оказывается мифологическим животным и вместе с тем фантазией, фантазмагорией и новой реальностью для самого Геракла» [Nitschmann, Vaßen: 18]. Проблеме идентификации, слияния себя с врагом посвящена и пьеса «Геракл 5», которую сам драматург называет «комической, оптимистической гдр-овской версией» [Kluge] этого сюжета.

Несмотря на формально-содержательную целостность текста «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», необходимо отметить, что он является интермедией в пьесе «Цемент» (Zement, 1972), написанной Хайнером Мюллером по одноименному роману Фёдора Гладкова. Так, в контексте пьесы «Цемент» возникновение фигуры Геракла неслучайно, он может быть соотнесен с главным героем, Глебом Чумаловым и рассматриваться как олицетворение «нового человека», коммунистического героя, а лес в таком случае — «как шифр для «многообразных сил контрреволюции» [Kruschwitz: 219]. Следует также отметить, что в советской культуре (в агитационных плакатах, текстах и даже мультипликации³) фигура Геракла существует как самостоятельный знак, «воплощение мирового пролетариата в борьбе против гидры капитализма или империализма» [Kluge]. Трагическое положение Геракла Мюллера в интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА» скорее подрывает устойчивый идеологический образ.

Итак, по собственному замечанию драматурга, к моменту окончания работы над «Цементом» у него появляется замысел нового произведения, для которого принципиально значимым становится безумие Геракла «как последняя стадия» (Wahnsinn als letzte Phase). «На самом деле, фигура Геракла драматически интересна только с точки зрения ее конца, если принять за конец эту стадию безумия, убийство детей и собственное самоубийство» [Kluge], — говорит Хайнер Мюллер в разговоре с Александром Клюге. Согласно мифу, ослепленный безумием, которое насылает на него богиня Гера, Геракл убивает жену и детей и в глубокой скорби отправляется на службу к царю Эврисфею. С этого начинается его работа. Сюжет о безумии разворачивается Хайнером Мюллером в стихотворении «Геракл 13», написанном в последние годы жизни в 1991 году.

За основу стихотворения Мюллер берет монолог вестника из второго акта трагедии Еврипида «Геракл». Стихотворение разделено на две неравные по объему части, озаглавленные цифрами 1 и 2. Начальные строки выходят за рамки мифологического сюжета: «Тринадцатый подвиг Геракла был освобождение / Фив от фиванцев» [Мюллер: 99]. Факт совершения тринадцатого подвига, перемещающий нас в будущее Геракла, освободившегося из-под власти Эврисфея, с одной стороны, связан с долгожданным обретением собственной субъектности Геракла. В тоже время грамматическая конструкция прошедшего времени встраивает новое действие в продолжающуюся череду подвигов и подчеркивает невозможность ее прерывания. Интересен игровой характер нового подвига, связанный с языковым освобождением. Так, внутренняя форма слова наименования жителей — «фиванцы» — зависит от названия города — «Фивы». Такая «зависимость» на языковом уровне является многозначной, в ней обнажается сложность разграничить и отделить общество и

³ См.: Ерохина Т.И., Коровкина А.А. Эволюция образа Геракла в советской мультипликации // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 2 (125). С. 206—212.

индивидуальность от государства. Своим тринадцатым подвигом Геракл разрывает связь места и имени. Таким образом, разрешается и конфликт Геракла с интересами Фив, намеченный в пьесе «Геракл 5»: «Что мне до Фив, кто вы вообще все такие?» [Там же].

Характерное как для драматургии, так и для поэзии Хайнера Мюллера отсутствие синтаксических связей, семантического и пунктуационного обозначения диалогов (реплик жены, сыновей, слуг, самого Геракла) во второй части стихотворения подчеркивают непрерывность событий; а строгая ритмическая и графическая структура, разбивка на строки, делающая ощутимой цезуры, отделяющие слова друг от друга — организованность и замкнутость речи и действия. Так и задачи, выполняемые Гераклом, всегда связаны с уничтожением и смертью и избежать их можно только ценой новой жертвы — убийством Эфрисфея: «Украсив дом главою Еврисфея / Я руки бы омыл от смерти / Которой все мои враги погибнут» [Там же: 100].

Возникающий в финальных строках стихотворения мотив недостижимости беспамятства, традиционно даруемого сном, акцентирует трагичность судьбы Геракла и невозможность другого будущего. Неточная перекрестная рифма ритмически подчеркивает эмоциональную тональность концовки стихотворения: «Убив жену с двумя детьми / Он спит счастьем оставленный сном / Несчастливым Я не знаю кто еще из смертных / Столь тяжкие труды свершил как он» [Там же: 102]. Немецкий композитор и музыкальный режиссер Хайнер Гёббельс, обращая внимание на важность музыкально-ритмического строя и композиционной структуры текстов Хайнера Мюллера, замечает, что он «не сочиняет свои тексты, он их разыскивает и перерабатывает в критическое осмысление процесса познания» [Гёббельс: 181]. Работа Хайнера Мюллера с мифом о Геракле, выбор каждый раз новой художественной формы для его воплощения подтверждает, на наш взгляд, тезис Х. Гёббельса.

Таким образом, рассмотрев три разножанровых художественных текста, мы пришли к следующим выводам. К фигуре Геракла Хайнер Мюллер обращается на протяжении всего творческого пути. Отметим, что в черновиках драматурга сохранились записи, указывающие на различные варианты разработки этого образа в дальнейшем: например, «Геракл друг детей + животных — — — / мудрый, добрый и т. д.» [Мюллер: 103]. Не придерживаясь мифологической последовательности подвигов Геракла, Хайнер Мюллер выстраивает собственную траекторию его пути, центральное место в которой, на наш взгляд, занимает вопрос о субъектности Геракла. Разноплановое представление и развитие этого вопроса обуславливает выбор жанра текста. Так, в сатирической пьесе «Геракл 5», носящей острый социально-политический характер, ключевой становится проблематизация зависимого положения Геракла в системе экономических и общественных отношений, своеобразная диалектика раба и героя. Проблема утраты собственной идентичности и способов ее различения выходит на первый план в короткой прозаической интермедии «ГЕРАКЛ 2 ИЛИ ГИДРА», в которой пограничное положение субъекта обнажается за счет пространственного измерения текста. В поэтической форме «Геракла 13», посвященного безумию героя, достигается максимальное языковое и эмоциональное напряжение; судьба Геракла предстает как трагическая. Таким образом, стихотворение, завершая ряд текстов Хайнера Мюллера, разрабатывающих мифологический сюжет о Геракле, является своеобразным итогом как пути героя, так и работы драматурга. Всё вышеизложенное позволяет говорить о создании индивидуально-авторской концепции образа Геракла в творчестве Хайнера Мюллера, которая имеет конкретное историческое

звучание, с одной стороны, и раскрывает экзистенциальную проблему утраты субъектности — с другой.

Источники

Мюллер Х. Медеяматериал / пер. с нем. А. Филиппова-Чехова. М.: libra, 2023. 158 с.
Поэтическая драма: сборник / сост. Э.В. Венгерова. М.: Радуга, 1983. 496 с.

Список литературы / References

- Биктимиров В.Э. Особенности интерпретации античного мифа о Геракле в драмах Х. Мюллера и П. Хакса // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность — современность: коллективная монография / отв. ред. Т.А. Шарыпина, И.К. Полуяхтова, М.К. Меньщикова. Нижний Новгород: Деком, 2018. С. 164—175.
(Biktimirov V.E. Features of the interpretation of the ancient myth of Hercules in the dramas of H. Müller and P. Hacks, *National codes of European literature in a diachronic aspect: antiquity — modernity: edited collection*, Nizhny Novgorod, 2018, pp. 164—175. — In Russ.)
- Гёббельс Х. Эстетика отсутствия. Тексты о музыке и театре / пер. с нем. О. Федяниной. М.: Фонд поддержки и развития Электротheatera Станиславский, 2015. 272 с.
(Gebbel's Kh. *Aesthetics of absence. Texts about music and theater*, Moscow, 2015, 272 p. — In Russ.)
- Гугнин А.А. Литература ГДР // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны / отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995. Т. 1. С. 465—518.
(Gugnin A.A. *Literature of the GDR. History of the literature of Eastern Europe after the Second World War*, ed. by V.A. Chorev, Moscow, 1995, vol. 1, pp. 465—518. — In Russ.)
- Колязин В.Ф. Меж двух миров: рождение духа свободы // Мюллер Х. Проза. Драммы. Эссе. Диалоги / пер. с нем. В.Ф. Колязина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 7—30.
(Koliazin V.F. *Between two worlds: the birth of the spirit of freedom* // Müller H. *Prose. Dramas. Essay. Dialogues*, transl. from German by V.F. Kolyazin, Moscow, 2012, pp. 7—30. — In Russ.)
- Kluge A. *Transkript: Auf dem Weg zu einem Theater der Finsternisse*. URL: <https://kluge.library.cornell.edu/de/conversations/mueller/film/120/transcript> (accessed: 30.08.2023).
- Kruschwitz H. «Ich haßte jeden Baum und jeden Strauch». Landschaften und Grenzverletzungen bei Heiner Müller, *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, S. 217—233.
- Lehmann H-T. Über Heiner Müllers Arbeit, *Merkur*, 1996, no. 50, pp. 542—548.
- Ludwig J. «Meine Grunderfahrung in den USA war die Landschaft». Der Einfluss von Heiner Müllers amerikanischen Natur- und Landschaftserfahrungen auf seine Texte, *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, S. 233—253.
- Nitschmann T., Vaßen F. *Heiner Müllers KüstenLANDSCHAFT*, Bielefeld: transcript Verlag, 2021, 512 p.

THE PORTRAYAL OF HERACLES IN THE WRITINGS OF HEINER MÜLLER

Anna S. Frolova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, froenka@yandex.ru

Abstract. The paper examines the evolvement of the portrayal of Heracles in the works of Heiner Müller: in the drama “Heracles 5” (“Herakles 5”, 1964), the interlude “HERACLES 2, OR HYDRA” (“HERAKLES 2 ODER DIE HYDRA”, 1972), and in the poem

“Heracles 13” (“Herakles 13”, 1991). Müller created the three texts in different periods of his practice, and the analysis of these texts shows that the problematisation of Herakles' subjectivity defines the modulation of his representation. Heracles experiences a kind of existential tragedy: he moves from the realisation of his dependency in the system of socio-economic relations to almost complete loss of his identity and then to madness. Heiner Müller historicised the image of Heracles and put it in correlation with socio-political realities of his lifetime. This conclusion is particularly relevant to the analysis of the Heracles 5, the satire on both the capitalist and the socialist modes of production and social organisation, and “HERACLES 2 OR HYDRA”, the part of the “Cement”. These texts associate the figure of Heracles with the embodiment of both the hero of socialist labour and the «new man» respectively.

Keywords: classical antiquity, dialectical image, subjectivity, satirical play, interact

Acknowledgments: the work was supported by RSF (project No. 23-28-00559 “Antique code and studies of Russian-German Theatrical Interconnections”)

For citation: Frolova A.S. The portrayal of Heracles in the writings of Heiner Müller, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 30—37.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Фролова Анна Сергеевна — кандидат филологических наук, преподаватель, научный сотрудник кафедры зарубежной литературы Института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, froenka@yandex.ru

Frolova Anna Sergeevna — Candidate of Sciences in Philology, Lecturer, Researcher at the Department of Foreign Literature, Institute of Philology and Journalism, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, froenka@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 38—43.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 38—43.

Научная статья

УДК 81'367.6

DOI: 10.46726/И.2024.2.5

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ И ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о классификации слов по частям речи и об определении критериев необходимых и достаточных для выделения того или иного класса слов относится к «вечным» вопросам языкознания. Это касается даже таких кардинальных группировок слов, как имена прилагательные и существительные. При всей кажущейся логичности совокупности критериев, служащих для определения этих частей речи, все еще остаются вопросы, ответы на которые языковедам еще предстоит дать. В статье предпринимается попытка найти подходы к решению существующих проблем.

Ключевые слова: классы слов, система частей речи, имя прилагательное, имя существительное, критерии выделения частей речи

Для цитирования: Григорян А.А. Имя существительное и имя прилагательное: точки пересечения // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 38—43.

Мысль о том, что люди тратят очень много времени и усилий на классификацию всего того, с чем человек сталкивается в жизни, не нова. Действительно, вопросы, связанные, например, с тем, что можно считать едой, а что — нет (например, тараканов и кузнечиков), что можно считать музыкой, а что — нет (например, рэп), становятся с течением времени все более актуальными.

Вполне естественно предположить, что первые же попытки как-то упорядочить и систематизировать безбрежное море слов любого языка были (еще в античности) не чем иным, как попыткой создать некую классификацию. Таких попыток в истории языкознания известно очень много. Думается, не случайно проблема классификации слов по частям речи в языкознании относится к так называемым «вечным» вопросам науки о языке. Известно, что распределение слов по частям речи предполагает учет 3 параметров: морфологического

(формы), синтаксического (функции) и семантического (значения). Эти классификационные критерии являются общепринятыми (по крайней мере, для языков, не относящихся к экзотическим) и не вызывают принципиальных возражений у подавляющего большинства лингвистов. Точно так же, в такой же степени общепринятым является понимание того, что внутри каждого класса слов есть слова более и менее прототипические или канонические, если использовать терминологию известного американского психолога Э. Рош [Rosh 1978: 202]. Элеанор Рош заметила, что, например, среди птиц можно выделить группу, которую она остроумно назвала “birdy birds”. Речь, по ее мнению, идет о таких птицах как соловьи, дрозды, малиновки. По мнению ученого, эти птицы обладают максимально полным набором признаков, по которым человек определяет такую сущность, как «птица»: все перечисленные птицы небольшие по размерам, неплохо поют, выводят птенцов из кладки маленьких яиц. Чайки также явно относятся к птицам, но они значительно крупнее представителей канонической группы, а уж голос назвать приятным весьма затруднительно. Более того, существуют еще и страусы, и пингвины, которые подходят разве что только под категорию the least birdy birds [Там же: 214]. В теории языка аналогичный подход к исследуемым сущностям известен (благодаря, прежде всего, трудам отечественных лингвистов) под названием «теория поля в лингвистике» [Щур]. Попробуем применить этот подход к английскому языку, а точнее, к двум знаменательным классам слов: к имени существительному и имени прилагательному. Так, например, слово ‘woman’ следует признать ‘nouny noun’ (по аналогии с терминологией Э. Рош). Оно является таковым не только потому, что обозначает конкретную сущность. Оно также обладает признаком одушевленности, может функционировать в предложении в роли подлежащего и дополнения (наиболее типичных синтаксических позиций для имени существительного). С другой стороны, слово ‘infidelity’, которое также является существительным, явно менее каноническое. К нему, например, нельзя прикоснуться, в отличие от ‘woman’, его трудно отнести к какому-либо роду. Тем не менее, язык считает его существительным и «заставляет» нас обращаться с ним как с представителем этого класса слов. В частности, ‘infidelity’ также может выступать в роли подлежащего и дополнения в предложении: “He hates infidelity”.

Представляется, что сказанное выше в полной мере относится и к имени прилагательному. В английском языке определение прилагательного с точки зрения морфологии (формы) несколько затруднено (по сравнению с русским языком), т. к. оно не согласуется с именем существительным в лице, роде, числе и падеже. Ряд грамматистов вообще считает, что для некоторых современных языков достаточно двух критериев для определения частеречной принадлежности слова: функции и значения [Щерба]. Критерий формы представляется ослабленным и менее важным.

Итак, если начать с синтаксического критерия, то выясняется, что имена прилагательные могут выполнять несколько функций в структуре предложения. Прежде всего и, вероятно, важнее всего, то, что они что-то сообщают нам о существительном, занимая при этом, как правило, позицию перед существительным: а) that yellow submarine, б) a beautiful landscape, в) deep thoughts.

Кроме того, прилагательные могут выступать в роли предикативов: в этом случае они как бы описывают подлежащее предложения. Глагольная часть сказуемого представлена ограниченным набором так называемых связочных глаголов (copular verbs), поскольку они осуществляют связь подлежащего

со сказуемым: d) that submarine is yellow, e) the landscape looks very beautiful, f) the thoughts are getting deeper and gloomier.

Второй критерий — морфологический. Большая часть имен прилагательных обладает степенями сравнения. Их не случайно называют ‘gradable adjectives’. Они легко сочетаются с такими словами, как *so, very, rather etc*: g) she is very competent. Кроме того, существует целый ряд суффиксов, характерных для этой части речи: *-ful (beautiful), -less (tasteless), -y (lucky), -able (inevitable), -ic (romantic)* и т. д. От значительной части имен прилагательных можно образовать наречия при помощи суффикса *-ly (large – largely)*.

Обратимся к третьему, семантическому критерию имен прилагательных. У большого количества слов, принадлежащих к этой части речи, их значение пересекается со значением имен существительных. Так, если проанализировать словосочетание *pretty girl*, то оно обозначает некий набор предметов (в грамматическом смысле), который одновременно является и *pretty*, и *girl*. Подобные прилагательные принято называть ‘ascriptive’, т. к. их значение как бы приписывается к имени существительному, которое они определяют. Так, однако, происходит не со всеми конститuentами класса прилагательных. Например, в сочетании *military control* речь, скорее, идет о том, что контроль ассоциируется с вооруженными силами. Такие прилагательные называют ‘associative’, т. к. их значение ассоциируется со значением определяемых существительных.

Итак, мы коротко рассмотрели критерии, по которым выделяется имя прилагательное, по которым оно занимает свое место в системе частей речи. Однако внимательный взгляд на выделенные критерии (особенно на синтаксический и морфологический) заставляют исследователя задать — хотя бы в плане дискуссии — вопросы, на которые, как кажется, нет однозначного и четкого ответа.

Обратимся к синтаксическому критерию. Если говорить о функциях определения и предикатива, то выясняется, что и другие классы слов могут выступать в этих позициях. Проиллюстрируем сказанное: 1) функция определения — g) the then president, h) a silver medal, i) the downstairs bedroom; 2) функция предикатива — j) My sister is abroad, k) My father is a teacher.

Таким образом, если учитывать сказанное выше, мы должны либо отыскать причины, по которым все эти слова (*then, downstairs, abroad, teacher etc*) не являются прилагательными, либо мы должны заявить, что они одновременно принадлежат сразу двум классам слов: прилагательному и наречию, прилагательному и существительному и т. д. Существует и еще одна альтернатива: в подобном функционировании все эти слова превращаются в имена прилагательные. Думается, что все эти варианты имеют право на существование. При этом, однако, трудно не признать, что самому определению имен прилагательных как классу слов нанесен некоторый урон.

Более того, существуют такие единицы языка, которые могут функционировать как определения и не могут как предикативы. Например, такие слова, как *former, previous, urban, late* (в значении *dead*), *virtual*. Верно, кстати, и обратное: есть слова, которые легко функционируют в качестве предикатива и не бывают определениями: *late* (в значении *not in time*), *alone, asleep, glad*. Кроме того, имена прилагательные с «пристегнутыми» к ним предлогами также могут быть использованы только в предикативной функции. Так происходит, например, с такими прилагательными, как *fond of, inclined to, dear to*.

Еще одним заслуживающим внимания моментом является то, что существует ряд прилагательных, для которых характерна позиция постпозитивного определения: *times past, attorney, general, accounts payable etc*. Дело в том, что

иногда постпозитивность придает словосочетанию несколько иное, не атрибутивное звучание. Эти изменения в значении могут быть более или менее заметны. Сравните: l) the only solvable task in this project и m) the only task solvable in this project. Значение этих двух выражений практически не меняется. Совсем иначе обстоит дело при сравнении следующих двух высказываний: n) I'm looking for the responsible person и o) I'm looking for the person responsible.

Кроме того, некоторые слова имеют разное значение в зависимости от атрибутивного или предикативного использования: p) The present Prime Minister is about to deliver a speech и q) The Prime Minister is present at the meeting.

Интересно, что попытка определить, относится ли конкретное прилагательное к числу gradable, также может быть сопряжена с трудностями. Причем это может происходить даже в, казалось бы, очевидных случаях. Например, имя прилагательное unique (уникальный, единственный в своем роде) может легко быть истолковано как 'very rare' и, тем самым, быть причислено к разряду gradable adjectives. Даже такие прилагательные как English иногда используются в таком контексте: r) He is more English than the English. Более того, хотя мы часто говорим, что нельзя быть немного беременной (a little bit pregnant), беременных часто описывают как 'very pregnant' на соответствующих стадиях этого процесса. Наконец, любопытно, что слово 'dramatic' может быть и gradable и non-gradable, а также иметь совершенно разное значение в следующих контекстах: dramatic society и dramatic entrance.

Обратимся к морфологическому критерию. Оказывается, что суффиксы прилагательного, перечисленные выше, не всегда являются надежным индикатором принадлежности слова к данной части речи. В частности, суффикс -ly может маркировать как имя прилагательное (friendly), так и наречие (spontaneously), а суффикс -ful — как прилагательное (hopeful), так и существительное (spoonful). Ситуация усугубляется еще и тем, что некоторые прилагательные могут функционировать как существительные. В частности, слово 'intellectual' — это прилагательное, а 'an intellectual' — существительное; слово 'Russian' может быть именем прилагательным, а также именем существительным, обозначающим 'a native of Russia'.

В целом получается, что из-за ряда характеристик, которые не подходят некоторым именам прилагательным, из-за того, что не всегда ясно, что именно перед нами (слово или словосочетание), классификация имен прилагательных оказывается затруднена. Мы попросту не всегда уверены, прилагательное ли перед нами. По сути, эти классификационные трудности сводятся к проведению границ между именем прилагательным и именем существительным, а также между именем прилагательным и наречием.

Попробуем заняться дифференциацией между прилагательными и существительными. Выше уже говорилось о том, что иногда прилагательные используются как существительные. Речь шла о слове 'intellectual'. Это слово, похоже, превратилось в полноправное имя существительное: оно может иметь, например, форму множественного числа (Intellectuals are sometimes not easy to understand), оно может обладать собственным определением (Russian intellectuals), перед которым вполне могут быть слова-детерминанты типа 'many, these, that etc'. Такая полная субстантивация характерна, однако, не для всех имен прилагательных. Например, в английском есть такие существительные, как 'Catholic, native, ritual', но нет таких, как 'grateful, timid etc'. В этом процессе субстантивации прилагательных можно выделить следующую конструкцию: s) The very rich are very different: they have too much money; t) The improbable we do at once,

the impossible takes a little longer. Любопытно заметить, что ‘the rich’ относится к людям и сочетается с множественным числом, в то время как ‘the improbable’ к людям не относится и сочетается с единственным числом. В отличие от случая с ‘intellectual’ мы не можем сказать ‘a rich’ или ‘some riches’. Процесс субстантивации довольно характерен для прилагательных, и большая их часть может функционировать таким образом, но не все. В частности, мы не можем сказать: u) The necessary is to believe your child. В любом случае понятно, что трудно провести четкую грань между прилагательными и существительными. Заметим, что многие существительные функционируют в структуре предложения как препозитивные определения: stone wall, glass ceiling, car park, coffee pot. Возникает естественный вопрос о частеречной принадлежности первых компонентов этих словосочетаний (или слов?). Есть доводы ‘pro and contra’ и в ту, и в другую стороны. Варианта, который бы удовлетворил всех исследователей, пока нет. В качестве рассуждения на эту тему можно сравнить 2 варианта словосочетаний: adj. + noun (woolen blanket, wooden fence) и noun + noun (iron bar, silk dress). С точки зрения частотности второй вариант более распространен, видимо, по той причине, что adj. + noun, скорее, означает не ‘сделанный из чего-то’, а ‘похожий на что-то’. Отсюда предпочтение, которое язык отдает выражению ‘gold ring’ (not golden), когда речь идет о кольце, сделанном из золота. С другой стороны, мы имеем ‘golden mist’ (not gold), когда речь идет о едва заметном золотистом, часто утреннем тумане.

Понятно, что вопросов пока больше, чем готовых, приемлемых для всех лингвистов, ответов. Остается надеяться, что наши дальнейшие попытки, направленные, в частности, на дифференциацию таких классов слов, как имя прилагательное и наречие, внесут некоторую ясность в решение этих проблем.

Список литературы / References

- Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Известия АН СССР. Серия общественных наук. 1931. № 1. С. 113—129.
(Shcherba L.V. About the threefold aspect of linguistic phenomena and about experiment in linguistics, *Izvestiya AN USSR. Series of social sciences*, 1931, no. 1, pp. 113—129. — In Russ.)
- Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 256 с.
(Shchur G.S. Field theory in linguistics, Moscow, 1974, 256 p. — In Russ.)
- Rosh E. Principles of Categorization, *Cognition and Categorization*, 1978, no. 4, pp. 192—233.

ADJECTIVES AND NOUNS: POINTS OF INTERSECTION

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. The problem of classifying words of any language into parts of speech as well as the question of defining non-contradictory criteria for such a classification has always been one of the so-called “eternal” problems of linguistics. Adjectives and nouns as cardinal parts of speech have never been excluded from this process. However logical and universally acceptable the criteria used by scholars might seem, there still are a number of ‘gray’ – to put it mildly – areas which require clarification. The article is an attempt to suggest some ideas on the way of solving the existing problems.

Keywords: word classed, parts of speech system, adjective, noun, criteria for defining parts of speech

For citation: Grigoryan A.A. Adjectives and nouns: points of intersection, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 38—43.

Статья поступила в редакцию 11.03.2023; одобрена после рецензирования 25.03.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 11.03.2023; approved after reviewing 25.03.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 44—54.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 44—54.

Научная статья

УДК 811.112.2'373

DOI: 10.46726/И.2024.2.6

«ТОПОР ВОЙНЫ» В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ КАРИКАТУРЕ

Инна Владимировна Кокурина,

Мария Владимировна Ополовникова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

inna-kokurina@mail.ru, omw@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию использования символа топора войны и связанных с ним фразеологизмов, которые активно используются в немецкоязычных странах как в качестве основы для создания карикатуры, так и для формирования определенной оценки рассматриваемых событий. Устанавливается, что в фокусе внимания художников оказываются по большей части не военные конфликты, а проблемы социально-политической жизни страны. При рассмотрении структурных характеристик карикатуры констатируется, что топор войны может встречаться как в вербальной, так и в визуальной части, а также находить отражение в обоих компонентах текста. Авторы приходят к выводу, что фразеологизмы в карикатуре обладают текстообразующей функцией, которая строится на двух прочтениях устойчивого выражения: буквальном и фигуральном. Отмечается, что в ряде случаев иконический компонент допускает неоднозначную интерпретацию, что приводит к актуализации нескольких фреймов и привносит в текст дополнительные смыслы. Выясняется, что для создания сатирического эффекта используется окказиональная трансформация узуальных фразеологических единиц, а также игра слов, основанная на фонетическом подобии лексем или омонимии. Кроме того, в креолизованных текстах, созданных с опорой на образ топора войны, авторы прибегают к использованию гиперболы для интенсификации аксиологической составляющей карикатуры.

Ключевые слова: карикатура, креолизованный текст, поликодовый текст, фразеологизм, идиома, гипербола, языковая игра

Для цитирования: Кокурина И.В., Ополовникова М.В. «Топор войны» в немецкоязычной карикатуре // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 44—54.

Темп современной жизни и научно-технический прогресс изменили требования, предъявляемые потребителями к презентации информации: она должна быть краткой, ёмкой и запоминающейся. Кроме того, развитие сети Интернет и глобализация многих социально-экономических и политических процессов способствуют развитию международных контактов и диктуют необходимость создания текстов, которые могут быть легко поняты представителями различных лингвокультур.

С точки зрения ряда ученых, «в рамках процессов глобализации язык визуальных образов более отвечает насущным задачам межнационального общения, а его экономичность, моментальная интуитивная ясность обеспечивает быстроту коммуникативных процессов» [Зенкова: 185—186]. В связи с этим одной из основных тенденций является активная апелляция к визуальным

компонентам, в том числе и в различных видах текстов, таких как комикс, реклама, карикатура, плакаты и постеры. Их широкое распространение объясняет увеличение интереса к исследованию креолизованных (или поликодовых) текстов, основанных «на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 22]. При этом отмечается, что вербальная информация, представленная в тексте, воспринимается, в основном, логически, в то время как паралингвистические средства воспринимаются на подсознательном уровне [Ворошилова 2007: 74].

На наш взгляд, одним из самых интересных видов креолизованного текста является карикатура, возникающая в качестве реакции на различные события социокультурной или общественно-политической жизни. При этом «характер реализации общих текстовых категорий в креолизованном тексте политической карикатуры имеет свою специфику: политическая тематика текста, сатирическая направленность авторской интенции и содержательно-концептуальной информации, креолизованный характер формальных средств интеграции текста, возможность членения однокадровой политической карикатуры, отсылка к прецедентным феноменам политического и общекультурного характера в вербальной и невербальной частях текста политической карикатуры» [Талыбина, Минакова: 25].

Палитра лингвистических средств, используемых в немецкоязычной карикатуре с целью создания комического, чрезвычайно разнообразна. Отметим, что, как правило, «вербальный компонент карикатуры характеризуется малым объемом, однако он должен оперировать емкими лексическими единицами и грамматическими структурами, чтобы в полной мере реализовать интенцию автора и добиться необходимого коммуникативно-прагматического эффекта» [Ополовникова, Кокурина: 49]. К таким средствам компрессии передачи смысла относятся метафоры, аллюзии, полисемия, омонимия, языковая игра, частицы. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживают креолизованные тексты, базирующиеся на обыгрывании фразеологических единиц.

Традиционно под фразеологизмом понимают семантически связанное сочетание слов, обладающее следующими признаками: 1) полилексемность (т. е. фразеологизм состоит из двух и более слов), 2) устойчивость и 3) идиоматичность [Burger: 14—15]. Процесс интерпретации фразеологизмов проходит «сквозь призму культурного знания; этим знанием в том или ином объеме в силу его компетенции владеет носитель языка; это знание “вплетается” в языковой знак и образуют его культурную семантику в процессе воспроизведения и восприятия фразеологизма в речи» [Ковшова: 60].

Фразеологизмы достаточно часто служат основой построения креолизованного текста. Одним из продуктивных образов, к которому прибегают немецкие карикатуристы, является *Kriegsbeil* (топор войны) — культурный символ, связанный с традициями североамериканских индейцев. После того как в 1761 году англичане и индейцы в знак подписания мирного договора провели церемонию погребения топора, понятие «топор войны» стало широко использоваться и получило распространение во многих языках. На наш взгляд, данное немецкое сложносоставное существительное можно рассматривать в качестве фразеологизма, как и его аналог в русском языке, поскольку оно обладает устойчивостью, идиоматичностью и состоит из двух лексем. Кроме того,

в немецкоязычной карикатуре используются идиомы *Kriegsbeil begraben / ausgraben* (закопать / вырыть топор войны).

С нашей точки зрения, частотность использования символа топора войны обусловлена тем, что «сегодняшний медиапотребитель привык жить не просто в мире визуальных образов, но в первую очередь в мире ужасающих образов катастрофической действительности, в которой ежедневно совершаются теракты, происходят военные преступления и техногенные катастрофы» [Симакова: 225]. Рассматриваемый фразеологизм в эпоху военных конфликтов является актуальным иллюстративным средством в поликодовых текстах.

Анализ немецкоязычных карикатур, прибегающих к образу топора войны, показал, что он релевантен для описания не только (и не столько) военных действий на международной арене, но и внутривнутриполитических проблем. Что касается внешнеполитической тематики, то можно выделить следующие группы: 1) карикатура, в которой представлена оценка лидера другой страны; 2) карикатура, характеризующая отношения Германии с зарубежными партнерами; 3) карикатура, связанная с военными конфликтами. Проиллюстрируем выделенные случаи примерами.

К символу топора войны немецкоязычные карикатуристы прибегают для характеристики внешнеполитических событий и лидеров других государств. Так, в работе Ральфа Бёме «*Kriegsbeil*» («Топор войны») (рис. 1) от 12 апреля 2018 года изображен президент США Дональд Трамп, который стоит перед своим платяным шкафом и говорит: «*Welches Kriegsbeil passt heute am besten zu meinem Anzug?*» («Какой топор подойдет сегодня лучше всего к моему костюму?»).

Рис. 1. *Kriegsbeil*

Такая ситуация, напоминающая будничные выбор гардероба, а также большой набор томагавков подчеркивают агрессивный характер политики, проводимой главой государства, его нежелание идти на компромисс в конфликтных ситуациях, и указывают на привычность такого образа действия. Непосредственным информационным поводом для создания карикатуры послужило заявление Дональда Трампа о том, что он отдаст приказ о нанесении ракетного удара по Сирии в ответ на якобы имевшую место химическую атаку. Кроме того, в период своего правления президент США резко обострил риторику против Северной Кореи, а также вел экономическую войну с Китаем. Изображение топора на карикатуре вызывает в сознании реципиента два ряда ассоциаций, поскольку для номинации этого предмета могут быть использованы разные лексические единицы. С одной стороны, вербальный компонент через использование существительного *Kriegsbeil* (топор войны) актуализирует все коннотации, связанные с этим прецедентным феноменом. С другой стороны, такого вида орудие называют также томагавками, что, при наличии у реципиента соответствующих фоновых знаний, распознается как аллюзия на широко используемое Америкой в военных конфликтах оружие, а именно — многоцелевые крылатые ракеты большой дальности «Томагавк», активно применяемые с 90-х годов XX века по сей день. Таким образом, визуальный и вербальный

компоненты данного поликодового текста находятся в отношениях взаимодополнения, апеллируя как к лингвистическим, так и к экстралингвистическим знаниям реципиента, и создавая яркий сатирический эффект карикатуры.

Воинственный характер политики Дональда Трампа можно проследить и в карикатуре Иоана Козаку «Umgarnt» («Пленил») (рис. 2) от 5 декабря 2019 года. В центре работы представлена федеральный канцлер Германии Ангела Меркель, распятая на четырехконечной звезде — логотипе НАТО. Вокруг нее с боевым кличем, индейским пером на голове и с томагавком в руках бегают президент США. Карикатура возникла в качестве реакции на прошедший в Лондоне восьмидесятый

Рис. 2. Umgarnt

саммит НАТО, на котором обсуждались энергобезопасность Европы, Китай, нестабильность на Ближнем Востоке и рост военных ассигнований. Перед встречей с главой немецкого правительства Дональд Трамп заявлял о возможных санкциях в отношении Германии, если та не откажется от поставок российского газа. В рамках саммита стороны договорились об укреплении военного потенциала НАТО и увеличении расходов на оборону со стороны европейских стран. Вербальный компонент представлен лишь названием карикатуры. Следует отметить, что глагол *umgarnen* в современном немецком языке имеет значение *durch Schmeichelei, Koketterie o. Ä. für sich und seine eigenen Zwecke zu gewinnen suchen* (обольстить, пленить, заманить в сети (хитростью, лестью, кокетством)). Однако в представленном поликодовом тексте визуальный компонент находится в оппозитивной корреляции с вербальным и актуализирует исходное значение глагола *umgarnen*: *mit Garnen einschließen, mit Netzen einfangen* (обмотать пряжей, поймать в сети). Ангела Меркель представлена как жертва, плененная воинственно настроенным Дональдом Трампом. Автор карикатуры, обращаясь к символу «топор войны», формирует оценку политического лидера Соединенных Штатов и его методов достижения целей, а также вскрывает истинные мотивы неконфликтного поведения федерального канцлера Германии на саммите.

В качестве примера, иллюстрирующего обращение к военному конфликту, рассмотрим карикатуру Ральфа Бёме «Kriegsbeiltreiber» («Сторонники силовых методов») (рис. 3) от 15 октября 2023 года, на которой изображены две мужские фигуры на поле со множеством выкопанных ям. Вербальная часть представляет собой диалог: «Lass mich raten! Alles Haushaltslöcher?» — «Nee, da waren mal Kriegsbeile vergraben!» («Дай угадаю! Это все дыры в бюджете?» — «Нет, здесь были зарыты топоры войны!»). Карикатура отсылает к двум

Рис. 3. Kriegsbeiltreiber

злободневным темам, которые активно обсуждаются в немецких СМИ и вызывают тревогу у населения Германии: дефицит бюджета и вооруженный конфликт на Ближнем Востоке. Ямы, представленные в иконическом компоненте, актуализируют в сознании собеседников разные фреймы: у одного — бюджетный кризис, вызванный финансовой «дырой» размером в несколько миллиардов евро, а у другого — фрейм «война», слоты которого («начало и конец военных действий») могут быть представлены в языке идиомами “das Kriegsbeil ausgraben” (*объявить войну*, досл. *выкопать топор войны*) и “das Kriegsbeil begraben” (*закопать топор войны*). В карикатуре обыгрываются оба этих фразеологизма с антонимичным значением: трансформация второй фразеологической единицы с использованием подлежащего в форме множественного числа и сказуемого в форме пассива состояния в прошедшем времени, а также замена у глагола префикса *be-* на *ver-* (*begraben* → *vergraben*) дают возможность сформировать в сознании реципиента представление о цикличности конфликта, который то утихает, то снова разгорается. Кроме того, такая языковая игра способствует созданию особой выразительности текста, поскольку замена одного из лексических компонентов фразеологизма усиливает экспрессивность благодаря возникновению контраста между узуальной структурой и неожиданным окказиональным вариантом [Fleischer: 2017].

Образ топора войны лежит в основе многих креолизованных текстов, посвященных внутренним проблемам немецкоязычных стран. Речь может идти как о межпартийной борьбе, так и о экономических вопросах, а также об отношении общественности к политическому вектору, которого придерживается Германия в свете напряженной ситуации на мировой арене.

Борьба за власть в стране наиболее часто становится объектом сатиры немецких поликодовых текстов, использующих символ топора войны. Например, на карикатуре Ральфа Бёме «Топор войны» (“Kriegsbeil”) (рис. 4) можно видеть руку политика партии ХСС, бросающую топор в дверь федерального канцлера Германии Ангелы Меркель. Данная работа была опубликована в сентябре 2015 года, когда в Гер-

Рис. 4. Kriegsbeil

манию хлынул большой поток беженцев с Ближнего Востока. В условиях миграционного кризиса Ангела Меркель проводила политику «открытых дверей» (*Willkommenpolitik*) и отдала распоряжение о приеме всех нуждающихся в помощи. Премьер-министр Баварии и председатель Христианско-социального союза Хорст Зеехофер выступил с резкой критикой линии федерального бундесканцлера. Этот конфликт привел к углублению раскола внутри блока ХДС/ХСС. Вербальный компонент креолизованного текста устанавливает референцию к основным действующим лицам (актантам пропозиции) и к обсуждаемой ими проблеме: *Bundeskanzlerin* (федеральный канцлер), *CSU* (ХСС), *Kritik an Flüchtlingsaufnahme* (критика решения о приеме беженцев). Визуальный компонент является реализацией семантического предиката на поверхностном уровне: отдельные элементы рисунка (бахрома на рукаве, узор на рукоятке) позволяют интерпретировать изображение как топор войны, который в данной

ситуации символизирует негативную оценку политики Ангелы Меркль со стороны ХСС, а также иллюстрирует глобальность разногласий и неготовность конфликтующих сторон пойти на уступки.

Развитию отмеченного выше политического конфликта посвящена еще одна карикатура с изображением топора войны. Мариан Каменски в работе “Kriegsbeilbegräbnis” («Погребение топора войны») (рис. 5) от 6 февраля 2017 года изображает федерального канцлера Ангелу Меркель и председателя ХСС Хорста Зеехофера, которые, вооружившись лопатами, несут на плечах топоры. Информационным поводом для создания карикатуры послужило заседание президиума партий ХДС/ХСС, на котором оба политических лидера заявили о достигнутом согласии по ключевым вопросам и о совместном участии в предстоящих выборах. Вербальный компонент креолизованного текста отсылает к фразеологизму *das Kriegsbeil begraben* (зарыть топор войны) со значением *einen Streit beenden; sich versöhnen* (прекратить конфликт, помириться). Существенную роль при интерпретации карикатуры играют прагматическая пресуппозиция и общие фоновые знания реципиента: идентификация действующих лиц происходит за счет внешнего портретного сходства представленных на картинке персонажей с ведущими немецкими политиками. Знание о разногласиях внутри союза ХДС/ХСС необходимо для понимания того, к какой полемике отсылает наличие топора, а его гиперболизированное изображение подчеркивает масштаб и серьезность этого конфликта. Использование фразеологизма в качестве основы для создания поликодового текста позволяет при минимальной вербальной экспликации дать максимально точную характеристику сложившейся ситуации.

Рис. 5. Kriegsbeilbegräbnis

Интересно, что в некоторых карикатурах, посвященных внутриполитической борьбе за власть, можно видеть изображение как топора войны, так и его антонима — трубки мира. Например, в работе Ральфа Бёме “Rettungsringe” («Спасательные круги») (рис. 6) от 7 января 2018 года представлены три человека, двое из них несут топоры и трубки, которые легко идентифицируются благодаря

Рис. 6. Rettungsringe

подписям на лотках, а третий держит спасательные круги и говорит: “Für einige Politiker endet ihre Karriere, falls die Gespräche scheitern!” («Карьера некоторых политиков закончится, если переговоры провалятся!»). На заднем фоне можно видеть плакат “Sondierung über GROKO” («Переговоры о Большой Коалиции»). Информационным поводом для создания карикатуры послужил затянувшийся

политический кризис по созданию коалиции после выборов в Бундестаг, прошедших в сентябре 2017 года. 7 января 2018 года начались предварительные переговоры о формировании правительства ФРГ между ХДС/ХСС и СДПГ. Вербальный компонент устанавливает референцию к сложившейся ситуации, а визуальный дает ей характеристику, подчеркивая непредсказуемость развития событий, когда политики могут либо достичь соглашения по спорным вопросам, либо усугубить конфликт. Автор карикатуры транслирует мысль о том, что у объединения в коалицию ХДС/ХСС и СДПГ есть как сторонники, призывающие выкурить трубку мира, так и противники, символом которых является топор войны. Но есть также и те, кто настаивает на скорейшем создании коалиции для спасения страны, которая уже несколько месяцев существует без правительства.

Ральф Бёме в карикатуре “Stein und Beil” («Камень и топор») (рис. 7) от 6 мая 2022 года использует тот же мотив с топорами войны и трубками мира для характеристики другой политической ситуации. В его новой работе человек, встретивший людей, несущих топоры и трубки, говорит: “Lassen Sie mich raten, wer von Ihnen den offenen Brief I und den offenen Brief II geschrieben hat...” («Давайте угадаю, кто из Вас написал первое открытое письмо, а кто второе...»).

Рис. 7. Stein und Beil

Данная карикатура была создана в качестве реакции на опубликованные в немецких СМИ открытые письма, обращенные к федеральному канцлеру Олафу Шольцу. Первое письмо появилось в конце апреля 2022 года и содержало призыв прекратить поставки оружия на Украину. 4 мая в противовес обращению, обнародованному ранее, было опубликовано еще одно открытое письмо с настоятельной просьбой поддержать Украину в ее оборонительной борьбе. Изображение топоров как символа войны и трубок как символа мира дает автору возможность отразить противоречивое отношение жителей Германии к военному конфликту на Украине. В названии карикатуры обыгрывается фразеологизм Stein und Bein со значением усиления (\approx от всей души), при этом замена компонента Bein на созвучное ему существительное Beil придает этому выражению агрессивную коннотацию, подчеркивая семантику конфликта.

Поликодовые тексты, базирующиеся на обыгрывании символа топора войны, могут быть посвящены и внутривнутриполитической ситуации других немецкоговорящих стран, в частности Швейцарии. Так, в карикатуре Феликса Шаада, сопровождающей статью журналиста Даниеля Фоппа “Macht heißt Verantwortung” («Власть означает ответственность») (рис. 8), опубликованную 9 декабря 2015 года, изображены представители трех швейцарских политических партий, которые обращаются к пожилому мужчине, имеющему портретное сходство с Кристофом Блохером, со словами: “Ihr habt euren 2. Bundesrat — Zeit, das Kriegsbeil zu begraben, Christoph!” («Вы второй раз получили большинство в Федеральном совете — пора закапывать топор войны, Кристоф!»). На что основатель Швейцарской народной партии (ШНП) отвечает:

“Kriegsbeil? Wir haben kein Kriegsbeil!” («Топор войны? У нас нет никакого топора войны!»). При этом за его спиной можно видеть огромную пушку и снаряды с надписью Initiativen (Инициативы). Информационным поводом для создания карикатуры послужили выборы в Национальный совет, на которых ШНП получила около 30 % голосов, и последующее избрание членов Федерального совета.

Рис. 8. Macht heißt Verantwortung

Кристоф Блохер известен своими радикальными и часто националистическими лозунгами, в частности, он выступал с инициативами, направленными на ограничение иммиграции и укрепление оборонительной способности страны. Политические оппоненты призывают основателя ШНП закопать топор войны, т. е. отказаться от радикальных инициатив и заключить альянс с другими партиями. Следует отметить, что вербальный и иконографический компоненты рассматриваемого поликодового текста находятся в оппозитивных отношениях, поскольку заявление Кристофа Блохера о том, что его партия не собирается продолжать конфликт, противоречит изображенному оружию, символизирующему дальнейшие бескомпромиссные намерения ШНП. Пушки и снаряды, как и упомянутый в вербальном компоненте топор войны, коррелируют с тематической группой «Оружие», а их гиперболическое изображение подчеркивает глубину разногласий с оппонентами и решимость категорически отстаивать свою политическую линию.

Образ индейца с топором войны может использоваться также при освещении напряженной экономической ситуации в Германии, как, например, в работе Ральфа Бёме “Merkelpfahl” («Столб Меркель») (рис. 9) от 15 марта 2011 года. На ней изображен индеец, привязывающий пленника к пыточному столбу, на котором развевается плакат с надписью „Steigende Energiepreise“ («Растущие цены на электроэнергию»).

Рис. 9. Merkelpfahl

Индеец говорит: “Das ist das Resultat nach Aussetzen der Laufzeitverlängerung!” («Это результат после приостановки продления срока действия!»). Вся карикатура снабжена подписью “Am Marterpfahl” («У пыточного столба»), а жертва, привязанная к этому столбу, по своему атрибуту (ночному колпаку) распознается как прецедентная фигура немецкого Михеля и олицетворяет весь немецкий народ. Информационным поводом для создания карикатуры послужило выступление Ангелы Меркель, которая на пресс-конференции после аварии на АЭС Фукусима-1 заявила о досрочной отмене обговоренного ранее продления срока работы атомных станций в Германии. Надпись на одежде индейца «Stromkonzerne» («Энергоконцерны»)

устанавливает референцию к поставщикам электроэнергии, а его перо в цветах немецкого флага транслирует информацию о том, что речь идет именно о производителях электричества в Германии. Томагавк, будучи обязательным атрибутом образа индейца, подчеркивает назревающий конфликт между энергоконцернами и простыми потребителями, для которых повышение цен будет мучительным. В названии автор карикатуры обыгрывает фонетическое сходство существительного *Marter* (пытка) и имени федерального канцлера Германии Ангелы Меркель, и тем самым вводит фигуру политического лидера в фокус рассмотрения и формирует у реципиента отрицательную оценку ее решения.

Таким образом, проведенный анализ немецкоязычных поликодовых текстов позволяет прийти к следующим выводам: символ топора войны и связанные с ним фразеологизмы активно используются как в качестве основы для создания карикатуры, так и для формирования определенной оценки рассматриваемых событий. При этом в фокусе внимания художников оказываются по большей части не военные конфликты, а проблемы социально-политической жизни страны. Что касается структурных характеристик карикатуры, то топор войны может встречаться как в вербальной, так и в визуальной части, а также находить отражение в обоих компонентах текста. Можно говорить о текстообразующей функции фразеологизма в карикатуре, которая строится на двух прочтениях устойчивого выражения: буквальном и фигуральном. Отметим, что в ряде случаев за счет того, что иконический компонент допускает неоднозначную интерпретацию, происходит актуализация нескольких фреймов, и это привносит в текст дополнительные смыслы. Для создания сатирического эффекта используется окказиональная трансформация узуальных фразеологических единиц, а также игра слов, основанная на фонетическом подобии лексем или омонимии. Кроме того, в креолизованных текстах, созданных с опорой на образ топора войны, авторы прибегают к использованию гиперболы для интенсификации аксиологической составляющей карикатуры.

Подводя итог, отметим, что анализ функционирования фразеологизмов в поликодовых текстах представляется перспективным направлением исследования. Будучи неотъемлемой частью языковой картины мира, устойчивые выражения формируют перспективу, с которой иллюстрируются актуальные общественно-политические проблемы, и являются одним из наиболее ярких выразительных средств при создании карикатуры.

Список литературы / References

- Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 23. С. 73—78.
(Voroshilova M.B. Creolized text in political discourse, *Political linguistics*, 2007, no. 23, pp. 73—78. — In Russ.)
- Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: УрГПУ, 2013. 194 с.
(Voroshilova M.B. The political creolized text: the keys to reading, Yekaterinburg, 2013, 194 p. — In Russ.)
- Зенкова А.Ю. Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания // Антиномии. 2004. № 5. С. 184—193.
(Zenkova A.Ju. Visual studies as an integral field of social and humanitarian knowledge, *Antinomies*, 2004, no. 5, pp. 184—193. — In Russ.)

- Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67, № 2. С. 60—65.
(Kovshova M.L. Analysis of phraseological units and codes of culture, *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2008, vol. 67, no. 2, pp. 60—65. — In Russ.)
- Ополовникова М.В., Кокурина И.В. Функции логических частиц в креолизованном тексте (на материале современной карикатуры) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 5. С. 48—57.
(Opolovnikova M.V., Kokurina I.V. Functions of logical particles in a creolized text (based on the material of modern caricature), *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, 2021, vol. 43, no. 5, pp. 48—57. — In Russ.)
- Симакова С.И. Визуальный поворот — новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник ЧелГУ. 2018. № 10 (420). С. 225—232.
(Simakova S.I. Visual turn — a new philosophy of image in mass communication media, *Bulletin of ChelSU*, 2018, no. 10 (420), pp. 225—232. — In Russ.)
- Талыбина Е.В., Минакова Н.А. Карикатура как взаимодействие вербальных и невербальных знаковых систем // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 1. С. 24—30.
(Talybina E.V., Minakova N.A. Caricature as the interaction of verbal and non-verbal sign systems, *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 2013, no. 1, pp. 24—30. — In Russ.)
- Burger H. *Phraseologie: Eine Einführung am Beispiel des Deutschen*, Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2015, 241 S.
(Burger H. *Phraseology: An introduction using the example of German*, Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2015, 241 p. — In Germ.)
- Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*, Tübingen: Niemeyer, 1997, 299 S.
(Fleischer W. *Phraseology of the German contemporary language*, Tübingen: Niemeyer, 1997, 299 p. — In Germ.)

THE HATCHET IN GERMAN-LANGUAGE CARTOON

Inna V. Kokurina, Maria V. Opolovnikova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
inna-kokurina@mail.ru; omw@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the use of the symbol of the hatchet and related phraseological units, which are actively used in German-speaking countries both as a basis for creating cartoons and for forming a certain assessment of the events under consideration. It is established that the focus of the cartoonist's attention is mostly not military conflicts, but the problems of the socio-political life of the country. When considering the structural characteristics of the cartoon, it is stated that the hatchet can occur both verbally and visually, as well as be reflected in both components of the text. The authors conclude that the phraseological units in the cartoon have a text function, which is based on two readings of a phraseological unit: literal and figurative. It is noted that in some cases the iconic component allows for ambiguous interpretation, which leads to the actualization of several frames and brings additional meanings to the text. It is revealed that to create a satirical effect, an occasional transformation of common phraseological units is used, as well as wordplay based on phonetic similarity of lexemes or homonymy. In addition, in creolized texts created based on the image of the hatchet, the authors resort to the use of hyperbole to intensify the axiological component of the cartoon.

Keywords: cartoon, creolized text, polycode text, phraseological unit, idiom, hyperbole, language game

For citation: Kokurina I.V., Opolovnikova M.V. The hatchet in German-language cartoon, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 44—54.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Кокурина Инна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, inna-kokurina@mail.ru

Kokurina Inna Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, inna-kokurina@mail.ru

Ополовникова Мария Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, omw@mail.ru

Opolovnikova Maria Vladimirovna — Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, omw@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 55—63.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 55—63.

Научная статья

УДК [811.111+811.161.1]’42

DOI: 10.46726/И.2024.2.7

ПРАГМАСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КОМИЧЕСКОГО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Елена Николаевна Пастухова

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pp98oo@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вербальных и невербальных способов создания комического эффекта в англоязычных и русскоязычных интернет-текстах, а также специфики их влияния на интернет-пользователей. В ходе исследования были выявлены основные приемы создания комического эффекта в текстах русскоязычного и англоязычного интернет-дискурса, проведено сопоставительное исследование лингвистических средств, используемых для создания комического эффекта в текстах интернет-дискурса на русском и английском языках. Материалом для исследования послужили комические тексты (мемы и антипословицы), отобранные методом сплошной выборки с сайтов социальных сетей, сайтов-сервисов.

В результате исследования установлено, что приемы создания комического эффекта в указанных текстах русскоязычного и англоязычного интернет-дискурса являются общими: языковая игра, прецедентность и использование визуального компонента. Как в русскоязычном, так и в англоязычном интернет-дискурсе комическое выражается на фонетическом, лексико-семантическом и грамматическом уровнях, основным лингвостилистическим средством при этом является каламбур, построенный на омонимии, полисемии, противопоставлении слов с прямым или переносным значением, использовании трансформированных фразеологических единиц. Характерными особенностями функционирования виртуальных комических текстов на русском или английском языках является выбор языковой стилистики, обусловленный социокультурной спецификой пользовательской аудитории.

Ключевые слова: комические тексты, мемы, антипословицы, каламбур, прецедентность

Для цитирования: Пастухова Е.Н. Прагмастилистические особенности передачи комического в англоязычном и русскоязычном интернет-дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 55—63.

В современном мире, характеризующемся процессами глобализации и цифровизации, особую популярность приобретает интернет-юмор, который процветает на сайтах социальных сетей, специальных сайтах, посвященных юмору, и на веб-страницах, ориентированных на образовательно-развлекательную или информационно-развлекательную деятельность.

Интернет-юмор, как и другие формы культурной коммуникации в этой среде, передается от человека к человеку и может масштабироваться (быстро или постепенно, в зависимости от комического потенциала и других характеристик) в общее социальное явление, дающее представление о предпочтениях и идеях людей, которые активно его создают и используют. При этом интернет-

пользователи не являются пассивными наблюдателями, а участвуют в создании, редактировании и обмене данным контентом.

Универсальные характеристики комических текстов в англоязычной и русскоязычной интернет-среде и их социокультурная специфика была рассмотрена ранее [Пастухова]. Данная работа посвящена изучению и систематизации того, какие способы и приёмы создания комического используют представители разных культур — русско- и англоговорящие пользователи Интернета. В процессе исследования были изучены прагматилистические особенности способов передачи комического в самых распространенных типах комических текстов в интернет-дискурсе — интернет-мемах и антипословицах.

Интернет-мемы стали важной частью социальной жизни в современном онлайн-мире, выполняя множество социальных ролей. Нередко они являются первыми новостными текстами, к которым люди обращаются, когда происходит что-то важное; дают возможность проявлять творчество и юмор в социальной сфере. Популярность мемов объясняется тем, что они позволяют высказать свое мнение на самые разные темы, будь то поп-культура, общие повседневные темы или текущие политические события. С их помощью пользователи Интернета знакомятся с актуальными «горячими» и обсуждаемыми вопросами, при этом используя как критические, так и абсурдные мета-комментарии.

Интернет-мем представляет собой спонтанное, «вирусное» распространение информации в интернет-пространстве. Важным стилистическим приемом создания комического эффекта в меме является каламбур.

Англоязычный текстовый мем *“What is your favorite form of cardio? — Jumping to conclusions”* построен на фразеологическом каламбуре. В первой реплике говорящий спрашивает, какой вид кардио-тренировок предпочитает его собеседник. Комический эффект данного мема становится очевидным, если реципиент адекватно воспринимает полисемию глагола *to jump* — «прыгать» (как вид тренировки) и его значение в составе идиомы *jump to conclusions* — «делать выводы» (как мыслительный вид деятельности).

Мем *“Don’t hate me just ‘cuz I’m a little cooler”* с изображением маленького переносного холодильника (рис. 1) является примером мема с использованием лексического каламбура. В данном примере обыгрываются значения слов *“cool”* и *“cooler”*: *cool* — 1) холодный, прохладный, свежий; 2) особенный, классный, популярный; *cooler* — 1) холодильник, холодильная камера; также в представленном каламбуре используется сравнительная степень прилагательного *“cool”*

Рис. 1

в значении «особенный, классный» [The Oxford English Dictionary]. Примечательно, что мем является типичным представителем группы креолизованных мемов, где без картинки каламбур теряет свой смысл: «Не злись на меня просто потому, что я немного круче». Изображение помогает понять каламбур: «Не злись на меня просто потому, что я маленький холодильник».

Еще одним примером креолизованных мемов является следующий: *“I wondered why the baseball was getting bigger. Then it hit me”* (рис. 2). В основе мема лежит лексический каламбур, который построен на полисемии глагола *“to hit”* 1) ударять, попадать в цель; 2) понять что-л. [The Oxford English Dictionary].

Рис. 2—3

Похожим примером является следующий русскоязычный мем (рис. 3). Это пример графического и лексического каламбура, так как изолированно в устной или в письменной форме комический эффект не очевиден. Автор обыгрывает созвучность словоформы «понеслось» с «пони» и «лось», т. е. акцентирует возможный результат скрещивания этих животных.

Кроме каламбура при образовании мемов используются и другие стилистические приемы, например, зевгма, то есть использование слов, имеющих одинаковую грамматическую, но разную семантическую сочетаемость с другими словами в предложении: “*Are you in love? No, I’m in bed*”. Данный мем построен на алогизме — несоответствии синтаксической и смысловой структуры речи. Комический эффект достигается за счет нарушения сочетаемости слов в выражении *to be in love with smb*. Мем обыгрывает значение фразеологизма «быть влюбленным» и буквальное значение глагола *to be* – «находиться где-то».

Важной характеристикой как русскоязычных, так и англоязычных интернет-мемов является прецедентность. В качестве прецедентных феноменов могут выступать прецедентные имена, высказывания, тексты, ситуации. Большую роль для понимания таких прецедентных феноменов играет наличие необходимых фоновых знаний у автора мема и у реципиента. Иногда прецедентность представлена не эксплицитно, а косвенно, что может быть понятно только определенным группам людей или носителям одного языка. Как правило, прецедентные тексты используются для создания комического эффекта. Прецедентный феномен либо инициирует аллюзию к известной смешной ситуации, заставляя реципиента смеяться, либо обращается к известной несмешной ситуации, которая обыгрывается, переосмысливается в юмористическом ключе.

Вслед за И.В. Захаренко отметим, что структура прецедентного высказывания имеет три уровня: 1) поверхностное значение — складывается из суммы значений составных элементов высказывания; 2) глубинное значение — представляет собой нечто большее, что образует «лексико-семантическую структуру высказывания»; 3) системный смысл — сочетание «глубинного смысла», знаний и представлений о прецедентном тексте или ситуации, которые лежат в основе данного высказывания [Захаренко: 93].

В следующем меме “*Pencils confused him. 2B or not 2B?*” (рис. 4) прецедентность играет решающую роль в понимании его смысла. Данный мем относится к креолизированным текстам, где изображение неразрывно связано с графикой. В данном случае представлен знаменитый английский поэт и драматург Уильям Шекспир, а сам каламбур построен на известной фразе из пьесы «Гамлет», в которой главный герой выражает свои сомнения: “*To be, or not to be*”. Если рассматривать текст мема в буквальном смысле, то речь идет о типе карандашей (маркировка 2B означает определенную степень твердости). Изображение выступает здесь в качестве подсказки на наличие прецедентного текста. Вероятно, люди, незнакомые с творчеством У. Шекспира, не смогут оценить юмор предложенного мема.

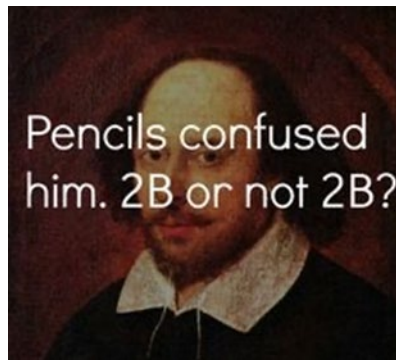

Рис. 4

Для восприятия следующего мема (рис. 5) важную роль играют культурные фоновые знания реципиента.

Delivery Club — крупнейший сервис доставки еды и продуктов, функционирующий только на российском рынке. 20.05.2022 г. российские СМИ сообщили об утечке данных клиентов этого сервиса (любой человек мог получить доступ к адресам, телефонам, заказам того или иного пользователя). Мем содержит лексический каламбур, который изображен на картинке. Человек заказывает в сервисе доставку пиццу и роллов, а ему привозят сливы. В данном случае обыгрывается многозначность словоформы «сливы», где «слив» — выдача конфиденциальной информации заинтересованным лицам.

Рис. 5

Еще один речевой жанр, богатый языковыми средствами создания комического эффекта и активно представленный в интернет-дискурсе, — это антипословица. Антипословица представляет собой стандартную пословицу, преобразованную определённым образом с целью создания юмористического эффекта. Антипословицы возникают в результате замены одного или нескольких компонентов оригинальной пословицы, при этом важно сохранить ассоциацию или сходство с первоначальной формой. Замена слов омонимами, изменение последовательности компонентов (объединение, перестановка), сокращение, дополнение, синтаксическое изменение — основные способы создания антипословиц.

В то время как старые пословицы функционируют в качестве непреложного правила, современные антипословицы призваны преодолеть наивное восприятие традиционной мудрости, для чего авторы нередко заменяют целую часть высказывания. Одна из самых популярных пословиц подобного рода на английском языке *If at first you don't succeed, try, try again* имеет огромное количество пародий. Например: *If at first you don't succeed, blame it on your wife*; *If at first you don't succeed, do it the way your wife told you*; *If at first you don't succeed — you are fired*. Комический эффект в данном случае так же, как и в

предыдущих примерах, достигается за счет использования структурно-семантической трансформации — замены нескольких компонентов пословицы для создания несоответствия ожиданиям реципиента, знакомого с оригинальной, исторически существующей пословицей и содержанием нового текста. Стоит отметить, что приведенные примеры содержат в себе четкую прагматическую составляющую, имплицитный смысл, который может быть понят только теми реципиентами, которые знакомы с лежащими в их основе прецедентными текстами.

Многие трансформации пословиц предполагают расширение оригинального текста за счет введения добавочных компонентов, при этом сохраняют первоначальный текст пословицы без каких-либо изменений. Эван Эсар назвал этот тип искаженных пословиц «расширенной пословицей». Он приводит примеры того, с какой легкостью некоторые пословицы (например, “Half the world doesn’t know how the other half lives”) были переделаны в огромное количество антипословиц: Half the world doesn’t know how the other half lives — and it’s none of its business; Half the world doesn’t know how the other half lives, but it has its suspicions; Half the world doesn’t know how the other half lives on the husband’s salary [цит. по: Mieder].

Расширенный тип варьирования и пародирования пословиц также может быть наглядно продемонстрировать с помощью веллеризмов. Веллеризмы, названные в честь одного из персонажей Чарльза Диккенса — Сэмюэля Веллера, особенно распространены в США, Великобритании и Ирландии. Веллеризмы обычно состоят из трех частей: 1) утверждение (которое часто состоит из пословицы или пословичной фразы), 2) говорящий, осуществляющий высказывание и 3) фраза, которая создает неожиданную, надуманную ситуацию. Смысл пословицы обычно искажается в контексте третьей части веллеризма. Таким образом, веллеризм часто пародирует традиционную мудрость пословиц, показывая несоответствие между моралью пословицы и действительностью [Mieder]. Например: “Out of sight, out of mind,” said the warden as the escaped lunatic disappeared over the hill (Out of sight, out of mind); “Tough luck,” said the egg in the monastery, “out of the frying pan into the friar” (ориг.: Out of the frying pan into the fire).

Еще одним распространённым приемом достижения образности и создания комического эффекта в пословицах является метафора, однако в антипословицах смысл метафорической пословицы сужается за счет помещения ее в контекст, в котором она должна быть интерпретирована буквально, т. е. используется связь буквального и метафорического значений: When one door shuts, another opens... that means that you live in a drafty home (ориг.: When one door shuts, another opens); “No friend like a bosom friend,” as the man said when he pulled out a louse (ориг.: No friend like a bosom friend); A bird in hand is probably contaminated with salmonella (ориг.: A bird in hand is worth two in the bush).

Основным стилистическим средством создания комического эффекта в антипословицах является каламбур. Многочисленные пословицы представляют собой хороший материал для создания двусмысленности посредством использования какого-то одного слова, которое является полисемичным (т. е. имеет два и более значений), или двух слов, которые являются омонимами (т. е. имеющие идентичное произношение и написание), тем самым создавая неожиданный комический эффект. В английском языке существует немало полисемичных слов, которые активно используются в образовании каламбуров, например, слово will в пословице Where there’s a will, there’s a way: Where there’s a will, there’s an inheritance tax; Where there’s a will — there’s a delay; Where there’s a will, there’s a wait; Where there’s a will, there’s a won’t. В следующих трех

антипословицах обыгрывается созвучие глагола *lie* (обманывать) и глагола *lie* в значении «быть найденным, существовать»: *Figures don't lie — except on the beach* (ориг.: *Figures don't lie*); *As you have made your bed, why lie about it?* (ориг.: *As you have made your bed, lie in it*); *Truth lies at the bottom of a well, but if it lies, how can it be the truth?* (ориг.: *Truth lies at the bottom of a well*). Список полисемичных или омонимичных слов, используемых в антипословицах, очень большой: *time, shot, rod, blood, miss, bridge, port* и др. Например: “*How time flies,*” *as the monkey said when it threw the clock at the missionary* (ориг.: *Time flies*); *Blood will tell: nobody criticizes your faults quicker than your relatives* (ориг.: *Blood will tell*); *Any port in a storm — preferably expensive port* (ориг.: *Any port in a storm*).

Самый авторитетный на сегодняшний день словарь «Антипословицы русского народа» содержит примеры, в которых комический эффект достигается за счет создания нового смысла уже известной пословицы, в частности, за счет замены одного из компонентов пословицы окказиональным вариантом: Не делай сегодня то, что можно сделать завтра (ориг.: Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня); Каждый сам кузнец своего несчастья (ориг.: Каждый сам кузнец своего счастья); Каждой твари — по харе (ориг.: Каждой твари — по паре); Игла что дышло: куда повернул, туда и вышла (ориг.: закон что дышло: куда повернул, туда и вышло). Чтобы понять комизм вновь созданных текстов, реципиенту необходимо восстановить первоначальный текст пословицы, т. е. обладать определенными фоновыми знаниями.

В некоторых антипословицах комический эффект создается за счет введения добавочных компонентов при сохранении оригинальной части. Например: С милым рай и в шалаше, если милый атташе (ориг.: С милым рай и в шалаше); Век живи — век учись, а дураком помрешь (ориг.: Век живи — век учись); Тише едешь — дальше будешь от того места, куда едешь (ориг.: Тише едешь — дальше будешь); Истина рождается в споре, но там же и умирает (ориг.: Истина рождается в споре) [Вальтер, Мокиенко].

Большое количество антипословиц в русскоязычном Интернет-дискурсе появилось именно в период пандемии коронавируса в 2020 году и связано с темой коронавируса. Большая часть из них построена на замене одного из компонентов пословицы окказиональным вариантом, в результате чего создается иронический эффект. Например: Одна голова хорошо, а две — не менее полутора метров друг от друга (ориг.: Одна голова хорошо, а две — лучше); Дружба дружбой, а полтора метра врозь (ориг.: Дружба дружбой, а служба службой). Данные антипословицы появились благодаря антиковидным ограничениям, когда в целях предотвращения распространения заболевания расстояние между людьми в общественных местах должно было быть не менее полутора метров. Другие примеры ковидных антипословиц: По маске встречают, по температуре провожают (ориг.: По одежке встречают, по уму провожают); Один в поле не болен (ориг.: Один в поле не воин); Не имей сто рублей, а имей антисептик (ориг.: Не имей сто рублей, а имей сто друзей); Где родился — там и сиди на карантине (ориг.: Где родился — там и пригодился).

Стоит отметить, что фонетический тип каламбура был особенно популярен при создании антипословиц в период пандемии коронавируса. Рассмотрим некоторые примеры: Око за око, Zoom за Zoom (ориг.: Око за око, зуб за зуб) — в данном примере каламбур строится на созвучии слов «зуб» и “Zoom”, так как в период пандемии многие мероприятия проводились именно на этой платформе; А ВОЗ и ныне там... (ориг.: [А] воз и ныне там) — каламбур построен

на полном созвучии существительного «воз» и аббревиатуры ВОЗ, где ВОЗ — Всемирная Организация Здравоохранения.

Адекватное восприятие значения некоторых антипословиц неразрывно связано с изображением. Например, «Рой яму — в джакузи попадешь!» и фотография песка с людьми, роющими ямы (рис. 6). Антипословица построена на оригинальной пословице «Не рой яму другому, сам в нее попадешь» при помощи замены одного из компонентов пословицы окказиональным вариантом. На картинке изображен пляж в Новой Зеландии

Рис. 6

под названием Hot Water Beach, где во время приливов и отливов бьет подземный геотермальный источник, и люди роют большие ямы, которые медленно наполняются горячей водой. Многие туристы ищут этот пляж, чтобы «выкопать яму» для себя. Сама по себе картинка нейтральна в отношении юмористического эффекта, но она взаимодействует с антипословицей, и в результате подтверждает смысл переделанной пословицы.

Поводя итог, следует отметить, что оба рассмотренных типа комических текстов — мемы и антипословицы — в интернет-дискурсе могут быть представлены в виде креолизованных текстов, характеризующихся двумя составляющими: вербальной (речевой) и невербальной. Специфика креолизованного текста выражается в единстве обоих компонентов текста, функционирующих как единая смысловая единица, в невозможности интерпретации одного из них без другого. В отличие от обычного иллюстрированного текста, в таком тексте полнота передаваемой информации достигается за счет одновременного восприятия всех компонентов текста. Визуальный элемент фактически помогает сообщению более эффективно достигать целевой аудитории.

Важный прием создания комического эффекта — использование прецедентности. Прецедентные тексты, которые, как правило, содержат афоризмы, принадлежащие определенной лингвокультуре, могут быть универсальными, национальными (субкультурными, историческими) и микропрецедентными; они используются в речи, проникая в память человека иногда помимо его воли, и проявляются в речевом поведении в виде готовых высказываний. Прецедентные тексты в составе нового текста порождают огромное количество ассоциаций и аллюзий у реципиента, что позволяет в завуалированной форме предоставить больше информации, чем может в себя вместить абсолютно новый оригинальный текст.

Поскольку все исследованные комические тексты в той или иной степени основаны на прецедентности, то есть имеют определенную культурную коннотацию, реципиент должен обладать определенными культурными, политическими и другими дополнительными базовыми знаниями, необходимыми для адекватного восприятия данной коннотации. Источники прецедентности являются общими как для русскоязычного, так и для англоязычного интернет-дискурса — произведения массовой культуры, современные и исторические персоналии, события и ситуации.

Авторский замысел при создании мемов и антипословиц в интернет-дискурсе реализуется за счет прагматических механизмов создания юмористического

эффекта, которые и определяют выбор средств создания комического эффекта. Исследованные тексты интернет-дискурса отличаются ярко выраженной прагматической направленностью, так как все они имеют целью оказать то или иное воздействие на реципиента, а прецедентные элементы, входящие в их состав, отражают специфику современной политической, исторической и культурной ситуации.

Как в русскоязычном, так и в англоязычном интернет-дискурсе основными лингвостилистическими средствами создания комического эффекта являются каламбур, построенный на омонимии, полисемии, противопоставлении слов с прямым или переносным значением, использовании трансформированных фразеологических единиц; ирония как мощное средство обыгрывания коммуникативного смысла и намерения, представляющая собой семантическую инверсию, нацеленную на противопоставление буквального и переносного значения; метафора, интерпретация которой обусловлена социокультурными факторами.

Список источников

- Humor Times. URL: <https://www.humortimes.com/> (accessed: 13.02.2024).
 Superficial Gazette. URL: <https://superficialgazette.wordpress.com/> (accessed: 13.02.2024).
 The Oxford English Dictionary. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (accessed: 13.02.2024).

Список литературы / References

- Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб: Нева. 2005. 576 с. (Valter H., Mokienko V.M. Anti-proverbs of the Russian people, St. Petersburg, 2005, 576 p. — In Russ.)
- Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92—99. (Zakharenko I.V. Precedent statements and their functioning in the text, *Linguistic and Cognitive Problems of Intercultural Communication*, Moscow, 1997, pp. 92—99. — In Russ.)
- Пастухова Е.Н. Типы комических текстов в русско- и англоязычном интернет-дискурсе // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 52—59.
- (Pastukhova E.N. Types of Comic texts in the Russian and English Internet Discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2023, iss. 2, pp. 52—59. — In Russ.)
- Mieder W. Anti-Proverbs and Mass Communication: The Interplay of Traditional and Innovative Folklore, *Acta Ethnographica Hungarica*, June 2007, 52 (1), pp. 17—45. URL: https://www.researchgate.net/publication/240763019_Anti-proverbs_and_mass_communication_The_interplay_of_traditional_and_innovative_folklore (accessed: 13.02.2024).

PRAGMASTYLISTIC FEATURES OF CREATING HUMOROUS EFFECT IN THE ENGLISH AND RUSSIAN-LANGUAGE INTERNET DISCOURSE

Elena N. Pastukhova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pp98oo@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the use of verbal and non-verbal methods of creating a comic effect in English-language and Russian-language Internet texts, as well as the specifics of their influence on Internet users. The study identified the main techniques for creating a comic effect in texts of Russian-language and English-language Internet discourse, and conducted a comparative study of linguistic means used to create a comic effect in texts of Internet discourse in Russian and English. The material for the study was

comic texts (memes and anti-proverbs), selected using a continuous sampling method from social networking sites and service sites.

As a result of the study, it was established that the techniques for creating a comic effect in these texts of Russian-language and English-language Internet discourse are common: language play, precedent and the use of a visual component. In both Russian-language and English-language Internet discourse, the comic is expressed at the phonetic, lexical-semantic and grammatical levels, the main linguistic-stylistic means being a pun built on homonymy, polysemy, contrasting words with direct or figurative meaning, and the use of transformed phraseological units. Characteristic features of the functioning of virtual comic texts in Russian or English are the choice of linguistic style, determined by the sociocultural specifics of the user audience.

Keywords: comic texts, memes, anti-proverbs, puns, precedent

For citation: Pastukhova E.N. Pragmastylistic features of creating humorous effect in the English- and Russian-language Internet discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 55—63.

Статья поступила в редакцию 14.02.2024; одобрена после рецензирования 26.02.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted to the editorial office 14.02.2024; approved after review 26.02.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Пастухова Елена Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, pp9800@mail.ru

Pastukhova Elena Nikolayevna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of Foreign Philology Department, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, pp9800@mail

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 64—70.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 64—70.

Научная статья

УДК [811.111+811.161.1]’36’27

DOI: 10.46726/И.2024.2.8

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА АНГЛИЧАН И РУССКИХ

Наталья Вячеславовна Струнина, Елена Викторовна Крехтунова

Пензенский государственный университет, г. Пенза,

Россия, natstrunina@mail.ru, mizuori@mail.ru

Аннотация. В статье затрагивается проблематика влияния особенностей грамматического строя английского и русского языков на общенациональные особенности этих народов. Отмечается, что при изучении иностранного языка особое внимание необходимо уделять не только лексическому и грамматическому компонентам речи, но и изучению особенностей национальной культуры. Национальный характер — сложное многомерное понятие, являющееся предметом исследования различных наук — философии, психологии, социологии и др. В статье рассматриваются различные определения понятия «национальный характер», анализируются его составляющие и выделяются источники информации о нем. Среди множества грамматических явлений, влияющих на формирование личности, особое внимание в статье уделяется употреблению личных местоимений в русском и английском языках, одному из ключевых концептов английского языка — «сдержанному высказыванию» (understatement) и употреблению повелительного наклонения. Также анализируются средства для выражения эмоций в обоих языках и подчеркивается, что в английском языке превалирует использование номинативных конструкций, а в русском — дативных. В заключение затрагивается категория артикля в английском языке и его роль в отображении центрального места индивидуума в английской культуре.

Ключевые слова: язык, культура, национальный характер, грамматика английского и русского языков, языковая сдержанность

Для цитирования: Струнина Н.В., Крехтунова Е.В. Роль грамматики в формировании национального характера англичан и русских // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 64—70.

В лингвистике понятия «язык» и «культура» неразрывно связаны. Зачастую в результате обучения специалисты, достаточно уверенно владеющие иностранным языком, в процессе межкультурной коммуникации не могут верно интерпретировать смысл иноязычных высказываний. По мнению И.Л. Плужник, это происходит из-за незнания норм и ценностей, характерных для культуры другой страны, несформированности поликультурного мировоззрения, личностных поведенческих качеств, необходимых для эффективного межкультурного общения [Плужник]. Мы согласны с мнением Ж. Ласера: «Каким бы ни был учебник или метод преподавания, именно сведения о культуре прежде всего составляют основное богатство образования. Преподаватель не должен ограничиваться узкими языковыми целями. Без обращения к явлениям культуры изучение языка обедняется» [Ласера]. Поэтому в процессе обучения иностранным языкам очень важно знакомить обучающихся не только с лексической

и грамматической стороной речи, стилистическими особенностями, фонетикой и т. д., но также нужно изучать культуру народов, говорящих на этих языках, их образ жизни, традиции, правила этикета и т. п.

Для межкультурной коммуникации важное значение имеют и особенности национального характера собеседников, особенности их эмоционального склада [Текст как явление...: 77]. Е.Ф. Тарасов отмечает, что язык включен в культуру, так как «тело» знака (означающее) является культурным предметом, в форме которого опредмечена языковая и коммуникативная способность человека, значение знака — это также культурное образование, которое возникает только в человеческой деятельности. Также и культура включена в язык, поскольку вся она смоделирована в тексте [Тарасов]. О тесной связи языка и культуры рассуждает и Э. Сепир: «Язык не существует вне культуры, т. е. вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [Сепир: 185].

Культура отражается в языке и оказывает непосредственное влияние на формирование личности и национального характера. Вопрос национального характера давно занимает умы ученых. Теоретические основы изучения понятия «национальный характер» были заложены философом Дэвидом Юмом в 1770 г. В своей работе «О национальных характерах». Юм говорит о том, что каждый народ обладает своими уникальными особенностями и выделяет моральные и физические причины для объяснения отличий между национальными характерами разных народов [Юм]. К моральным причинам он относит форму правления, условия жизни и т. д. Среди физических причин автор выделяет климатические условия.

С.М. Арутюнян под национальным характером понимает «своеобразный национальный колорит чувств и эмоций, образа мыслей и действий, устойчивые и национальные черты привычек и традиций, формирующихся под влиянием условий материальной жизни, особенностей исторического развития данной нации и проявляющихся в специфике ее национальной культуры» [Арутюнян: 31].

Д.В. Ольшанский, давая определение национального характера, делает акцент на его эмоционально-чувственной природе. «Национальный характер — совокупность наиболее устойчивых, характерных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Национальный характер представляет собой, прежде всего, определенную совокупность эмоционально-чувственных проявлений, выражаясь в первую очередь в эмоциях, чувствах и настроениях — в предсознательных, во многом иррациональных способах эмоционально-чувственного освоения мира, а также в скорости и интенсивности реакций на происходящие события» [Ольшанский].

Мы разделяем мнение Д.С. Лихачева, который избегает прямых, категоричных формулировок и говорит о том, что «Национальные особенности — достоверный факт. Не существует только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, только данной нации. Только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт. Отрицать наличие национального характера, национальной индивидуальности — значит делать мир народов скучным и серым» [Лихачев: 40]. При этом исследователь отмечает, что размышление над национальными особенностями характера других народов очень важно, оно помогает нам лучше понять эти народы.

Составляющими национального характера являются а) привычки и поведение; б) эмоционально-психологическая реакция на явления привычной и непривычной среды; в) ценностные ориентации; г) потребности и вкусы [Василевич: 76]. Узнать сведения о национальном характере можно из разных источников. Так, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, объективные сведения о характере народа можно почерпнуть из международных анекдотов, в основе которых лежат стереотипы о разных нациях, из национальных классических произведений, а также из фольклора (устного народного творчества) [Тер-Минасова: 181].

При этом основную роль в формировании национального характера играет лексика, и, в меньшей мере, грамматика. Далее рассмотрим, как грамматика влияет на формирование личности. Данный вопрос затрагивает множество грамматических явлений. Нас, в первую очередь, будут интересовать различия в употреблении английского местоимения “you” и русских местоимений «ты», «вы»; «языковая сдержанность» англичан; использование императивных конструкций; средства выражения эмоций; употребление номинативных и дативных конструкций; категория артикля в английском языке.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что, в отличие от русского языка, где в речи используются два личных местоимения «ты» и «вы», у англичан присутствует только одна форма — “you” [Тер-Минасова]. На первый взгляд, то, что “you” переводится и «ты», и «вы», это стилистически очень удобно: ко всем обращаешься одинаково — и к другу, и к учителю. Однако это указывает на формально-официальное отношение говорящего, на минимум эмоционального проявления. В русском языке же существует огромная стилистическая разница между обращением на «ты» и «вы». Обращаясь на «ты», можно вызвать бурю эмоций, а иногда даже обидеть человека. Это говорит о том, что англичане более вежливые и сдержанные, в отличие от более эмоциональных русскоговорящих.

«Языковая сдержанность» и «недоговоренность» выражаются английским концептом “understatement”. Это очень важное понятие в английской лингвокультуре. В британской газете The Independent в статье “Chart shows “what the British say, what they really mean, and what others understand” («В таблице показано, что британцы говорят, что они на самом деле имеют в виду и что другие понимают») приводятся типичные высказывания британцев и комментарии к ним*. Например, фраза “Quite good” («Довольно хорошо») на самом деле означает “A bit disappointing” («Немного разочаровывающе»). Или под фразой “Very interesting” («Очень интересно») британцы имеют в виду “That is clearly nonsense” («Это полная чепуха»). Такие фразы можно понять только хорошо зная национальный менталитет британцев.

Также понятие «understatement» ярко выражено в синтаксическом строе английского языка. Англичане стараются избегать императивных конструкций, предпочитая вопросительные формы. Так, вместо категоричного “Open the window!” («Откройте окно!») англичане скажут “Could you open the window, please?” («Не могли бы вы открыть окно, пожалуйста?»). В русском языке повелительное наклонение используется довольно часто.

* The Independent. Chart shows “what the British say, what they really mean, and what others understand”. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/homenews/chart-shows-what-british-people-say-what-they-really-mean-and-what-others-understand-a6730046.html> (accessed: 07.07.2023).

А. Вежбицкая, проводя сопоставительный анализ русского и английского языков, отмечает, что в русском языке много «активных» эмоциональных глаголов, большинство из которых довольно трудно перевести на английский [Вежбицкая]. К ним относятся, например: *радоваться, грустить, огорчаться, ужасаться, стыдиться, возмущаться, томиться* и т. д.

На их активный характер указывают несколько фактов. Во-первых, многие глаголы образованы при помощи суффикса *-ся*, что говорит о том, что эмоции возникли не под воздействием внешних факторов, а как бы сами по себе. Во-вторых, многие глаголы эмоций используются в предложении совместно с глаголами действия. Также следует отметить такую особенность русских людей, как умение «активно предаваться чувствам», с головой уходить в проживание разных эмоций. Например: *не отдаваться чувству досады...* (Л.Н. Толстой).

В английском языке ситуация совершенно иная — для передачи эмоций гораздо чаще используются прилагательные или псевдопричастия, чем глаголы. Например: *She is worried, glad, happy, pleased, satisfied, etc.* (Она обеспокоена, рада, счастлива, довольна, удовлетворена и т. д.). Такие прилагательные и псевдопричастия указывают не на активный, а на пассивный характер эмоций. На превалирование пассивного эмоционального состояния указывает и тот факт, что англичане крайне редко «отдаются во власть» эмоций, демонстрируя выдержанность и сдержанность.

Основываясь на данных синтаксической типологии языков, А. Вежбицкая пишет, что языки делятся на два типа в зависимости от разных подходов к жизни. Первый тип — языки агентивной ориентации (например, английский язык), когда человек — сам творец своей судьбы и активно управляет всеми событиями в своей жизни. Второй тип — пациентивная (пассивная) ориентация, когда человек полностью полагается на волю судьбы, не влияя на события в своей жизни. Русский язык можно отнести ко второму типу.

Говоря о грамматической стороне языка, следует отметить, что агентивность связана с номинативными и номинативоподобными конструкциями, в то время как пациентивность — с дативными и дативоподобными. В английском языке преобладают конструкции, где выражен активный деятель, а безличные и неопределенно-личные предложения встречаются гораздо реже. (Вспомним, что согласно правилам английской грамматики даже в безличном предложении обязательно должно быть подлежащее). Даже категория долженствования передается в английском языке с помощью номинативной конструкции — *I have to do it* (Я должен это сделать). Использованием данной конструкции подчеркивается, что субъект признает необходимость совершения действия и внутренне осознает это.

Для русского языка гораздо более типичны конструкции с дательным падежом субъекта — *надо, нужно, можно, следует, нельзя, должно* и т. д. Данные конструкции подчеркивают, что человек не контролирует ситуацию и не управляет событиями, происходящими с ним. Все дативные конструкции типа *Мне нужно, Мне надо, Мне необходимо* выражают необходимость, навязанную субъекту извне. Например: *Мне необходимо зайти в офис.*

Помимо различий в использовании инфинитивных конструкций с предикатами необходимости и возможности, существенные отличия можно заметить и в использовании инфинитивных конструкций без модальных слов. И вновь для данных конструкций в английском языке оказываются типичными номинативные конструкции, выражающие осознаваемый и контролируемый субъектом мыслительный процесс.

Например: *I think / believe...* (Я думаю / полагаю...)

It seems to me... (Мне кажется...)

В русском языке в инфинитивных конструкциях без модальных слов преобладают дативные конструкции, подчеркивающие, что субъект не контролирует свои мысли и не несет за них ответственности.

Например: *Мне хочется верить...*

Как бы не уронить...

Еще одним ярким примером, иллюстрирующим разницу между агентивным английским языком и пассивным русским языком, является следующий: *He succeeded* (Ему это удалось); *He failed* (Ему это не удалось). В английском языке использованием номинативной конструкции подчеркивается, что субъект сам несет ответственность за успех или провал, в то время как русская дативная конструкция освобождает человека от ответственности за происходящие хорошие или плохие события.

Проанализировав частотность и особенности использования агентивных и пассивных конструкций в английском и русском языках, А. Вежбицкая делает вывод о том, что для английского языка гораздо более характерными являются предложения, построенные на агентивной модели. Русский язык отличается богатым использованием безличных предложений, где не указан деятель. Данные отличия обусловлены тем, что в английской культурной традиции преобладает убеждение, что человек вершит свою судьбу сам, а человеческая жизнь рассматривается с позиции «что делаю я» (активный подход). Русская культура характеризуется установкой, что события жизни нам неподвластны, мы не можем ничего решить, а к человеческой жизни подходят с точки зрения того, «что случится со мной» (пассивный подход).

Еще одна особенность, иллюстрирующая агентивность английского языка, и, в частности, центральное место личности в английской культуре — наличие категории артикля. Как известно, в русском языке артикль отсутствует, поэтому использование артикля вызывает большие трудности у изучающих английский язык. Артикль — не просто грамматическое явление, это категория, позволяющая указывать на людей и предметы по определенному признаку, что очень важно для национального менталитета англичан. «Это — один из многих» (используется неопределенный артикль *a/an*), а «это — тот самый» (требуется определенный артикль *the*). По мнению С.Г. Тер-Минасовой, категория артикля указывает на повышенный интерес англичан к отдельному человеку или предмету, что подчеркивает сосредоточенность западной идеологии на удовлетворении интересов индивидуума [Тер-Минасова].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что понятия, составляющие основу культуры любого языка, отражаются не только в лексике, но и в грамматике. Поэтому, чтобы межкультурное общение было успешным, необходимо принимать во внимание культурный компонент грамматики.

Список литературы / References

- Арутюнян С.М. Нация и ее психический склад. Краснодар: Краснодарский гос. пед. институт, 1966. 271 с.
(Arutunian S.M. Nation and its psychological character, Krasnodar, 1966, 271 p. — In Russ.)
- Василевич А.П. Откуда берется представление о национальном характере? // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 76—87.
(Vasilevich A.P. Where does the idea of national character come from?, *Psycholinguistics issues*, 2010, no. 12, pp. 76—87. — In Russ.)

- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
(Vezhbitskaia A. Language. Culture. Cognition, Moscow, 1996, 416 p. — In Russ.)
- Ласера Ж. Реалии французской культуры на уроках французского языка // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. М.: Русский язык, 1974. С. 217—224.
(Lasera Zh. The realities of French culture in French lessons, *Linguistic and cultural aspect of teaching English to foreigners*, Moscow, 1974, pp. 217—224. — In Russ.)
- Лихачев Д.С. Заметки о русском. М., 1984. 61 с.
(Likhachev D.S. Notes about Russian, Moscow, 1984, 61 p. — In Russ.)
- Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001. 496 с. URL: www.iu.ru/biblio/archive/olshanskiy_political_pshihilyg_bases/10.aspx (дата обращения: 07.07.2023).
(Ol'shanskii D.V. Fundamentals of political psychology, Ekaterinburg, 2001, 496 p. — In Russ.)
- Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
(Sepir E. Language. Introduction to the speech study, Moscow; Leningrad, 1934, 223 p. — In Russ.)
- Плужник И.Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. 46 с.
(Pluzhnik I.L. Formation of intercultural communicative competence of humanities students during the process of professional training: abstract of the dis. ... Doctor of Pedagogical Sciences, Tyumen', 2003, 46 p. — In Russ.)
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н.В. Уфимцевой. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 97—112.
(Tarasov E.F. Intercultural communication — a new ontology of the analysis of linguistic consciousness. *Ethno-cultural specifics of language consciousness*, ed. by N.V. Ufimtseva, Moscow, 1996, pp. 97—112. — In Russ.)
- Текст как явление культуры / Отв. ред. А.Н. Кочергин, К.А. Тимофеев. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1989. 194 с.
(Text as a cultural phenomenon, ed. by A.N. Kochergin, K.A. Timofeev, Novosibirsk, 1989, 194 p. — In Russ.)
- Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. 2-е изд., до-раб. М.: МГУ, 2004. 352 с.
(Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication, Moscow, 2004, 352 p. — In Russ.)
- Юм Д. О национальных характерах // Юм Д. Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 703—721.
(Hume D. About national characters, *Hume D. Works in two vols*, Moscow, 1965, vol. 2, pp. 703—721. — In Russ.)

THE ROLE OF GRAMMAR IN THE FORMATION OF ENGLISH AND RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

Natalia V. Strunina, Elena V. Krekhtunova

Penza State University, Penza, Russian Federation,
natstrunina@mail.ru, mizuori@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the influence of the English and Russian languages grammatical structure on the national features of these peoples. It is noted that when learning a foreign language, special attention should be paid not only to the lexical and grammatical components of speech, but also to the study of the peculiarities of national culture. National character is a complex concept that is the subject of research in various sciences — philosophy, psychology, sociology, etc. The article discusses various definitions

of the «national character» concept, analyzes its components and identifies sources of information about it. Among the many grammatical phenomena affecting the formation of personality, in the article special attention is paid to the use of personal pronouns in Russian and English, one of the key concepts of the English language — «understatement» and the use of the imperative mood. The author also analyzes the means for expressing emotions in both languages and emphasizes that the use of nominative constructions prevails in English, and dative constructions prevail in Russian. In conclusion, the use of articles in the English language and its role in reflecting the central place of the individual in English culture are touched upon.

Keywords: language, culture, national character, English and Russian grammar, understatement

For citation: Strunina N.V., Krekhtunova E.V. The role of grammar in the formation of English and Russian national character, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 64—70.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Струнина Наталья Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, natstrunina@mail.ru

Strunina Natalia Vyacheslavovna — Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor of the Department of English Language, Penza State University, Penza, Russian Federation, natstrunina@mail.ru

Кректунова Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия, mizuori@mail.ru

Krekhtunova Elena Viktorovna — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of English Language, Penza State University, Penza, Russian Federation, mizuori@mail.ru

ИСТОРИЯ

HISTORY

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 71—78.

Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 71—78.

Научная статья

УДК 94 (574.4)

DOI: 10.46726/И.2024.2.9

ЗНАМЕНА ТУРКМЕН (по материалам XIX в.)

Сердар Джумаевич Атдаев

Институт Истории и археологии Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад,

Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com

Аннотация. Сведения о боевых знаменах туркмен XIX века весьма скромны. Мы взяли на себя ответственность восполнить этот пробел и представить весь имеющийся в наличии исторический материал. Научных изысканий и публикаций на эту тему в туркменской историографии нет. Попытка восстановить картину знаменного комплекса у туркмен XIX в. является основной целью данного исследования. Сбор всего имеющегося исторического материала, сопоставление данных и глубокий анализ помогут осуществить комплексный подход и станут главной задачей рассматриваемого вопроса. Исследование данного вопроса показало, что к числу знаменных предметов у туркмен можно отнести знамена, значки и бунчуки, обозначаемые такими терминами, как *байдак* и *туг*. Крупные единые знамена символизировали общеплеменную символику. Входящую в племенную структуру колна и роды имели свои небольшие значки. Знамена и значки отличались не только размерами, но также формой и цветом. Такую яркую палитру знаменной символики можно было наблюдать во время небольших набегов и военных стычек. Однако в период крупных сражений с неприятелем туркмены выступали под священным зеленым стягом.

Ключевые слова: боевое знамя, значок, бунчук, аламан, знаменосец, символ

Для цитирования: Атдаев С.Д. Знамена туркмен (по материалам XIX в.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 71—78.

Ветер стычек и баталий
Теребит шелковый стяг.
Вкус победного триумфа
Насыщает сутью флаг.
С. А.

Сведения о боевых знаменах туркмен поры средневековья имеются в достаточном количестве. Однако подобных данных относительно последующего времени становится уже не так много. Весьма скромные показатели в этой области представлены XIX веком. Мы взяли на себя ответственность пополнить этот пробел и представить весь имеющийся в наличии исторический материал.

Научных изысканий и публикаций на эту тему в туркменской историографии нет. Попытка восстановить картину знаменного комплекса у туркмен XIX в. является основной целью данного исследования. Сбор всего имеющегося исторического материала, сопоставление данных и глубокий анализ помогут осуществить комплексный подход и станут главной задачей рассматриваемого вопроса.

Боевые знамена обозначаются в туркменском языке такими терминами, как *байдак* и *туг*. Более древнее слово 'туг' в тюркской культуре обозначало знак власти, представлявший собою шест с навершием в виде шара или полумесяца, с привязанным к нему лошадиным хвостом. Интересно, что в современной животноводческой терминологии у туркмен до сих пор бытует слово *туг*, обозначающее шерстяной пучок на конце верблюжьего хвоста. Позже термин *туг* стал замещаться словом *бунчук*. Со временем сформировался так называемый «знамённый комплекс», состоящий из *итандарта*, *бунчука* и *полотнища* [Рабинович: 33].

Н. Каразин, описывая среднеазиатские знамена, пишет, что значки и бунчуки были сделаны из древесных клинообразных кусков. Знамена с четырехугольным полотном встречались редко, и большей частью они изготовлялись в виде вытянутого треугольника красного цвета, вышитого красивым узором изречений из Корана черным и белым шелками. Каймы знамен иногда вырезались зубцами или обшивались бахромой и кистями. К бунчукам подшивались металлические полые шары и конские хвосты. Вилообразные, многоконечные бунчуки редко встречались в войсках и должны были служить боевыми эмблемами над могилами павших богатырей [Каразин: 233].

Описание туга встречается в заметках А. Ржевуского. Он пишет, что у туркмен к стремени седла прикреплялся кожаный бушмат, из которого торчала бамбуковая пика с железным наконечником, под которым развевалась шерстяная кисть. Пики имели большую длину [Ржевуский: 350].

Туг широко использовался при организации военных набегов — аламанов. Туган-Мирза-Барановский, рисуя жизнь текинцев колена утамыш, приводит один замечательный эпизод. При организации набега хан или сердар втыкал копьё у входа своей кибитки и объявлял о желании отправиться в набег. Весть об этом с быстротой молнии облетала окрестные аулы. Желаящие принять участие в аламани являлись к кибитке организатора и втыкали рядом свои пики. Когда набиралось необходимое число участников, назначался день наступления [Туган-Мирза-Барановский: 71]. Попович-Липовац уточняет, что текинцы привязывали к пике разновидность флага — платок яркого цвета [Попович-Липовац: 282]. П.С. Васильев, ссылаясь на рассказ француза Фурье, уточнял, что к острию копья прикрепляли горящую паклю [Васильев: 407]. Современный исследователь Ю.М. Ботяков отмечает, что подобным образом также формировались торговые караваны [Ботяков: 23].

Каждое туркменское племя имело единое знамя. Племенные колена и роды, в свою очередь, обладали своими родовыми знаками. Во время боя знамя

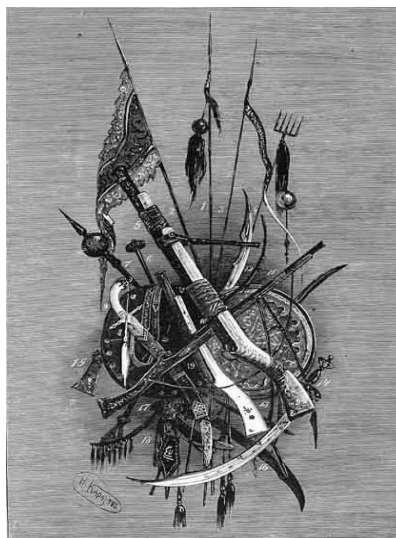

Рис. 1. Н.Н. Каразин. Оружие и доспехи наших противников в Средней Азии

служило для передачи сообщений между подразделениями и центром. Изменение положения флага означало выполнение таких приказов, как наступление, отступление или перемещение [Советова, Мухарева: 100].

Подаваемые при помощи флага условные знаки помогали управлять войсками на расстоянии, и потому основные события в сражении развивались вокруг главного стяга. Противник всеми силами старался опрокинуть знамя, а наверхние воткнуть в землю и разломать [Дмитриев: 57]. К примеру, когда русские войска в ходе Гёктепинского сражения 1881 г. вернули себе знамя 4-го батальона апшеронского полка, оно было невредимо, кроме орла, который текинцы отломали с наверхшия древка [Маслов: 141, 196]. Интересно, что подобный экземпляр знамени с таким же обломанным наверхшием ныне хранится в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге под № 6772-128 [Дмитриев: 57].

Хивинский историк XIX в. Баяни в своей работе «Шаджараи Хорезмшахи», описывая первый поход Мухаммед-Эмина (1845—1855) на Мерв в 1847 г., пишет, что во главе войск стояли 25 военачальников — *серкерде*, каждый из которых имел свое знамя. Из этих 25 отрядов 10 были туркменскими. Состав этих 10 отрядов составляли такие туркменские племена, как йомут, имрели, гёклен, човдур, сакар, кара-чока, агар, иве (*йива, ыва*), али-или, тивечи (*дюечи*), ата, карадашлы [Брегель: 139].

Туркмены не расставались со стягом даже в самые критические моменты. Мунис в своей работе «Фирдаус-уль-Икбаль» сообщает следующее: «Особый обычай йомудов заключается в том, что каждый раз, когда натиск врага ставит их в тяжелое положение, они выстраивают свои ряды и со знаменами бросаются в атаку. Более ожесточенного натиска не в состоянии произвести какое-либо другое (войско). Такой атаки не может выдержать ни одна армия» [Материалы по истории...: 368].

Флаги использовались и при процессе примирения. Агехи сообщает, что в сентябре 1856 г. взбунтовавшиеся йомуты после переговоров с представителями хивинского хана собрали оружие и знамена и направили их вместе со своими представителями к ханскому престолу с просьбой о прощении [Там же: 575].

Стяг мог означать и единицу военного ополчения. В иранском источнике «Малые войны с туркменами на границах Хорасана» говорится, что в 1856 г. иранские войска столкнулись с небольшим туркменским отрядом, но потерпели поражение. А вскоре «появились другие четыре знамени туркмен... восемьсот всадников из жителей Серахса, Ахала и Кара-яба» [Материалы по истории...: 271]. В другом иранском источнике «Путешествие шаха Насир-уд-Дина в Хорасан», повествующем о походе иранских войск против йомутов колена джафарбай в 1867 г., описывается атака туркменской конницы со знаменем и военным значком [Там же...: 317].

Рис. 2. Н.Н. Каразин. Среди туркмен-теке. Мулла-проповедник

Знаменосцы у туркмен назывались *тугчи* или *байдакчи* (аламбердар, аламдар — перс. вариант). Описывая битву туркмен против персов под Кара-калой 1858 г., Абду-Саттар-кази отмечает, что объединенные силы туркмен под руководством Нур-Берды-хана выступили навстречу персидской армии. При нем и его военачальниках состояли знаменосцы, «знамена к концам копий приколов» [Абду-с-Саттар Казы: 22]. Далее повествуется, что следом на подмогу прибывает 8-тысячный отряд йомудов во главе с духовным лицом Махмуд-ишаном. Ишан был в зеленой одежде и с зеленым жезлом, а при нем 8 знаменосцев [Абду-с-Саттар Казы: 23].

Каждый хан или сардар имел личное знамя, имеющее свой отличительный знак, цвет и форму. М. Дандевиль в рассказе «Курбан-Байрам» пишет, что глава Безмеина Овез-Кули-сардар из текинского колена багши имел свой байдак [Дандевиль: 536].

Флаг удерживался нижним концом древка в специальном кожаном бушмате [Ржевуский: 351], либо фиксировался стремящем всадника или специальной петлей. В этом случае к дужке стремени крепилась железная петля, предназначенная для упора древка пика или боевого стяга [Ботяков, Янборисов: 58].

В месте сосредоточения войск знамя водружалось на высоком месте. Рядом располагался пункт управления военного ополчения. Туган-Мирза-Барановский пишет, что когда текинцы в 1879 г. укрылись в крепости Гёк-тепе, то установили на большом кургане в северо-западном углу бастиона зеленое знамя. Здесь же находился штаб текинских полчищ [Туган-Мирза-Барановский: 105]. Когда пришло время контратаки, начальник текинской пехоты Берды-Мурад-хан, вскочив на бугор со знаменем, призвал защитников крепости к атаке [Бобровский: 287].

О цветовой гамме текинских знамен и значков пишет Донован. Он сообщает, что правитель Мерва Гаджар-хан имел свою резиденцию в Говшут-ханакала, над которой постоянно реял *красный флаг* [The Merv: 121, 154, 185, 208]. Далее детально описывается проведение собрания-меджлиса 15 мая 1881 г. Первым прибыла группа во главе с Баба-ханом, сыном Говшут-хана. Он появился с *красно-белым знаменем* колена тогтамыш. Следом явился Аман-Нияз-хан, неся впереди себя *белое знамя* колена утамыш. Затем оба хана вместе отправились в резиденцию Донована. Здесь к дверному проему был прикреплен шест, на конце которого колыхалось *красное знамя* из шелка, которое было «официальной эмблемой его председателя» [Там же: 272—275]. Подобный красный флаг был описан Донованом, когда он чуть ранее посещал резиденцию мервского ихтияра Гаджар-хана [Там же: 121].

Интересные данные приводятся при описании продвижении отряда генерала А.В. Комарова по территории мервского оазиса в 1884 г. В ночь с 29 февраля на 1 марта произошло столкновение близ села Топаз. Тогда им навстречу выступил отряд сторонников Гаджар-хана в составе 200 конных и пеших воинов. Н.В. Чарыков указывает, что конные мервцы выступили со своим знаменем

Рис. 3. Знаменщик текинской конной милиции. Рисунок В. Радомского

[Чарыков: 499]. Из рапорта генерал-лейтенанта Комарова следует, что мервцы появились с *зеленым значком* — знаменем «священной мусульманской войны» [Присоединение Туркмении...: 739]. Выступивший им навстречу отряд милиции во главе с вахмистром Маргания разбил этот отряд и отнял значок [Семенов: 112].

Интересно проследить отношение туркмен к знаменам иностранных государств. Стяги противников являлись важной частью военной добычи. Мунис в своей работе «Фирдаус-уль-Икбаль» сообщает, что в мае месяце 1821 года 7 йомутских военачальников и 8 юзбаши под начальством Сары-Карная выступили на Чарджуй. Местный правитель Исметулла-бек, будучи не в состоянии противостоять их натиску, обратился в бегство. Забрав много лошадей и три знамени, туркмены вернулись обратно [Материалы по истории...: 420]. Согласно источникам, текинцы Серакса в 1855 г., разгромив войско Мухаммед-Эмина, помимо артиллерии противника овладели и его 4 знаменами [Там же: 264]. Бывали моменты, когда флаг противника просто уничтожался. Абду-Саттар-кази, описывая битву под Кара-калой 1858 г., отмечает, что по приказу Нур-Берды-хана воины кинулись к вражескому знамени, заставили персов отступить и изрубили их знамя [Абду-с-Саттар Казы: 26].

При осаде российскими войсками Гёк-тепе в 1880 г. текинцы совершили ряд ночных вылазок. При первой вылазке 28 декабря было захвачено знамя 4-го батальона апшеронского полка. Его заполучил житель села Кыпчак — джигит по имени Бегенч [Гродеков 3: 224, 230]. Этот трофей хранился у кибитка Мурад-хана. Позже знамя было отбито русскими солдатами 12 января 1881 г. Оно оказалось в целости, кроме орла, который текинцы отломали [Маслов: 141, 196]. Во время боя текинцы выставили его в передних рядах на северной стене. Знамя было отвоено 2-й ширванской ротой и частью 4-го батальона апшеронцев [Присоединение Туркмении...: 517]. Однако Скобелев не позволил выносить знамя на фронт, пока царское слово не возвратило его опять апшеронцам [Боевая хроника: 33—34]. Лишь после определенной процедуры царь вновь пожаловал апшеронцам отбитое у них текинцами знамя. Во время штурма крепости русскими солдатами были захвачены также 4 текинских значка [Шеманский: 306, 309]. По данным же Гродекова, взято было 5 текинских значков [Гродеков 3: 292].

В ходе ташкепринского боя 1885 г. у афганцев было взято 2 знамени пехотных батальонов, одно из которых захватил урядник временной милиции сарык Аман Клыч [Присоединение Туркмении...: 789].

Продолжая тему отношения туркмен к иностранным флагам, уместно будет привести сведения Донована. В ходе упомянутого выше собрания текинцев Мерва 15 мая 1881 совет решил, что в ответ на обещания Донованом английской военной помощи необходимо водрузить британский стяг. Текинцы попросили Донована нарисовать образец флага для местного мастера. Однако

Рис. 4. Схватка за знамя

Донован ответил отказом, ссылаясь на необходимость в подобных случаях санкции британского правительства [The Merv: 290].

Знамя было символом не только единения и союза племени, но и меритом чести и доблести. Иногда наказание за какой-либо общественный проступок совершалось на фоне племенного стяга. Донован приводит один примечательный случай, связанный с побегом пленного русского офицера-черкеса. Причастный к этому делу сын Гаджар-хана подвергся суровому наказанию. Юношу в назидание другим привязали на несколько часов к шесту главного знамени Мерва [Там же: 213].

Заключение. Исследование данного вопроса показало, что к числу знаменных предметов у туркмен можно отнести знамена, значки и туги. Крупные единые знамена символизировали общеплеменную символику. Входящие в племенную структуру колена и роды имели свои небольшие значки. Знамена и значки отличались не только размерами, но также формой и цветом. Такую яркую палитру знаменной символики можно было наблюдать во время небольших набегов и военных стычек. Однако в период крупных сражений с неприятелем, как то: действия против хивинских войск 1855 г., персидских армий 1858 и 1861 гг. и вооруженных сил Российской империи 1877—1881 гг., туркмены выступали под священным зеленым стягом.

Список источников

- Абду-с-Саттар Казы. Книга рассказов о битвах текинцев: Туркменская историческая поэма XIX в. СПб., 1914. 82 с.
- Бобровский П.О. Ахал-текинская экспедиция (в Ахал-Текинский оазис) 1879 г. // История 13-го лейб-гвардейского Эриванского его Величества полка за 250 лет. Часть 5. СПб., 1898. С. 269—296.
- Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии. Составил полковник Потто. Тифлис, 1888. 109 с.
- Васильев П.С. Ахал-текинский оазис, его прошлое и настоящее. Очерки // Русский вестник. 1887. № 5. С. 391—427.
- Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.: в 4 т. СПб., 1883—1884.
- Дандевиль М. Курбан-байрам. (Из записок маленького администратора) // Исторический вестник. 1899. № 8. С. 528—546.
- Каразин Н. Оружие и доспехи наших противников в средней Азии // Нива. 1874. № 15. С. 233—235.
- Маслов А. Завоевание Ахал-Тепе. Очерки из последней экспедиции Скобелева (1880—1881). СПб, 1882. 206 с.
- Попович-Липовац В. Ахал-Текинцы // Русский вестник. 1882. № 3. С. 278—299.
- Ржевуский А. От Тифлиса до Денгиль-тепе // Военный сборник. 1884. № 10. С. 330—351.
- Семенов А.А. Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885 гг.). По архивным данным. Ташкент, 1909 (отд. отт. Из Туркестанских ведомостей. 1909. № 83—184). 122 с.
- Туган-Мирза-Барановский В.А. Русские в Ахал-Теке. 1879 г. СПб., 1881. 177 с.
- Чарыков Н.В. Мирное завоевание Мерва. (Из воспоминаний о походе генерала А.В. Комарова в 1885 г.) // Исторический вестник. 1914. № 11. С. 486—518.
- Шеманский А.Д. Ахалтекинская экспедиция 1880—1881 гг. // История русской армии. СПб., 2003. Т. 3. 1850—1900 гг. С. 254—352.

The Merv Oasis travels and adventures east of the Caspian during the years 1879—80—81, including five months' residence among the Tekkés of Merv by Edmond O'Donovan special correspondent of the 'Daily news', Vol. II, New York: G.P. Putnam's Sons, 1883, 500 p.

Список литературы / References

- Ботяков Ю.М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX — первая половина XX века). СПб.: МАЭ РАН, 2002. 191 с.
(Botyakov Yu.M. Alaman. Socio-economic aspects of the institution of raid among the Turkmen (mid-nineteenth — first half of the twentieth century), St. Petersburg, 2002, 191 p. — In Russ.)
- Ботяков Ю.М., Янборисов В.Р. Холодное оружие туркмен // Памятники традиционной бытовой культуры народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. Сборник Музея Антропологии и этнографии. Вып. 43. Л., 1989. С. 49—60.
(Botyakov Yu.M., Yanborisov V.R. Edged weapons of the Turkmen, *Monuments of the traditional everyday culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and the Caucasus. Collection of the Anthrop. Museum and Ethnogr.*, iss. 43, Leningrad, 1989, pp. 49—60. — In Russ.)
- Брегель Ю.Э. Сочинение Баяни «Шаджара-йи хорезмшахи» как источник по истории туркмен // Краткие сообщения института народов Азии. 1961. Вып. 44. С. 125—157.
(Bregel Yu.E. Bayani's essay "Shajara-yi Khorezmshahi" as a source on the history of the Turkmen, *Brief communications of the Institute of Asian Peoples*, 1961, iss. 44, pp. 125—157. In Russ.)
- Дмитриев С.В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре и вопросы его семантики // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии: в 2 т. СПб.: СПбГУ, 2007. Т. 2: Политическая культура и политические процессы. С. 56—61.
(Dmitriev S.V. Znamenny complex in military-political culture and questions of its semantics, *Anthropology of power. Reader on political anthropology*, St. Petersburg, 2007, vol. 2: Political culture and political processes, pp. 56—61. — In Russ.)
- Материалы по истории туркмен и Туркмени. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. Т. II: XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. 700 с.
(Materials on the history of the Turkmen and Turkmenistan, Moscow, Leningrad, 1938, vol. II: XVI—XIX centuries Iranian, Bukhara and Khiva sources, 700 p. — In Russ.)
- Присоединение Туркмени к России (сборник архивных документов). Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР, 1960. 824 с.
(The accession of Turkmenistan to Russia (collection of archival documents), Ashgabat, 1960, 824 p. — In Russ.)
- Рабинович М.Г. Военная сигнализация и связь по данным археологии и этнографии // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Вып. 3. М.; Л., 1947. С. 74—78.
(Rabinovich M.G. Military signaling and communications according to archeology and ethnography, *Brief communications of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences*, vol. 3, Moscow, Leningrad, 1947, pp. 74—78. — In Russ.)
- Советова О.С., Мухарева А.Н. Об использовании знамен в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам) // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Кемерово, 2005. С. 92—105.
(Sovetova O.S., Mukhareva A.N. On the use of banners in the military affairs of medieval nomads (according to graphic sources), *Archeology of Southern Siberia*, vol. 23, Kemerovo, 2005, pp. 92—105. — In Russ.)

BANNERS OF THE TURKMEN (based on materials from the 19th century)

Serdar J. Atdayev

Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan,
Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com

Abstract. Information about the battle flags of the Turkmen of the 19th century is very modest. We have taken upon ourselves the responsibility to fill this gap and present all available historical material. There are no scientific researches and publications on this topic in Turkmen historiography. An attempt to restore the picture of the banner complex among the Turkmen of the 19th century is the main purpose of this study. Collecting all available historical material, comparing data and in-depth analysis will help to implement an integrated approach and will become the main task of the issue under consideration. The study of this issue showed that the banner items among the Turkmen include banners, badges and horse-tails, designated by such terms as baydak and tug. Large uniform banners symbolized common tribal symbols. As part of the tribal structure, the tribes and clans had their own small icons. Banners and badges differed not only in size, but also in shape and color. Such a bright palette of banner symbols could have been observed during small raids and military skirmishes. However, during major battles with the enemy, the Turkmen performed under the sacred green banner.

Keywords: battle banner, badge, horsetail, alaman, standard-bearer, symbol

For citation: Atdayev S.J. Banners of the turkmen (based on materials from the 19th century), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 71—78.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 19.03.2024.

The article was submitted 13.10.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Атдаев Сердар Джумаевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Истории и археологии Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com

Atdayev Serdar Jumaevich — Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Institute of History and Archeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 79—89.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 79—89.

Научная статья

УДК 94(47).084:336.712

DOI: 10.46726/И.2024.2.10

ОБ ИНИЦИИРОВАНИИ ОТКРЫТИЯ ОТДЕЛЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В ЮРЬЕВЦЕ И ПУЧЕЖЕ В 1916—1917 ГГ.

Тимур Артушевич Ковров

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Владимир Сергеевич Околотин

Ивановский государственный университет, г. Иваново,
Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс инициирования открытия отделений Государственного банка в Юрьевце и Пучеже Костромской губернии в 1916—1917 гг. В рамках своей деятельности Госбанк активно развивал сеть своих учреждений путём создания в губернских и уездных городах банковских отделений и контор. Зачастую инициаторами открытия нового отделения Госбанка являлись местные предприниматели и коммерсанты. При этом они полагали, что их деятельность будет способствовать дальнейшему развитию местного предпринимательства. В свою очередь, Правление Госбанка также стремилось усилить свои позиции в местах сосредоточения промышленности и торговли. Для принятия аргументированного решения оно, как правило, при получении ходатайств дополнительно запрашивало с мест сведения об экономическом и торгово-промышленном положении соответствующего города или посада. Опираясь на них, Госбанк либо положительно решал вопрос об открытии отделения, либо откладывал такое решение до лучших времён. К примерам реализации такого подхода Госбанка к развитию банковской системы можно отнести его действия по рассмотрению ходатайств юрьевецкого городского и пучежского посадского голов с аргументацией необходимости создания в Юрьевце и Пучеже банковских отделений. Указанные ходатайства, кроме обоснования необходимости открытия отделений, также содержали очень ценную историческую информацию о торгово-промышленном состоянии Юрьевца и Пучежа. Однако в обоих случаях Госбанк, несмотря на весомую аргументацию, отклонил ходатайство юрьевчан и пучежан, обосновав свой отказ трудностями формирования личного состава новых отделений в условиях войны, наличием близости городов с более развитыми торговлей и промышленностью и т. д.

Ключевые слова: Государственный банк, Юрьевец, Пучеж, Костромская губерния, городской голова, ходатайства, промышленность и торговля, отделение Госбанка

Для цитирования: Ковров Т.А., Околотин В.С. Об инициировании открытия отделения Государственного банка в Юрьевце и Пучеже в 1916—1917 гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 79—89.

Историография. Государственный банк Российской Империи, учреждённый в 1860 г., являлся важным государственным институтом. Деятельности Госбанка в целом и отдельных его отделений, в частности в дореволюционный

период, посвящены несколько исследований. Прежде всего, это фундаментальный коллективный труд «История Банка России. 1860—2010» (том 1) [История Банка]. Центральному учреждению Госбанка — Санкт-Петербургской конторе — посвятил свой научный труд В.В. Морозан [Морозан]. Также об истории провинциальных учреждений написаны работы А.В. Бугрова [Бугров 2004; Бугров 2012], монография и статьи В.С. Околотина [Околотин 2006; Околотин 2018], исторические очерки, воспоминания и другие материалы о деятельности банковских учреждений на Рязанской земле [Банковское дело 2004], ряд научных статей Т.А. Коврова и Околотина: о правовом регулировании деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка [Ковров, Околотин 2021], о наградах членов учётно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка Владимирской губернии [Там же], о фабрикантах в деятельности учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском банковском отделении [Ковров, Околотин 2022], об экономическом обосновании и открытии отделения Госбанка в Кинешме Костромской губернии [Ковров, Околотин 2023].

Актуальность. Благодаря работе в государственных архивах Владимирской, Костромской и Ярославской областей, а также в Российском Государственном историческом архиве (далее: РГИА) удалось выявить и изучить уникальные документы, затрагивающие различные аспекты истории региональных отделений Госбанка. В частности, специфику и условия, благоприятствующие открытию новых банковских отделений. На основе проработанной информации в архивных делах РГИА можно сделать вывод, что зачастую инициатива открыть новое отделение Госбанка в том или ином городе исходила от местных предпринимательских кругов — главным образом торговцев и промышленников, которым были необходимы кредитные ресурсы. При этом далеко не всегда Госбанк давал положительное заключение по ходатайству местного торгово-промышленного сообщества об открытии нового банковского отделения.

Теме инициирования открытия отделений Госбанка в уездном городе Юрьевце и посаде Пучеже Юрьевецкого уезда Костромской губернии и посвящена настоящая статья. Выбор территориальных рамок статьи обусловлен повышенным вниманием к малым городам Ивановской области, в том числе и Юрьевцу. В 2025 г. будет отмечаться 800-летие этого древнего волжского города, и новые страницы из его истории позволят углубить представление о прошлом.

К 1916 г. в большинстве губерний Империи, в том числе и на территории Верхней Волги, действовало по несколько банковских учреждений. Так, в Костромской губернии к этому времени осуществляли свою деятельность Костромское и Кинешемское отделения. Их районы ответственности выходили за рамки как города, так и соответствующего уезда. Тем не менее, население тех городов губернии, в которых отсутствовали отделения Госбанка, испытывало потребность в кредитных ресурсах. Одним из таких городов был Юрьевец — центр одноимённого уезда. В РГИА, к счастью, сохранилось дело об инициировании открытия банковского отделения в Юрьевце. Его материалы «проливают свет» на данное историческое событие.

Инициирование открытия в Юрьевце отделения Государственного банка. Судя по материалам РГИА, впервые предложение открыть в Юрьевце банковское отделение прозвучало в письме управляющего Костромским отделением Государственного банка Н.Н. Зверинского от 25 января 1916 г. в адрес Правления Госбанка. В нём «по вопросу о расширении сети учреждений Банка Зверинский высказался за желательность открытия в Костромской губернии

отделений Госбанка в следующих 4-х уездных городах: Галиче, Юрьевце, Ветлуге и Макарьеве» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 5]. Однако по запросу Госбанка «каких-либо данных о развитии торговли и промышленности в названных пунктах и экономическом их значении управляющим представлено не было» [Там же].

На основе архивных материалов можно воссоздать ход дальнейших событий. В частности, «правление Юрьевецкого городского общественного банка в заседании 16 февраля 1916 г. постановило возбудить ходатайство перед Госбанком об открытии в Юрьевце банковского отделения» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 4]. Далее Юрьевецкая городская дума на очередном заседании, состоявшемся 29 февраля того же года, постановила: «По выслушивании отношения Банка и заключения городской управы, гласный А.Е. Безруков заявил, что ввиду развития в городе торговли и промышленности открытие кредитного учреждения является необходимым и он полагал бы ускорить возбуждением, где следует, ходатайства.

Городской голова А.Л. Флягин заявил, что он находит необходимым лично ходатайствовать об открытии отделения Госбанка, для чего и избрать комиссию. Гласный П.А. Архангельский полагал бы поручить городскому голове ходатайствовать перед управляющим Банка в Министерстве финансов и, кроме того, просить поддержания ходатайства члена Государственной Думы С.О. Грибунина.

По окончании прений вопрос поставлен на баллотировку, и дума единогласно постановила: поручить Управе возбудить соответствующее ходатайство об открытии в городе Юрьевце отделения Госбанка и уполномочить городского голову и гласного думы А.Е. Безрукова лично ходатайствовать, где следует, об открытии того Банка, приняв потребный по поездке расход на счёт города» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 4—4 об.]

До октября 1916 г. никаких подвижек в открытии Юрьевецкого отделения банка не было. Вероятно, это было связано с военными действиями и тем, что Госбанку приходилось решать другие неотложные вопросы.

В конечном итоге городской голова Юрьевца Флягин направил в центральное управление Госбанка докладную записку от 13 октября 1916 г. В записке Флягин подчёркивал, что «торговля и промышленность в Юрьевце с каждым годом развиваются и для их экономического благополучия необходим дешёвый кредит, который возможно иметь только в Госбанке» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 2].

Также Флягиным были приведены краткие сведения о состоянии экономики Юрьевца: «В настоящее время в городе имеется льнопрядильная фабрика, две паровые мукомольные мельницы, крахмальный и три лесопильных завода и по близости к городу очень много сапожно-валеных заводов; конечно, точных сведений я (Флягин. — Т. К., В. О.) дать не имею возможности, но с уверенностью могу сказать, что при уездном казначействе оборот по банковским операциям достигает более 10.500.000 руб. и в местном городском общественном банке тоже до 1.500.000 руб., а с открытием действий паровой мукомольной мельницы новым владельцем Жиловым, операции банков должны значительно увеличиться» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 2].

Вместе с докладной запиской Флягин направил в Госбанк выписку из заседания Юрьевецкой городской Думы от 29 февраля 1916 г. Суть её была в следующем: «Дума единогласно постановила: поручить управе возбудить соответствующее ходатайство об открытии в городе Юрьевце отделения Госбанка и уполномочить городского голову и гласного думы А.Е. Безрукова

лично ходатайствовать, ... об открытии того банка, приняв потребный по поездке расход на счёт города» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 2 об.]

По получении Госбанком ходатайства Юрьевоцкого городского головы Банк направил управляющим Костромского и Кинешемского отделений Н.Н. Зверинскому и Н.В. Нарановичу соответственно отношения с просьбой прислать банку их мнения по вопросу открытия в Юрьевце банковского отделения. В документах РГИА, к счастью, сохранились эти материалы. Согласно им, «управляющий Костромским отделением считал своевременным открытие отделения в г. Юрьевце, полагая, что результаты операционной деятельности отделения в названном городе будут благоприятными» [РГИА, ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 7 об.]. Однако «управляющий Кинешемским отделением не отнёс Юрьевоц к числу пунктов, нуждающихся в открытии отделения» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 7 об.]

Ознакомившись с отзывами управляющих банковскими отделениями, директор отдела местных учреждений Госбанка направил в Госбанк отношение, в котором привёл сведения об экономическом и торгово-промышленном состоянии Юрьевоца и его уезда. В частности, в нём отмечалось, что «Юрьевоц, как уездный город Костромской губернии, с населением свыше 5,5 тыс. жителей, расположен на берегу реки Волги, вне железнодорожного сообщения. Тяготеющий к нему Юрьевоцкий уезд занимал площадь в 914 тыс. дес. земли, с песчано-глинистой и суглинистой почвой.

Главнейшим занятием уездного населения, достигшего в 1914 г. 158 тыс. жителей (без уездного города), являлось земледелие и, главным образом, хлебопашество, давшее в результате своей деятельности за 1914 г. сбор зерновых хлебов в 1,735 тыс. пудов и картофеля — 738 тыс. пудов. Помимо земледелия, жители уезда занимались культурными промыслами, а также отхожими заработками. Из кустарных промыслов наиболее развитыми являлись: тканье миткаля, особенно развитое во всей западной части уезда, изготовление крестьянских сукон, валянье обуви, шитьё рукавиц, лесные промыслы. Среди отхожих промыслов наибольшее развитие здесь получили плотничество, столярничество, портняжество и работы фабричные и печно-слесарные.

Торгово-промышленная деятельность уезда с городом была представлена 709 предприятиями (из числа привлечённых к уплате дополнительного промыслового налога), с общим годовым оборотом в 5220 тыс. руб. Фабрично-заводская же промышленность уезда (без города) в 1914 г. обслуживалась 27 предприятиями с годовым оборотом 34430 тыс. руб., в том числе гребёнными заводами с оборотом 203 тыс. руб.; 9 валено-катальными и шерстобитными с оборотом на 143 тыс. руб.; 3 льнопрядильными — 1959 тыс. руб.; 2 бумагопрядильными — 20522 тыс. руб.; 3 бумаготкацкими 5472 тыс. руб.; 2 белильно-красильными — 5269 тыс. руб.; 2 чугунно-литейными — 211 тыс. руб.; 1 синькалевым заводом — 32 тыс. руб. и ремонтной мастерской — 619 тыс. руб.

В самом же Юрьевце торгово-промышленные обороты предприятий, привлечённых к уплате дополнительного промыслового налога, превышали 1 млн руб., причём из промышленных заведений этой категории наиболее крупным являлась паровая мельница с годовым оборотом до 125 тыс. руб. В Юрьевце работали 3 предприятия с общим годовым оборотом в 750 тыс. руб. В их числе значились: 1 крахмальный завод с оборотом в 22 тыс. руб., 1 льнопрядильная фабрика с оборотом в 682 тыс. руб. и лесопильный завод с оборотом в 47 тыс. руб.» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 6—7].

Помимо указанных сведений, отделом местных учреждений были направлены в Госбанк данные об оборотах Юрьевецкого уездного казначейства за 1913—1915 гг. и балансах Юрьевецкого городского общественного банка. Согласно им, «кредитные нужды местного населения обслуживались городским общественным банком и казначейством, причём обороты последнего по главнейшим банковым операциям за 3-хлетие 1913—1915 гг. выражались в цифрах, представленных в следующей таблице» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 7]:

Обороты Юрьевецкого уездного казначейства за 1913—1915 гг., тыс. руб.

	1913		1914		1915	
	Число	На сумму	Число	На сумму	Число	На сумму
Учтено переводов	1381	1876,1	1529	2284,3	1281	2537,6
Оплачено " "	749	3732,2	766	4198,0	733	4523,1
" учтённые векселя	676	183,8	548	179,4	129	46,0
" комиссионные векселя	1038	273,7	1086	289,4	608	193,5
Остаток на 1 января следующего года по текущим счетам		16,9	—	27,0	—	108,6
По вкладам хранения		221,6	—	254,6	—	308,3

Примечание: наивысшие показатели по числу учтённых и оплаченных переводов приходятся на 1914 г., по числу комиссионных векселей — также на 1914 г. При этом наибольшее количество учтённых векселей было в 1913 г. В то же время самые высокие показатели суммы учтённых и оплаченных переводов, текущих счетов и вкладов хранения приходились на 1915 г., по сумме учтённых векселей — на 1913 г., и комиссионных векселей — на 1914 г. Но в целом обороты Юрьевецкого казначейства увеличивались с каждым годом, несмотря на войну.

Баланс Юрьевецкого городского общественного банка на 1 января 1916 г. представлен в следующей таблице [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 7].

Сведения о балансе Юрьевецкого общественного банка, тыс. руб.

По активу	По пассиву
Касса — 15	Капиталы — 74
Текущие счета — 1	Вклады и текущие счета — 274
Учёт и ссуды — 324	Переучёт и перезалог — 4
% бумаги — 29	Прочие пассивы — 32
Прочие активы — 15	
Баланс — 384	Баланс — 384

Примечание: на 1 января 1916 г. баланс Юрьевецкого общественного банка по активным банковским операциям состоял преимущественно из учёта векселей и выдачи ссуд, в меньшей степени — из кассы, процентных бумаг

и т. п. В то время как баланс по пассивным операциям банка на 2/3 состоял из операций вкладов и текущих счетов, а, например, операции переучёта и пере-залога в нём практически не фигурировали.

Ознакомившись с данными сведениями, Госбанк в донесении от 2 ноября 1916 г. уведомил городского голову Флягина, что «Банк, к сожалению, в настоящее время вынужден воздержаться от разрешения Вашего ходатайства в положительном смысле» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 8—8 об.]. Своё решение Банк аргументировал, «во-первых, затруднительностью, в связи с военными обстоятельствами, формирования личного состава вновь открываемых банковских отделений; во-вторых, наличием значительного числа городов с гораздо более развитой торгово-промышленной жизнью и находящихся в отношении пользования услугами учреждений Госбанка в худших условиях, чем г. Юрьевец, как более удалённых от пунктов, где уже имеются отделения Банка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 8].

Но отклонение Госбанком ходатайства Юрьевецкого городского головы не было столь категоричным, как может показаться на первый взгляд. Так, в том же донесении Банка говорилось, что «по удовлетворении же неотложной потребности в открытии отделений в наиболее развитых в торгово-промышленном отношении пунктах, ходатайство об открытии отделения банка в городе Юрьевце будет принято во внимание при обсуждении вопроса о дальнейшем расширении сети учреждений Госбанка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 8 об.].

В завершении донесения Банк известил Флягина, что «при открытии новых банковских отделений Банком отдаётся преимущество тем пунктам, общественные управления которых выразят готовность пойти навстречу Банку путём предоставления для отделения удобного помещения и подходящего участка земли в центральной части города для постройки собственного здания Банка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 8 об.].

Однако архивные документы РГИА свидетельствуют, что история с открытием отделения на этом не завершилась. 3 января 1917 г. Флягин, несмотря на отказ Банка открыть в Юрьевце банковское учреждение, вновь обратился с ходатайством «об открытии в городе Юрьевце отделения банка, в котором как городские, так и уездные коммерсанты имеют нужду, ввиду того, что в городе частных банков, за исключением городского общественного, нет, торговля же и промышленность, как указано в докладной записке, с каждым годом развивается; то и является неотложная потребность в открытии отделения Госбанка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 9].

В дополнение к ходатайству Флягин сообщил Госбанку о «готовности городского общества при открытии отделения идти навстречу Банку, как в предоставлении удобного помещения, а равно участка земли для постройки собственного здания, так как у города близ Базарной площади имеется каменный 2-хэтажный дом площадью 44×26 аршин с центральным отоплением, второй этаж которого город уступит для помещения Банка, а что касается участка земли, то таковой приторгован городом у наследников купца Гальцева тоже в центре города и по близости Базарной площади против бульвара набережной р. Волги, мерой до 1000 кв. саж., на котором и возможно будет возвести потребное для Банка помещение. Так что городское общество во всём идёт навстречу пожеланиям Банка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 9].

Госбанк в ответном представлении Флягину от 31 января 1917 г. уведомил его о том, что «несмотря на полную готовность городского общественного управления пойти навстречу Банку в деле обеспечения отделения помещением

и участком земли для постройки собственного здания, Банк, по соображениям, изложенным в отношении от 2 ноября минувшего года, лишён в настоящее время возможности удовлетворить означенное ходатайство» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1222, л. 11].

Далее сохранившиеся материалы архивного дела РГИА датируются ноябрём 1918 г., что выходит за рамки данного исследования. В целом можно утверждать, что до революционных событий 1917 г. в городе Юрьевце так и не было открыто отделение Государственного банка. Госбанк отклонил два ходатайства местного городского головы, аргументируя свой отказ трудностями формирования личного состава нового банковского учреждения в условиях военного времени и наличием ряда городов с более развитой торгово-промышленной жизнью, чем Юрьевец. Возможно, в отдалённой перспективе отделение Госбанка в Юрьевце могло быть открыто, но из-за известных событий 1917 г. банковская система в стране была кардинальным образом изменена.

Инициирование открытия в Пучеже отделения Государственного банка. Одновременно с попытками местной общественности ходатайствовать об открытии в Юрьевце банковского учреждения аналогичный процесс имел место в посаде Пучеже Юрьевецкого уезда Костромской губернии. В РГИА также хранится дело и об инициировании открытия в Пучеже отделения Госбанка. Несмотря на незначительный объём архивного дела, имеющиеся материалы позволяют получить представление о его динамике.

Так, инициатива открытия в Пучеже банковского отделения исходила от местного городского головы (так же, как и в Юрьевце). В ходатайстве от 26 февраля 1916 г. Пучежский городской голова Перевозчиков обратился к управляющему Госбанком «с просьбой о немедленном открытии отделения Госбанка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 1]. В качестве причин, побудивших ходатайствовать о такой просьбе, Перевозчиков отметил, что «в посаде Пучеже нет ни коммерческих банков, ни Государственного казначейства.

Тем не менее, посад Пучеж ведёт крупную торговлю хлебными товарами. Хлеба закупаются в заготовительных пунктах Саратовской, Самарской, Симбирской, Казанской, Пермской и Уфимской губерниях. Обороты по хлебным операциям миллионные. В нём также сосредоточена крупная торговля Унженскими лесами, обороты которой достигают нескольких млн руб.

Более того, посад Пучеж являлся центром торговых отношений для сёл Макарьевского и Юрьевецкого уездов Костромской губернии, а также сёл Мыта и Пестяков Владимирской губернии. С учётом того, что здесь было развито льноводство и обработка льна, то сюда для его скупки ежегодно приезжали от 10 до 15 контор от фабрик Костромы, Нерехты, Муромы, Нижнего Новгорода, Вязников, Меленок и т. д. В Пучеже была расположена льнопрядильная фабрика товарищества Наследников Й. Сенькова с числом рабочих до 1.500 человек.

В Пучеже имелось пять паровых пристаней: Кавказ — Меркурий, Самолёт и др. с крупным грузооборотом. Около посада Пучежа ежегодно производилась в большом количестве постройка деревянных судов (барж)» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 1—1 об.].

Как говорилось в ходатайстве: «Весь этот коммерческий пульс стеснённо бьётся и заставляет немедленно просить Ваше Высокопревосходительство об открытии в пос. Пучеже кредитного учреждения и тем дать возможность развернуться к развитию и процветанию торговли и промышленности в этом оживлённом пункте. Что касается подыскания помещения под просимое

учреждение, то мне кажется, в этом отношении затруднения не встретится» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 1 об.].

Судя по архивным документам, ещё до получения Госбанком ходатайства Пучежского городского головы по запросу отдела местных учреждений Банк доставил в него справку о торговом и промышленном положении Пучежа. По сравнению с данными, направленными Банку Пучежским городским головой, информация в справке была более ёмкой, причём почти не дублировавшей сведения, представленными местным городским головой:

«Пучеж — посад Костромской губернии, Юрьевецкого уезда, с населением в 3200 жителей, лежит на правом берегу Волги в 188 вёрстах от губернского города Костромы и в 43 вёрстах от уездного города Юрьевца.

Благодаря своему положению на главнейшем нашем водном пути, удобной пароходной стоянке и близости Унженских лесов Пучеж стал довольно значительным пунктом по торговле хлебом и лесом; посад ведёт также торговлю льном, который возделывается окрестным населением и продаётся в Пучеже съезжающимися сюда представителям многочисленных фабрик Костромской и Владимирской губерний. В посаде Пучеже имеется большая льнопрядильная фабрика (товарищества наследников Й. Сенькова) с числом рабочих до 1500 человек и годовым производством в 1080 тыс. руб. Часть посадского населения занимается сапожным и портняжным промыслами, а также постройкой деревянных судов (баржей). В посаде ежегодно (летом) бывают две ярмарки, но обороты их незначительны (до 10 тыс. руб.). Городской бюджет составляет 21,7 тыс. руб.

Из кредитных учреждений в Пучеже имеется только городской общественный банк. Ближайшими к Пучежу учреждениями Госбанка являются — Кинешемское отделение (в 104 вёрстах) и Нижегородская контора (в 111 вёрстах). Сообщение с этими пунктами производится во время навигации волжскими пароходами, а в остальное время года — по почтовому тракту, проложенному вдоль правого берега Волги» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 2—2 об.].

Как и в случае с инициированием открытия Юрьевецкого отделения Госбанка, до октября 1916 г. каких-либо сведений со стороны центрального управления Госбанка по поводу ходатайства Пучежского городского головы Перевозчикова не поступало. В связи с этим 17 октября 1916 г. городской голова вновь обратился к управляющему Госбанком с надеждой «не найдётся ли возможным осуществить мечту города и о результате дать ему знать» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 3]. Госбанк направил Перевозчикову ответное донесение от 3 ноября 1916 г. практически того же самого содержания, что чуть ранее было направлено юрьевецкому городскому голове Флягину (см. ранее в статье. — *Т.К., В.О.*). В удовлетворении ходатайства Перевозчикову было отказано, причины были те же, что и в случае с Юрьевцем: трудности при формировании личного состава нового отделения банка и наличие ряда городов с более развивавшимися торговлей и промышленностью. В конце донесения Госбанк обращал внимание городского головы, что «при открытии новых отделений Банком отдаётся преимущество тем пунктам, общественные управления которых выразят готовность пойти навстречу Банку путём предоставления для отделения удобного помещения и подходящего участка земли в центральной части города, для постройки собственного здания Банка» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 4 об.].

Ознакомившись с донесением Госбанка, Перевозчиков 14 ноября 1916 г. опять обратился в Госбанк «с просьбой ввиду настоятельной и неотложной нужды в открытии отделения, не найдёт ли Банк возможности

откомандировать в посад Пучеж отделение банка из эвакуированных местностей, для которого подходящий дом в центральном участке города найдётся и есть» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 5]. Причём городской голова снова акцентировал внимание управляющего Госбанком на экономических трудностях Пучежа, состоящих в том, что «затруднения в денежных оборотах Банка Пучеж ощущает по случаю громадных зимних базаров, у которого уездное казначейство отстоит в 43 вёрстах (в Юрьевце) и что в денежных оборотах рынка Пучежа ни один из окружающих уездных городов не может сравниться» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 5]. В ответ на новое ходатайство Перевозчикова отдел местных учреждений Госбанка направил ему 1 декабря 1916 г. ответ о том, что «его ходатайство приобщено к делу» [РГИА: ф. 587, оп. 40, д. 1221, л. 5 об.]

На этом материалы в РГИА по вопросу открытия в Пучеже отделения Государственного банка в дореволюционный период, к сожалению, обрываются. Очевидно, что, как и в случае с Юрьевцем, банковское учреждение в Пучеже могло открыться в относительно далёкой перспективе, но вследствие революций 1917 г. этому не суждено было сбыться.

Таким образом, в 1916—1917 гг. местным руководством и торгово-промышленным сообществом Юрьевца и Пучежа были инициированы ходатайства управляющему Госбанком с просьбами об открытии в этих городах банковских отделений. В качестве причин городские головы называли развитие промышленности и торговли и, как следствие, потребность городских и уездных промышленников и коммерсантов в дешёвом кредите. Однако Госбанк, ознакомившись с экономическим положением Юрьевца и Пучежа и состоянием их торговли и промышленности, отклонил ходатайства юрьевчан и пучежан. Причинами отказа со стороны Госбанка послужили трудности, связанные с формированием личного состава новых отделений в условиях войны, наличием ряда городов с более развитыми торговлей и промышленностью и т. д.

Список источников

Российский Государственный исторический архив (РГИА).

Список литературы / References

- Банковское дело на Рязанской земле. История и современность: исторические очерки, воспоминания и другие материалы о деятельности банковских учреждений. Рязань: Банковский дом, 2004. 268 с.
(Banking on Ryazan land. The history and modernity: historical essays, memoirs and other materials on the activities of banking institutions, Ryazan', 2004, 268 p. — In Russ.)
- Бугров А.В. Государственный банк и российская провинция (1860—1917 гг.) // Экономическая история. Ежегодник. М.: РОССПЭН. 2004. С. 433—458.
(Bugrov A.V. The State bank and Russian provinces (1860—1917), *Economic history. Yearbook*, Moscow, 2004, pp. 433—458. — In Russ.)
- Бугров А.В. Государственный банк. 1860—1917 гг. М.: Интеркримпресс. 2012. 264 с.
(Bugrov A.V. The State Bank 1860—1917, Moscow, 2012, 264 p. — In Russ.)
- История Банка России: 1860—2010: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. Т. 1: Государственный банк Российской империи. 623 с.
(The History of the Bank of Russia: 1860—2010: in 2 volumes, Moscow, 2010, vol. 1: The State Bank of the Russian Empire, 623 p. — In Russ.)

- Ковров Т.А., Околотин В.С. Из истории экономического обоснования и открытия отделения Государственного банка в г. Кинешме в начале XX века // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 21—28.
(Kovrov T.A., Okolotin V.S. From the history of the economic justification and opening of the branch of the State Bank in Kineshma at the beginning of the 20th century, *Bulletin of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, no. 3, pp. 21—28. — In Russ.)
- Ковров Т.А., Околотин В.С. Наградное стимулирование членов учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Владимирской губернии // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 54—59.
(Kovrov T.A., Okolotin V.S. The award promotion for the members of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Vladimir province, *Bulletin of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 54—59. — In Russ.)
- Ковров Т.А., Околотин В.С. Правовое обеспечение деятельности учётно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка в пореформенный период (на материалах Устава Государственного банка 1860 г.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 1. С. 21—25.
(Kovrov T.A., Okolotin V.S. The law ensuring of the activities of the accounting and loan committees at the branches of the State Bank of the Russian Empire in the post-reform period (On the materials of the charter of the State Bank of 1860), *Bulletin of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, no. 1, pp. 21—25. — In Russ.)
- Ковров Т.А., Околотин В.С. Роль фабрикантов в деятельности учётно-ссудного комитета при Иваново-Вознесенском отделении Государственного банка // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 40—47.
(Kovrov T.A., Okolotin V.S. The role of the manufacturers in the activities of the accounting and loan committee at the Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank, *Bulletin of Kostroma State University*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 40—47. — In Russ.)
- Околотин В.С. История Государственного банка на Ивановской земле. 1886—2006. Годы. События. Люди. Иваново, 2006. 480 с.
(Okolotin V.S. The history of the State Bank on Ivanovo land 1886—2006. Years. Events. People, Ivanovo, 2006, 480 p. — In Russ.)
- Околотин В.С. Роль Иваново-Вознесенского отделения Государственного банка в формировании Иваново-Кинешемского промышленного района (1886—1914 гг.) // Бурыйлинский альманах. 2018. № 1 (9). С. 32—40.
(Okolotin V.S. The role of the Ivanovo-Voznesensky branch of the State Bank in the formation of the Ivanovo-Kineshma industrial region (1886—1914), *Burylinsky almanac*, 2018, no. 1 (9), pp. 32—40. — In Russ.)
- Околотин В.С. Роль Иваново-Вознесенского и Кинешемского отделений Государственного банка в формировании Иваново-Кинешемского промышленного района (1886—1914 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. 2018. Вып. 2/3 (36/37). С. 77—87.
(Okolotin V.S. The role of the Ivanovo-Voznesensky and Kineshensky branches of the State Bank of Russia in formation of the Ivanovo-Kineshensky industrial area (1886—1914), *Bulletin of Ivanovo State University, series: Economics*, 2018, no. 2/3 (36/37), pp. 77—87. — In Russ.)
- Морозан В.В. Санкт-Петербургская контора Государственного банка и её клиенты (1894—1917 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 605 с.
(Morozan V.V. St. Petersburg's office of the State Bank and its clients (1894—1917), St. Petersburg, 2021, 605 p. — In Russ.)

ABOUT THE INITIATION OF THE OPENING OF THE BRANCHES OF THE STATE BANK IN YURYEVS AND PUCHE YURYEVS AND PUCHEZH IN 1916—1917

Timur A. Kovrov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, covrov.t@yandex.ru

Vladimir S. Okolotin

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

Abstract. This article examines the process of initiating the opening of the State Bank branches in Yuryevets and Puchezh, Kostroma province in 1916—1917. As part of its activities, the State Bank actively developed the network of its institutions by creating bank branches and offices in provincial and district cities. Often the initiators of such openings were local entrepreneurs and merchants. They did believe that their activities would contribute to the further development of local entrepreneurship. In turn, the Board of the State Bank also sought to strengthen its position in places where industry and trade were concentrated. To make an informed decision the State Bank additionally requested information about the economic, commercial and industrial situation of the corresponding city or town. Based on it, the State Bank either positively resolved the issue of the branch opening, or postponed such a decision until better times. Examples of the implementation of this approach of the State Bank to the development of the banking system include its actions to consider petitions from the Yuryevets city and Puchezh town heads, arguing for the need to create the bank branches in Yuryevets and Puchezh. These petitions, in addition to justifying the need of the opening of the branches, also contained very valuable historical information about the commercial and industrial state of Yuryevets and Puchezh. However, in both cases, the State Bank, despite weighty arguments, rejected the petitions, justifying its refusal by the difficulties of finding qualified personnel for new branches in war conditions, the presence of nearby cities with more developed trade and industry, etc.

Keywords: the State Bank, Yuryevets, Puchezh, Kostroma province, the city head, petitions, the industry and trade, the branch of the State Bank

For citation: Kovrov T.A., Okolotin V.S. About the initiations of the opening of the branches of the State Bank in Yuryevets and Puchezh in 1916—1917, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 79—89.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.03.2024

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ковров Тимур Артушевич — соискатель кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, covrov.t@yandex.ru

Kovrov Timur Artushevich — Applicant of the Department of Russian History, Institute of Humanitarian Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, covrov.t@yandex.ru

Околотин Владимир Сергеевич — доктор исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru

Okolotin Vladimir Sergeevich — Doctor of Sciences (History), Associate Professor, the Head of the Department of Russian History, Institute of Humanitarian Sciences, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, okolotin.vladimir@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 90—102.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 90—102.

Научная статья

УДК 94(47).084.3:271.22(470+571)

DOI: 10.46726/И.2024.2.11

ПОСЛЕ ШУИ: ИЗЪЯТИЕ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 1922 Г. В Г. КИНЕШМА

Григорий Иванович Дворцов (игумен Герман)

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, german1968@mail.ru

Аннотация. В статье на материалах г. Кинешма исследуются неизученные ранее вопросы изменения тактики местных органов власти по изъятию церковных ценностей после шуйских событий 13—15 марта 1922 г. Отрицательное отношение жителей г. Кинешма к изъятию церковных ценностей могло привести к антисоветскому выступлению. Агитационные, военные, секретно-оперативные и репрессивные мероприятия партийных и советских органов позволили не допустить волнений и принудить православные общины формально добровольно сдать серебряные ризы с икон и церковную утварь. В работе изучаются отношение православных общин к помощи голодающим Поволжья, процедура и итоги изъятия церковных ценностей в г. Кинешма. Автор приходит к выводу о том, что власти г. Кинешма изучили опыт шуйских событий и, не дожидаясь официальных указаний вышестоящих органов, реализовали поставленную перед ними цель по юридически обоснованному ограблению православных храмов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Иваново-Вознесенская губерния, Кинешма, Шуя, православные общины, изъятие церковных ценностей

Для цитирования: Дворцов Г.И. (Игумен Герман). После Шуи: изъятие церковных ценностей в 1922 г. в г. Кинешма // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 90—102.

Изъятие церковных ценностей в г. Шуе 13—15.03.1922 привело к массовому антисоветскому выступлению, имевшему большой общественный и политический резонанс: «шуйское дело» рассматривали руководители Советского государства, материалы о нем размещались в центральной и региональной прессе. Попытки выяснения причин волнений предпринимались советскими исследователями 1960—1980-х гг. — Р.Ю. Плаксиным [Плаксин], И.А. Кривелевым [Кривелев], И.А. Черемисским [Черемисский], но в условиях доминирования коммунистического мировоззрения в отечественной науке этого периода, их выводы носили идеологизированный характер. В работах современных исследователей Ю.А. Иванова [Иванов], Ю.А. Ильина [Ильин], Н.А. Кривовой [Кривова], А.М. Семененко [Семененко] и других подробно изучены предпосылки и ход шуйских событий.

В своем исследовании Ю.А. Ильин указывает, что «разбор шуйских событий помогает понять, извлекли ли противоборствующие стороны для себя уроки на будущее, в частности на время проведения кампаний по борьбе с голодом и изъятию церковных ценностей весной — осенью 1922 г.» [Ильин: 47]. На наш взгляд, ответ на этот вопрос может быть дан при изучении изъятия церковных

ценностей в конце марта — начале апреля 1922 г. в другом, сопоставимом с Шуей, уездном городе Иваново-Вознесенской губернии — Кинешме.

Город Кинешма, как и Шуя, был крупным уездным городом, с развитой текстильной промышленностью и торговлей. В церковно-административном отношении Кинешма до 1936 г. была центром Кинешемского викариатства Костромской епархии, которое с 19.09.1921 возглавлял епископ Василий (Преображенский) [Зонтиков: 531]. В г. Шуя до 1923 г. располагаясь вторая кафедра Владимирских архиереев [Маштафаров: 38]. К 1922 г. в г. Шуя действовали 9, а в г. Кинешма — 11 православных общин [ГАИО. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 269, л. 61]. Хотя Шуя была крупнее Кинешмы по количеству населения, оба города переживали период его роста за счет притока рабочих на открывающиеся после Гражданской войны фабрики и частные предприятия, ставшие создаваться в период НЭПа.

Темпы роста населения г. Кинешма и г. Шуя в 1920—1923 гг. [Власов: 194]

Город	Август 1920	Март 1923	Рост (%)
Кинешма	14 525	20 954	44,3
Шуя	23 706	26 304	10,9

Источниковой базой данного исследования являются опубликованные источники из АПРФ, ГАРФ, РЦХИДНИ, ЦА ФСБ [Архивы Кремля], фонды Государственного архива Ивановской области [ГАИО], содержащие материалы Иваново-Вознесенского губернского и Кинешемского уездного комитетов РКП(б), Кинешемского уисполкома, документы уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей, протоколы приходских собраний г. Кинешмы, переписку и описи церковного имущества, региональную прессу исследуемого периода — газеты «Рабочий край» и «Кинешемская жизнь» [Рабочий край; Кинешемская жизнь].

В ходе расследования «шуйского дела» выездная следственная комиссия ВЦИК под председательством П.Г. Смидовича 20.03.1922 сделала выводы о недостатках в работе местных органов власти, допустивших массовые волнения в связи с изъятием церковных ценностей: 1) Шуйским уездным комитетом РКП(б) не была проведена предварительная агитационная кампания среди рабочих; 2) в г. Шуйе не был произведен предварительный арест «контрреволюционеров и черносотенных элементов»; 3) начальник Шуйского гарнизона «не проявил умелого руководства по разгону толпы»; 4) Шуйские УИК и Горисполком находились в состоянии «общей растерянности» и не приняли участия в противодействии народным волнениям [ГАИО. Ф. П-2. оп. 1, д. 1000, л. 8—8 об.].

В день шуйских событий Президиум Иваново-Вознесенского Губисполкома издал приказ о «немедленном восстановлении революционного порядка в губернии», согласно которому милиция должна была усилить свои охранительные функции, а лица, «распространяющие слухи контрреволюционного характера, подлежали немедленному задержанию и преданию суду». Одновременно Президиум обратился с воззванием к жителям губернии, призывая их «сознательно отнестись к изъятию части церковных ценностей» [Рабочий край: № 62]. Приказом военного коменданта А. Жугина с 15.03.1922 в Иваново-Вознесенской губернии вводилось военное положение [Рабочий край: № 63].

17.03.1922 секретарь Иваново-Вознесенского Губкома РКП(б) И.И. Коротков направил в ЦК РКП(б) шифротелеграмму, в которой сообщал о событиях, произошедших 15 марта в г. Шуя [Архивы Кремля 1: 132—133].

В связи с этим ЦК РКП(б) 19.03.1922 направил во все губернии шифротелеграмму за подписью В.М. Молотова, в которой предписывал временно приостановить изъятие церковных ценностей и сосредоточиться «на подготовительной, разъяснительной и агитационной работе» [ГАИО. Ф. П-2, оп. 1, д. 1000, л. 37 об.]. Через несколько дней — 22.03.1922 — новая шифротелеграмма ЦК РКП(б) предписывала: 1) создать в губерниях секретные руководящие комиссии по изъятию церковных ценностей из числа партийных и военных руководителей региона; 2) создать официальные комиссии при Комитетах помощи голодающим, которые и должны принимать ценности от групп верующих [Там же: л. 38].

Кинешемская подкомиссия по изъятию церковных ценностей была создана 6.03.1922 в составе П.Ф. Голованова — начальника Отдела общего управления Кинешемского УИКа, начальника уездной и городской милиции (председатель), А.Г. Толкачева — заведующего финансовым отделом УИКа, и Д.К. Морокова — уполномоченного ГПУ по Кинешемскому уезду [ГАИО. Ф. П-3, оп. 1, д. 525, л. 40], но к работе приступила только 16.03.1922, уже после шуйских волнений [Кинешемская жизнь: № 95]. В своей деятельности подкомиссия руководствовалась основными документами по изъятию церковных ценностей: Постановлением Президиума ВЦИК от 16.02.1922 (опубликовано в «Известиях» № 46 от 26.02.1922 за подписью М.И. Калинина и датой — 23.02.1922, поэтому в источниках именуется декретом от 23 февраля. — *Г.Д.*), инструкцией ЦК Помгола ВЦИК и НКЮ о порядке изъятия церковных ценностей от 28.02.1922 [Архивы Кремля 2: 15—18, 21—23], а также циркулярным письмом Иваново-Вознесенского Губкома РКП(б) от 14.03.1922 [ГАИО. Ф. П-3, оп. 1, д. 525, л. 46].

Через неделю после шуйских волнений — 22.03.1922 в г. Кинешма состоялось расширенное заседание уездной подкомиссии по изъятию церковных ценностей под председательством П.Ф. Голованова. В заседании принимали участие члены уездного комитета РКП(б), УИКа, начальник Кинешемского гарнизона, уполномоченный ГПУ [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 188].

В докладе П.Ф. Голованова прозвучала информация об открыто враждебном отношении рабочих кинешемских фабрик к изъятию церковных ценностей. Тем не менее, на заседании комиссии был разработан план мероприятий по изъятию с 27.03.1922 в г. Кинешма церковных ценностей. План предусматривал предварительный этап: 1) проведение собрания членов УИКа со священниками и мирянами — представителями православных общин г. Кинешмы; 2) возложение на священников обязательства «выступить [перед прихожанами] с разъяснением декрета об изъятии церковных ценностей и обязать [их] сообщить о результатах в отдел Управления»; 3) назначение «агентов из коммунистов (осведомителей) в церкви района г. Кинешмы для получения информационного материала для комиссии».

Со дня начала изъятия церковных ценностей — 27.03.1922 предписывалось: 1) начальнику гарнизона и начальнику милиции привести воинские и милицейские части в полную боевую готовность; 2) уездному комитету РКП(б) для «помощи в проведении работы» по изъятию — подготовить отряд коммунистов, дислоцировав его в здании Укома и подчинив начальнику военного гарнизона, что, на наш взгляд, предполагало выдачу им огнестрельного оружия.

Таким образом, изъятие церковных ценностей в г. Кинешме планировалось как настоящая войсковая операция. План изъятия церковных ценностей, разработанный членами Кинешемских Укома РКП(б) и УИКа, кардинально отличался от постановления Президиума Шуйского УИКа

от 13.03.1922 «О введении чрезвычайных мер военного положения» [Архивы Кремля 2: 54—55]. Шуйские власти только угрожали «фанатически настроенным гражданам» арестом и судом в случае их выступления против изъятия церковных ценностей. Кинешемские власти любыми путями добивались недопущения таких выступлений.

В этот же день — 22.03.1922 П.Ф. Головановым были подготовлены письма в Губернскую комиссию по изъятию и сосредоточению церковных ценностей и в Губком РКП(б) с информацией о положении дел в г. Кинешме [ГАИО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 1000, л. 21—22]. Сведения о плане подготовки к изъятию церковных ценностей были дополнены: на агентурную разведку в православные общины города предполагалось направлять женщин-коммунисток, а в дни изъятия планировалось установить на улицах Кинешмы, по которым возможны шествия рабочих, «секретные вооруженные кордоны».

П.Ф. Голованов сообщал, что он, А.Г. Толкачев, Суматохин (член Укома РКП(б)) провели агитационные митинги на фабриках «Томна», «Наволоки», «Коноваловская» и «Сорокинская». В ходе митингов рабочие категорически отказались поддержать предложенные им резолюции об изъятии церковных ценностей. П.Ф. Голованов докладывал: «Хуже всего дело обстоит на фабрике Томна, где мне лично выкриками угрожали выколоть глаза и бить, затем задавали вопросы: грабите церкви, что дальше будете грабить?». В письме высказывалось предположение, что в дни изъятия церковных ценностей в Кинешме могут быть выступления рабочих фабрики «Томна», но «не лучше обстоит дело с другими фабриками». Настроение рабочих характеризовалось как «враждебное», а «настроение крестьян еще худшее».

На заседании Кинешемского Укома РКП(б) 24.03.1922 эта информация была подтверждена секретарями фабричных партячеек, которые доложили о настроениях рабочих в связи с изъятием церковных ценностей. На фабриках «Бензолан», «Томна», «Сорокинская» настроение рабочих характеризовалось как враждебное, на фабриках «Бурнаевская», «Анненская», «Ветка», «Северюговская» — как пассивное, но с возможностью эксцессов. Об удовлетворительном настроении рабочих сообщил только секретарь партячейки железнодорожников. На заседании секретарям партячеек было предписано сообщать сведения о всех «подстрекателях» и «ведущих агитацию против изъятия церковных ценностей» уполномоченному ГПУ [ГАИО. Ф. П-3, оп. 1, д. 525, л.48—48 об.].

В губернской сводке о ходе изъятия церковных ценностей от 26.03.1922 отмечалось, что в г. Кинешме рабочие «против изъятия ценностей возражают» и у них «настроения, подобные Шуйским» [ГАИО. Ф. П-2, оп. 1, д. 1000, л. 61].

23.03.1922 в г. Кинешме было проведено общее собрание красноармейцев гарнизона, в котором приняли участие 180 человек. С докладом на нем выступил П.Ф. Голованов, который убеждал слушателей, что изъятие церковных ценностей — не «посягательство на религию», а настоящий «христианский поступок». Примечательно, что в докладе, без упоминания источника, делались ссылки на Библию: «Нужны верующим не ценности, а вера и добрые дела», что соотносится с Посланием ап. Иакова (Иак. 2:20, 24). П.Ф. Голованов предупреждал красноармейцев, что во время изъятия церковных ценностей «контрреволюционные агенты» могут «направить мысли тружеников на ложный путь». В резолюции собрания заявлялось, что красноармейцы «в случае грубого насилия предпримут все меры по недопущению подобных явлений» и предлагают «декрет от 23.02.1922 немедленно провести в жизнь» [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 190].

В своем исследовании Ю.А. Ильин отмечает, что декрет об изъятии церковных ценностей «действовал угнетающе и на сознание части красноармейской массы» [Ильин: 60], которая состояла в своем большинстве из лиц крестьянского происхождения, сохранявших элементы христианского мировоззрения. Доклад П.Ф. Голованова ставил своей целью примирить личные религиозные взгляды красноармейцев с поставленными перед ними задачами: 1) вооруженным путем содействовать изъятию церковных ценностей; 2) в случае волнений применить оружие по фабричным рабочим и жителям г. Кинешмы.

Тем не менее, на заседании Кинешемского Укома РКП(б) 24.03.1922 П.Ф. Голованов сообщил, что полностью «на гарнизон надеяться нельзя» и «единственной надежной опорой» в случае сопротивления может являться только батальон ЧОН и прикрепленные к нему отряды вооруженных коммунистов [ГАИО. Ф. П-3, оп. 1, д. 525, л. 48—48 об.].

Таким образом, источники свидетельствуют о том, что руководители г. Кинешмы небезосновательно опасались повторения в городе шуйских событий и проводили предварительную работу по подготовке к изъятию церковных ценностей с настоящей опорой своей власти — военным гарнизоном, местным партактивом, уездным отделом ГПУ и батальоном ЧОН.

В этот же день — 23.03.1922 — состоялось собрание членов Кинешемского УИКа, священнослужителей и мирян — представителей религиозных общин города. В Кинешме в 1922 г. служили 15 священников и 5 диаконов [Кинешемская жизнь: № 2-102], но на собрание были вызваны, скорее всего, только настоятели храмов — 11 человек. На собрании П.Ф. Голованов вменил в обязанность священникам и председателям общин разъяснить прихожанам в проповедях и на собраниях необходимость Декрета СНК от 23.02.1922 об изъятии церковных ценностей. Священникам предписывалось ссылаться на воззвание Костромского архиепископа Серафима (Мещерякова), который призвал духовенство епархии передать излишние церковные ценности на нужды голодающих Поволжья. Также им было дано «строгое задание» не допустить во время изъятия каких-либо выступлений верующих и колокольного набата [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 21 об.].

На заседании Кинешемского Укома РКП(б) 24.03.1922 П.Ф. Голованов сообщил о своих впечатлениях о собрании с представителями религиозных общин города. Хотя духовенство в целом и обещало содействовать реализации Декрета об изъятии церковных ценностей, «но из всех выступлений попов на совещании очень явственно, что они безусловно не согласны с декретом и вряд ли примут на деле какие-либо меры, чтобы склонить верующих к добровольной сдаче нужных ценностей». На этом же заседании Укома было в связи с предстоящими приходскими собраниями верующих было принято решение «агентуру в церквях установить» [ГАИО. Ф. П-2, оп. 1, д. 1000, л. 59 об.].

26.03.1922 во всех храмах г. Кинешмы прошли собрания православных общин, на которых присутствовали «секретные агенты из коммунистов» [Там же: л. 32 об.]. Протоколы собраний свидетельствуют, что большинство настоятелей храмов г. Кинешмы выступали за передачу излишних церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья, но при этом сами общины определяли, какие серебряные предметы в их храмах являются излишними и как они могут помочь голодающим.

Отношение православных общин г. Кинешмы к изъятию церковных ценностей

№	Религиозная община	Решение	Предложения властям
1	Александро-Невская [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 91—92]	Ничего не передавать	Просить освободить от изъятия церковных ценностей
2	Благовещенская [Там же, л. 82—82 об.]	1) Передать серебряные ризы с икон; 2) Прихожанам собрать изделия из драгметаллов для их выкупа	1) Сохранить от изъятия ризы с двух чтимых икон; 2) Община готова принять на иждивение небольшую группу детей из Поволжья
3	Богородице-Приют- ская [Там же, л. 149]	Передать все серебря- ные предметы, вышед- шие из богослужебного употребления: 1 евхари- стический набор, 2 креста, 2 тарелки	
4	Вознесенская [Там же, л. 131—132]	1) Ничего не передавать; 2) Прихожанам собрать изделия из драгметаллов для выкупа утвари и риз	В случае изъятия сооб- щить общине, кому и куда будут проданы ценности, для их последующего выкупа
5	Воскресенская [Там же, л. 139—140]	1) Передать все серебря- ные предметы, вышед- шие из богослужебного употребления: 1 потир, 1 дискос, 3 звезды, 2 блюда, крест, кадило; 2) Прихожанам собрать изделия из драгметаллов для выкупа этих богослу- жебных предметов	Просить комиссию оставить все остальные серебряные предметы в храме
6	Крестовоздвиженская [Там же, л. 114—114 об.]	Передать 2 комплекта евхаристических сосу- дов, 2 креста, 1 кадило, 1 трехсвечник, весь се- ребряный лом (венчики с икон)	Просить сохранить всю остальную утварь и ризы
7	Преображенская	<i>ПРОТОКОЛ ОТСУТСТВУЕТ</i>	
8	Сретенская [Там же, л. 102]	Добровольно передать церковные ценности	Сохранить от изъятия 2 комплекта евхаристиче- ских сосудов, 2 дароно- сицы, 2 креста, 1 Еванге- лие, 1 кадило
9	Успенского собора [Там же, л. 123—123 об.]	Передать все серебря- ные предметы, вышед- шие из богослужебного употребления	Не изымать ризы с икон и серебряную утварь богослужебного назначения
10	Успенская [Там же, л. 158]	Передать все серебря- ные предметы, вышед- шие из богослужебного употребления	
11	Успенская, бывшего Успенского женского монастыря [Там же, л. 167]	Передать серебряные предметы не богослу- жебного назначения: 3 лампы	

Таким образом, наиболее жесткую позицию по вопросу изъятия церковных ценностей заняли общины Успенского собора, Александро-Невского и Вознесенского храмов.

На собрании Александро-Невской общины присутствовало 47 человек. Священник Анатолий Смирнов обратился к ним «во имя Любви Христовой к страждущим братьям голодающим пожертвовать излишки церковной утвари, как-то серебряный напрестольный крест и чаши». Но священнику возразил прихожанин Серебряков, который обратил внимание на то, что их храм «обслуживает рабочих фабрики Томна», поэтому в материальном отношении является бедным и предложил просить власти освободить общину от изъятия церковных ценностей. Это предложение было принято большинством голосов [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 91—92].

В протоколе собрания общины Успенского собора (количество присутствующих не указано) упоминается о докладе протоиерея Иоанна Альтовского, «призывающего к жертвам». Участники собрания рассмотрели, с одной стороны — Декрет ВЦИК от 23.02.1922 и инструкцию по его применению, «а равно разъяснения местной комиссии по изъятию ценностей», с другой — Постановление Всероссийского Поместного Собора от 5/18.04.1918 и воззвание архиепископа Серафима. Собрание решило «добровольно и охотно» передать властям излишние ценности, вышедшие из богослужебного употребления, но сам перечень этих предметов, в отличие от протоколов многих кинешемских общин, в решении не указывался. При этом подчеркивалось неприкосновенность всей богослужебной утвари и риз на иконах [Там же: л. 123—123 об.].

В протоколе собрания Вознесенской общины, на котором присутствовало 133 человека, отсутствует изложение речи священника, а кратко сообщается, что прихожане обсудили декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей, заслушали призыв Патриарха Тихона и архиепископа Серафима (Мещерякова) «об отдаче излишних вещей на нужды голодающих». Собрание заявило, что «считает неприкосновенным и не подлежащим изъятию все напрестольные вещи: кресты, Евангелия, Дарохранительницы, и особенно Евхаристические сосуды, а также ризы на местных и храмовых иконах». Видимо, понимая, что церковные святыни все-равно будут изъяты, община стала готовиться к их выкупу у властей немедленно или в будущем [Там же: л. 131—132]. Поскольку фактически Вознесенскую общину возглавлял епископ Василий Кинешемский, возможно, именно его личная позиция нашла отражение в протоколе приходского собрания.

Протоколы приходских собраний позволили руководству Кинешемского уезда оценить позицию каждой православной общины города.

На закрытом заседании Кинешемского Укома РКП(б) 27.03.1922 были подведены итоги подготовки к изъятию церковных ценностей. П.Ф. Голованов сообщал об итогах приходских собраний и «подозрительном поведении некоторых [лиц] из духовенства». Члены Укома выработали дальнейшую тактику изъятия церковных ценностей. Было решено изымать их не одновременно, а постепенно, разбив процедуру на две части: 1) проверку описей церковного имущества; 2) само изъятие [ГАИО. Ф.П-2, оп. 1, д. 1000, л. 57].

28—31.03.1922 члены подкомиссии по изъятию церковных ценностей П.Ф. Голованов, А.Г. Толкачев и Д.К. Мороков посетили все храмы г. Кинешмы. Учитывая напряженную обстановку в городе, их, скорее всего, сопровождали вооруженные милиционеры и бойцы ЧОН.

При себе члены комиссии имели подлинники или копии описей церковного имущества 1918—1919 гг. [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 73—73 об.; 81—81 об.; 89—89 об.; 99—99 об.; 109—109 об.; 122—122 об.; 130—130 об.; 138—138 об.; 147—147 об.; 157—157 об.; 165—166], которые они сверяли с дореволюционными инвентарными книгами храмов. При сверке от общины присутствовали священник (настоятель храма) и от 3 до 5 членов церковного совета.

В ходе сверки было обнаружено, что в описи имущества 1918—1919 гг. Успенского собора и Вознесенской церкви не была включена часть серебряной утвари (евхаристические сосуды, напрестольные Евангелия и кресты, дарохранительницы, дароносицы, кадила, ковши, блюда) [Там же: л. 183, 184].

Накануне сверки председатель приходского совета Сретенской церкви протоиерей Николай Флеров сам написал в подкомиссию по изъятию церковных ценностей заявление, в котором сообщал о якобы внезапно выявленном им значительном количестве церковной утвари, не внесенном в опись имущества 1919 г., и предоставил его список [Там же: л. 100—101 об.].

После сверки составлялся протокол, в котором содержался список изымаемого церковного имущества, под которым расписывались все присутствующие. Пожелания и просьбы общин, высказанные в протоколах приходских собраний 26.03.1922, при составлении списков совершенно не учитывались. В каждом протоколе священнику и членам церковного совета вменялось в обязанность непосредственно сдать указанное церковное имущество. Но при этом в примечании указывалось, что общине «предоставляется право вышеуказанные вещи заменить другими предметами золотой и серебряной валюты, равности и стоимости того предмета, который будет изъят» [ГАИО. Ф. П-2, оп. 1, д. 1000, л. 57]. Далее со священника и членов церковного совета бралась расписка о том, что они лично обязуются «сдать в Кинешемский Уфинотдел все церковное имущество, которое предложено комиссией по изъятию». В расписке для каждой общины была определена конкретная дата сдачи церковных ценностей 3 или 4 апреля [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 71, 79, 83, 96, 106, 120, 127—127 об.; 136, 145—145 об.; 154, 163].

Необходимо отметить, что 13.03.1922 Президиум ВЦИК принял постановление о возможности замены изъятых из церквей ценностей равным по весу количеством золота или серебра в других изделиях [Архивы Кремля 2: 53—54]. Право замены предоставлялось ЦК Помгол, но фактически этот вопрос решали местные комиссии по изъятию ценностей. В ходе изъятия церковных ценностей в Шуе 13—15 марта, такая возможность уездными властями не использовалось, поскольку постановление ВЦИКа еще не поступило в губернскую и уездную комиссии. Но в г. Кинешме 28—31.03.1922 православным общинам уже предоставлялась возможность замены церковных ценностей бытовым серебром и золотом, что несколько снижало напряжение в среде духовенства и верующих.

В ежемесячной сводке Иваново-Вознесенского губернского отдела ГПУ за март 1922 г. отмечалось, что в Кинешемском и Юрьеveckом уездах «особенного сопротивления среди населения не встретится ввиду того, что эти уезды еще по старому делению относятся к Костромской Епархии, а как раз Костромской АРХИЕРЕИ стоит на точке изъятия ценностей и им по поводу этого было выпущено воззвание ко всей ЕПАРХИИ» [ГАИО. Ф. П-2, оп. 1, д. 627, л. 78 об.].

И этот расчет вполне оправдался: в Иваново-Вознесенской губернии волнения происходили преимущественно на территории, входившей в состав Владимирской епархии: Иваново-Вознесенском, Шуйском, Тейковском

уездах. Одной из причин этого было то, что митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) в мае 1921 г. был приговорен к 2 годам заключения условно и отправлен под надзор в г. Нижний Новгород, что препятствовало ему нормально управлять епархией [Лавринов: 516]. Только уже после волнений, произошедших в г. Шуе, в газете «Нижегородская коммуна» от 24.03.1922 было опубликовано его воззвание, в котором он, с одной стороны — призывал духовенство и верующих Владимирской епархии жертвовать церковные ценности для спасения жизней голодающих, а с другой — сохранять, в том числе и через выкуп, богослужебные сосуды и все святыни [Конфессиональная политика: 320—322]. Вызывает сомнение, что воззвание митрополита Сергея получило широкое распространение во Владимирской и Иваново-Вознесенской губерниях, поскольку не было опубликовано в губернских газетах.

Тем временем через партийные ячейки в Кинешемские Уком РКП(б) и УИК поступали сведения о лицах, выступающих против изъятия церковных ценностей. Так, например, 30 марта бюро ячейки РКП(б) фабрики «Томна» «предложило директору» уволить и выселить из квартир одного служащего и четверых рабочих за «контрреволюционные вопросы» на митингах и высказываемое в частных беседах отрицательное отношение к изъятию из храмов риз и церковной утвари [ГАИО. Ф. П-3, оп. 1, д. 525, л. 57—59 об.].

31.03.1922 Президиум УИКа принял решение передать собранную информацию уездному уполномоченному ГПУ Д.К. Морокову и поручить ему немедленно произвести аресты всех противников изъятия церковных ценностей [Там же: л. 56].

3 и 4 апреля 1922 г. настоятели и члены церковных советов лично привозили в здание Кинешемского уездного финотдела церковную утварь и ризы с икон, указанные в протоколах подкомиссии по изъятию церковных ценностей. Прием ценностей производили председатель подкомиссии П.Ф. Голованов, заведующий УФО А.Г. Толкачев, уполномоченный ГПУ Д.К. Мороков, эксперт по оценке драгметаллов Буханов, весовщик УФО Кудрявцев. В протоколах изъятия помимо них расписывались настоятели храмов и представители церковных советов. В случае, если эксперт обнаруживал, что в протоколы от 28—31 марта были ошибочно записаны медные предметы (посеребренные ризы, кадила и т. д.), то они возвращались представителям общин. Священники и представители общин сразу же могли предложить замену изымаемого предмета таким же по весу количеством других бытовых серебряных или золотых изделий.

Согласно протоколам изъятия церковных ценностей от 3—4.04.1922 православные общины г. Кинешма разделились на три группы: 1) полностью сдавшие изымаемое имущество: Александро-Невская (2 фунта, 46 золотников = 1 кг 16 г) [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 83] и Крестовоздвиженская (1 пуд 8 фунтов 2 золотника = 19 кг 669 г) [Там же: л. 105]; 2) полностью выкупившая изымаемое имущество бытовым серебром и золотом: Преображенская (3 фунта 62 золотника 42 доли = 1 кг 496 г) [Там же: л. 67]; 3) частично заменившие изымаемое имущество бытовым серебром и золотом: Благовещенская [Там же: л. 75—75 об.], Богородице-Приютская [Там же: л. 141], Вознесенская [Там же: л. 124—124 об.], Воскресенская [Там же: л. 133], Сретенская [Там же: л. 93], Успенского собора [Там же: л. 116], Успенская [Там же: л. 151], Успенская бывшего женского монастыря [Там же: л. 159].

Обращает на себя внимание факт, что власти, закрывая храмы г. Кинешмы в 1923—1929 гг., все серебряные изделия, выкупленные прихожанами в 1922 г., автоматически изымали для передачи в Госфонд.

При изъятии ценностей наиболее всего пострадал Успенский собор. Прихожанам удалось выкупить 3 серебряных евхаристических набора и два напестольных креста общим весом 7 фунтов 6 золотников (2 кг 896 г). А всего из собора было изъято 3 пуда 13 фунтов 11 золотников (54 кг 517 г) серебра и 45 золотников (192 г) золота [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 61, 116].

По итогам изъятия церковных ценностей в г. Кинешма было собрано с учетом замены риз и утвари бытовым серебром и золотом 11 пудов 01 фунт 92 золотника 32 доли серебра (180 кг 884 г) [Там же: л. 61]. Из них:

1) от православных общин — 9 пудов 23 фунта 9 золотников 48 долей серебра (156 кг 890 г), включая замененное бытовым серебром, а также 5 золотых 10-рублевых монет, 8 золотых 5-рублевых монет, 1 золотая германская марка, «червонное кольцо» и 73,82 золотника (315 г) золотых изделий, которые заменили собой выкупленные серебряные ризы и утварь весом 1 пуд 15 фунтов 50 золотников 42 доли (22 кг 745 г);

2) от старообрядческой общины старо-поморского согласия — 3 фунта 20 золотников (одна серебряная риза весом 1 кг. 319 г) [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 168];

3) от еврейской общины — 12 золотников 36 долей (53 г) серебра (сданы 3 серебряных рубля взамен подвески на Тору) [Там же: л. 175].

Изъятие церковных ценностей персонально коснулось и епископа Василия Кинешемского. При рукоположении в сан 14.09.1921 он как викарий Костромской епархии получил от архиепископа Серафима (Мещерякова) предметы архиерейского облачения – панагию, крест, посох, облачение и мантию, которые числились в ризнице Ипатьевского монастыря г. Костромы.

2 мая 1922 г. П.Ф. Голованов, А.Г. Толкачев и представитель Губернского ГПУ Павлов явились к епископу Василию, чтобы осмотреть находящиеся у него церковные ценности. Посох, облачение и мантия были признаны малоценными, а серебряные крест и панагия с «простыми камнями» были объявлены подлежащими изъятию. Епископ Василий выразил желание выкупить их у членов комиссии. Панагия и крест были взвешены (вес: 95 золотников 92 доли = 409 г) и изъяты для хранения в УФО уисполкома «впредь до разрешения Иваново-Вознесенской Губкомиссии» [Кинешемская жизнь: № 2, л. 60]. После получения разрешения епископ Василий Кинешемский выкупил крест и панагию за золотые монету и лом (вес — 1 зол. 61 доля = 6,9 г) [ГАИО. Ф. Р-166, оп. 1, д. 269, л. 3].

В течение апреля-июня 1922 г. уездная подкомиссия по изъятию церковных ценностей продолжала свою работу в Кинешемском уезде и прекратила деятельность 19.06.1922 [Кинешемская жизнь: № 2].

Таким образом, несмотря на сходство положения городов Шуя и Кинешма, изъятие церковных ценностей в Кинешме произошло без открытых народных протестов по следующим причинам:

1) власти Кинешемского уезда не торопились, в отличие от Шуйских партийных и советских органов, срочно создать комиссию по изъятию церковных ценностей и приступить к этой работе;

2) это позволило им учесть негативный опыт г. Шуи и осуществить комплекс предупредительных агитационных, военных, репрессивных и секретно-агентурных мер по недопущению народных волнений;

3) агитационная работа велась среди рабочих, красноармейцев, священнослужителей и представителей общин;

4) общинам была предоставлена возможность выкупить предметы церковной утвари и ризы за аналогичные по весу или стоимости бытовые серебряные или золотые вещи;

5) особую роль в умиротворении духовенства по вопросу изъятия церковных ценностей сыграла официальная позиция Костромского архиепископа Серафима (Мещерякова), который призвал духовенство епархии передать церковные ценности властям для помощи голодающим;

б) изъятие церковных ценностей дало властям дополнительную возможность фактически ограбить православных жителей г. Кинешмы, которые сдавали на выкуп утвари и риз личные золотые и серебряные изделия.

Таким образом, власти Кинешемского уезда, не дожидаясь указаний центральных партийных и советских органов относительно изъятия церковных ценностей, которые стали приниматься в апреле-мае 1922 г., самостоятельно решили поставленную перед ними задачу.

Список источников

- Архивы Кремля: в 2-х кн. М.; Новосибирск, 1997—1998.
 Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 627.
 Кинешемская жизнь. № 2-102 от 7.12.1922.
 Кинешемская жизнь. № 95 от 15.11.1922.
 Конфессиональная политика Советского государства 1917—1991 гг. Документы и материалы: в 6 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. Т. 1. 1917—1924. Кн. 4: Религиозные объединения, духовенство и верующие, общественные организации и граждане в вероисповедной политике Советского государства и религиозной ситуации в стране. М., 2018.
 Рабочий край. № 62 от 16.03.1922.
 Рабочий край. № 63 от 17.03.1922.

Список литературы / References

- Власов И.И. Наши города // Иваново-Вознесенская губерния. Т. 1. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924. С. 194—227.
 (Vlasov I.I. Our cities, *Ivanovo-Voznesenskaya province*, vol. 1, Ivanovo-Voznesensk, 1924, pp.194—227. — In Russ.)
 Зонтиков Н.А. Кинешемское викариатство // Православная энциклопедия. Т. 33. М., 2013. С. 530—531.
 (Zontikov N.A. Kineshma vicariate, *The Orthodox Encyclopedia*, vol. 33, Moscow, 2013, pp. 530—531. — In Russ.)
 Иванов Ю.А. Шуйское дело: от приговора до канонизации // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 5. С. 42—49.
 (Ivanov Yu.A. Shuisky case: from sentence to canonization, *Journal of the Moscow Patriarchate*, 2022, no. 5, pp. 42—49. — In Russ.)
 Ильин Ю.А. Март 1922 г.: церковь, власть, общество (светский взгляд на события 13—15 марта в г. Шуе Иваново-Вознесенской губернии) // Вестник Ивановского государственного университета. 2008. Вып. 3. С. 47—73.
 (Ilyin Yu.A. March 1922: Church, government, society (a secular view of the events of March 13—15 in Shuya, Ivanovo-Voznesenskaya province), *Bulletin of the Ivanovo State University*, 2008, iss. 3, pp. 47—73. — In Russ.)
 Кривова Н.А. Власть и Церковь в 1922—1925 гг. Политбюро и ГПУ в борьбе за церковные ценности и политическое подчинение духовенства. М., 1997. 247 с.

- (Krivova N.A. Power and the Church in 1922-1925. The Politburo and the GPU in the struggle for church values and the political subordination of the clergy, Moscow, 1997, 247 p. — In Russ.)
- Крывелев И.А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982. 64 с. (Kryvelev I.A. The Russian Orthodox Church in the first quarter of the XX century, Moscow, 1982, 64 p. — In Russ.)
- Лавринов В., протоиерей. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. 732 с. (Lavrinov V., archpriest. The Renovationist split in the portraits of his figures, Moscow, 2016, 732 p. — In Russ.)
- Маштафаров А.В. Владимирская и Суздальская епархия // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 38—48. (Mashtafarov A.V. Vladimir and Suzdal diocese, *Orthodox Encyclopedia*, vol. 9, Moscow, 2005, pp. 38—48. — In Russ.)
- Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917—1923 гг. М., 1968. 191 с. (Plaksin R.Y. The collapse of the Church counterrevolution. 1917—1923, Moscow, 1968, 191 p. — In Russ.)
- Семененко А.М. «Шуйское дело»: из истории изъятия церковных ценностей в Советской России 1922 г. // Право, религия и социальные трансформации XX—XXI вв.: материалы X Международной научно-практической конференции. Иваново, 19—22 октября 2016 г. Иваново, 2018. С. 83—89. (Semenenko A.M. “Shuisky case”: from the history of the seizure of church values in Soviet Russia in 1922, *Law, religion and social transformations of the XX—XXI centuries: Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Ivanovo, October 19—22, 2016*, Ivanovo, 2018, pp. 83—89. — In Russ.)
- Чемерисский И.А. Изъятие в 1922 г. церковных ценностей для помощи голодающим // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. Вып. 10. С. 186—212. (Chemerissky I.A. The seizure of church valuables in 1922 to help the hungry, *Questions of the history of religion and atheism*, Moscow, 1962, iss. 10, pp. 186—212. — In Russ.)

AFTER SHUYA: THE SEIZURE OF CHURCH VALUABLES IN 1922 IN KINESHMA

Grigory I. Dvortsov (abbot German)

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, german1968@mail.ru

Abstract. The article – based on the materials of Kineshma – examines previously unexplored issues of changing the tactics of local authorities for the seizure of church valuables after the Shuya events of 13—15.03.1922. The negative attitude of residents of Kineshma to the seizure of church valuables could have lead to anti-Soviet action. Propaganda, military, secret operational and repressive measures of the party and Soviet bodies made it possible to prevent unrest and force Orthodox communities to formally voluntarily surrender silver vestments from icons and church utensils. The paper examines the attitude of Orthodox communities to helping the starving of the Volga region, the procedure and results of the seizure of church valuables in Kineshma. The author concludes that the authorities of Kineshma studied the experience of Shuya events and, without waiting for official instructions from higher authorities, realized their goal of legally robbing Orthodox churches.

Keywords: Russian Orthodox Church, Ivanovo-Voznesenskaya province, Kineshma, Shuya, Orthodox communities, seizure of church valuables

For citation: Dvortsov G.I. (Abbot German). After Shuya: the seizure of church valuables in 1922 in Kineshma, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 90—102.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 19.03.2024

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Дворцов Григорий Иванович (игумен Герман) — аспирант кафедры истории России, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, german1968@mail.ru

Dvortsov Grigory Ivanovich (abbot German) — Postgraduate student of the Department of Russian History, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, german1968@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 103—113.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 103—113.

Научная статья

УДК 94(47).084.8

DOI: 10.46726/И.2024.2.12

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРСА ВЛАДИМИРСКОГО ЗАВОДА «АВТОПРИБОР» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 ГГ.)

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия, i|ja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Значение тыла в годы Великой Отечественной войны трудно переоценить. В настоящее время продолжает оставаться актуальной не только проблема производственной деятельности советских предприятий в годы военного лихолетья, но и вопрос снабжения работников конкретных заводов продовольствием и товарами первой необходимости. Данная статья посвящена анализу деятельности отдела рабочего снабжения (орс) владимирского завода «Автоприбор», имевшего, несмотря на свои относительно небольшие размеры, значимые производственные достижения в годы войны. Это даже было отмечено на общесоюзном уровне, когда завод получил орден Трудового Красного Знамени за свои производственные достижения. Для исследования проблемы были использованы различные документальные источники, отложившиеся в Государственных архивах Ивановской и Владимирской областей. В методологическом плане исследование лежит в области такого научного направления, как микроистория. В статье удалось выявить основные направления деятельности заводского орс, а также значение подсобного хозяйства предприятия для снабжения рабочих и служащих продовольствием. Были выявлены трудности в деятельности орс, исследованы негативные моменты в снабжении сотрудников жизненно необходимыми товарами. Так, часть работников негативно оценивали дифференциацию в сфере столового обслуживания. Большие трудности испытывал орс с доставкой и хранением необходимых продовольственных товаров и топлива, имелся дефицит кадров в подсобном хозяйстве предприятия. Всесторонний анализ использованных источников показывает, что и к концу войны трудности в снабжении работников через систему заводского орс оставались, но в то же время решение продовольственной проблемы через подсобное хозяйство завода было адекватной мерой в условиях дефицита военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, завод «Автоприбор», социальные функции предприятия, отдел рабочего снабжения (орс), подсобное хозяйство

Для цитирования: Тряхов И.С. Деятельность орс владимирского завода «Автоприбор» в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 103—113.

Советские предприятия с самого начала своего создания выполняли многоплановые функции. Изучение работы советских заводов в военных условиях является значимой научной задачей в рамках исследовательской программы истории повседневности. Отсюда актуальной становится проблема выявления не только производственных успехов и неудач конкретного предприятия, но и изучение специфических черт и задач в деятельности хозяйственного субъекта.

© Тряхов И.С., 2024

11 сентября 2023 г. городу Владимиру указом Президента Российской Федерации было присвоено звание города трудовой доблести [Официальное опубликование...]. Немалый вклад в признание роли города в победе в Великой Отечественной войны внесли работники завода «Автоприбор», выпускавшего в годы военного лихолетья разнообразную продукцию, необходимую как на фронте, так и в тылу.

Советские историки в разное время провели ряд исследований, показывающих героизм тружеников различных предприятий в годы Великой Отечественной войны [Грановский]. В основном исследования воспевают подвиг советских людей, уделяя незначительное внимание противоречиям, сложившимся в результате тяжёлых условий военных лет [Аникин; Наумова; Зинич: 1984, 1985; Будников]. Причиной такого подхода являлись как общие идеологические установки, так и нехватка источников в связи с отсутствием к ним доступа у учёных.

С началом «архивной революции» 1990-х гг. проблематика исследований значительно расширяется. Появляются критические работы относительно деятельности советских предприятий тыла, а также условий жизни рабочих и служащих в годы войны [Назаров, Соловьёва, Шалак]. Обращается внимание на кадровые трудности, просчёты в идеологической работе, производственные проблемы, которые в той или иной степени имелись на любых заводах и фабриках [Пономаренко; Тарасова; Панфилова; Мисюкевич; Хисамутдинова; Корура; Какагасанов; Лысенко; Рыбак; Герман; Бевзюк]. В статьях учёных выделяются специфические практики военных лет, как то: регулярные воздушные тревоги, организация светомаскировки, частое тушение пожаров и пр. [Федулов; Половинкин; Барбанель]. При этом комплексных исследований по целым отраслям промышленности или отдельным регионам страны не так много. Редкостью являются и работы по деятельности заводских и фабричных отделов рабочего снабжения (далее: орс), с помощью которых сотрудники предприятий получили значительную долю продовольствия и товаров первой необходимости. Отдельным важным аспектом в этом случае становится деятельность пригородных совхозов и подсобных хозяйств предприятий.

Целью работы является реконструкция деятельности владимирского орс завода «Автоприбор» в период Великой Отечественной войны, а также выявление специфических успехов и неудач данного подразделения предприятия.

Источниками исследования послужили материалы Государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, где собрана как партийная, так и хозяйственная документация, касающаяся деятельности завода. К таковым относились фонды областных обкомов Владимирской и Ивановской областей, фонд Владимирского горкома партии, а также документы первичной парторганизации предприятия и, конечно, архивный фонд завода «Автоприбор».

В методологическом плане исследование опирается на такие направления исторической науки, как микроистория и история повседневности.

Успешная работа предприятия была бы невозможна без стабильного удовлетворения базовых потребностей рабочих. К таковым относилось, прежде всего, питание. Вопрос с ним остро стоял с довоенных лет. В 1943 г. на снабжении заводского орс находилось 3500 человек. В столовых предприятия питалось от 1700 до 1800 человек, и по централизованным фондам товары выбирались полностью [ГАИО: ф. П.-327, оп. 7, д. 936, л. 65].

Определённое недовольство вызывало неравенство в распределении продовольствия между руководством предприятия и рядовыми рабочими и служащими [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7а, л. 29—35]. Работа столовой не была

бесперебойной — там были однообразные блюда, ощущалась нехватка работников [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7, л. 108]. Особые претензии имелись к заведующей, которую критиковали на партсобраниях за бездеятельность и неучастие в заготовке продуктов, а также неаккуратном обращении с хлебными карточками [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 39]. Нарушения в работе столовой проявлялись в отсутствии рачительного обращения с продуктами. Кроме того, дежурные по столовой использовались как посыльные, вместо того чтобы следить за закладкой в котёл [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 36].

Низкое качество обедов в заводской столовой объяснялось низкой квалификацией работников [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 12, л. 21 об. — 22]. Работница В.П. Сергеева отмечала на одном из собраний, что расквартированные в пределах завода красноармейцы занимали помещение столовой, где они «и спят, и курят, и плюют». Она предлагала объединить столовую рабочих и инженерно-технических работников (ИТР). В таком случае «будет рациональное расходование продуктов и не будет нехороших настроений и разговоров» [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 38].

Имелась проблема опозданий на рабочие места с обедов. Рабочим рекомендовали просить начальников о разрешении задерживаться на обед, администратцию цехов в то же время призывали разговаривать с людьми, а не писать выговор [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 92]. Заводская конференция постановила предложить зав. столовой Сешиной: выдавать вторые горячие блюда с полной причитающейся нормой; улучшить вкусовые качества обедов и разнообразить меню; не выпускать обеды для раздачи без бракиражной комиссии; из раздатки не выпускать ни одного второго блюда без веса; немедленно обеспечить в достаточном количестве столовую необходимым инвентарём, столы, стулья и др.; немедленно приобрести третий огневой котёл; отменить самообслуживание в столовой [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 8, л. 20].

Потребность заводской столовой в продуктах на день в 1942 г. была следующей: картофеля на суп требовалось 340 кг, мяса на битки — 170 кг, картофеля на гарнир — 300 кг, масла — 35 кг. Выделяемых горторгом продуктов хватало только на 8 дней. В подшефных колхозах можно было достать ещё 103 т картофеля, который вывозить предстояло самостоятельно. При этом на вывозке работал один человек, чего явно было недостаточно [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 35]. В результате этого необходимо было изыскивать дополнительные способы обеспечения сотрудников завода продовольствием. Одновременно с этим в подшефных колхозах достать тот или иной продукт можно было в обмен на разные услуги со стороны завода [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 35].

От подсобного хозяйства на общественное питание только в 1944 г. было получено 35 ц пшеницы, 12 ц гречихи, 823 т картофеля, 226 т овощей. Общие убытки орс в 1944 году составили 406 тыс. рублей, в 1945 г. снизились до 316 тыс. [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 60].

В плохой заготовке картофеля в 1941 г., по мнению члена партбюро Павлычева, был виноват директор завода Эпштейн, заявивший, что для Гитлера запасать его не станет. Более того, директор якобы вообще думал эвакуироваться. В столовой отмечались факты передачи обеденных карточек в выходные дни другим лицам. Такие карточки директором было решено отобрать и настоящему владельцу не возвращать [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 7б, л. 37].

В подсобном хозяйстве завода к концу 1941 года было 18 коров и 65 свиней. Только в 1941 г. закололи 10 коров и 24 свиньи. Таким образом, пригородное хозяйство в 1942 году полностью обеспечить столовую было

не в состоянии [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 76, л. 35]. В результате этого в июне 1942 года при заводе было создано крупное подсобное хозяйство «Нестерки». Это был совхоз с животноводческо-зерновым направлением, площадью 836,1 га. Под пашню отводилось 438,35 га, 4 га под фруктовый сад, 15 га использовалось на сенокос. В хозяйстве имелось 3 трактора, молотилка, комбайн, 2 сеялки, тракторная косилка и 2 конных косилки, а также были жатки самосброски, конные и тракторные грабли, тракторный культиватор, культиватор-растениепитатель, 6 конных плугов, 5 окучников, борона Зиг-Заг и 14 рабочих лошадей [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 49]. Несмотря на наличие неплохой материальной базы, урожайность по некоторым культурам не превышала 50 % от плана. Это объяснялось плохой почвой, которая досталась предприятию под совхоз. Кроме того, завод не всегда своевременно выполнял необходимые сельскохозяйственные работы. Так было и в 1942 г. Вместо 800 возов удобрений было доставлено только 60. На 25 га не заготовили семена. Тягловая сила и трактор были не пригодны к работе по причине средней упитанности лошадей и поломки машины. В хозяйстве имелось 62 свиньи, при этом скот не разбраковывался; среди животных имелись рахитики, а 6-месячные свиньи весили по 4—5 кг. Отсутствовали изоляторы для отёла коров, а корма были недоброкачественными. Со стороны директора пригородного хозяйства отсутствовал контроль над рациональным использованием кормов [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 76, л. 26 об.].

Подсобное хозяйство предприятия включало в себя к 1943 году: 400 га пашни (из них 246 га было под зерновыми культурами), 43 га под картофелем и 20 га под овощами, остаток был засеян травами. В 1943 году завод строил картофелехранилище на 500 тонн, а пока в имеющееся должен был заложить 240 т картофеля, а также 180 т овощей. На момент создания документа имелась тара только на 120 т, остальная была в процессе изготовления [ГАИО: ф. П.-327, оп. 7, д. 936, л. 65].

В то же время из-за недостатка рабочей и механической силы бывало отставание от плана при проведении посевной. В 1944 году зябловая вспашка была выполнена на 143 га вместо 271 га. Не полностью был завезён навоз — вместо 1500 т доставили 1300. Опоздали на 10 дней с севом [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 49].

Величину собранного урожая можно видеть из таблицы ниже на примере данных за 1944 год.

Таблица 1

**Валовый сбор с подсобного хозяйства завода «Автоприбор»
в 1944 году и его распределение [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 50]**

	Валовый сбор, ц	Реализовано:			
		Госпоставки	семена	фураж	На питание
Рожь	266,8	68,2	86,5	-	112,1
Пшеница	10,6	-	5,4	-	5,2
Ячмень	57,4	-	26	31,4	-
Овес	405	-	252	153	-
Гречиха	21,2	-	7	-	14,2
Вико-овес на зерно	118,7	-	64	54,7	-
Картофель	2315	175	1000	231,5	908,5
Капуста	1221,4	5,1	-	-	1216,3
Огурцы	24,3	-	-	-	24,3

Помидоры	35	-	-	-	35
Свекла столовая	142,8	-	-	-	142,8
Морковь	8,7	-	-	-	8,7
Овощи всего	1432,2	5,1	-	-	1427,1

В 1943 году в хозяйстве предприятия имелось 128 голов крупного рогатого скота, 240 свиней и 34 лошади [ГАВО: ф. Р.-2079, оп. 1, д. 100, л. 3]. По плану необходимо было иметь молодняка на 924 ц, фактически же удалось вырастить 324 ц. Надой молока на корову планировался в 1200 л — фактически имелось только 581 л [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 50]. В следующем году количество животных уменьшилось, но при этом состояние животноводческой части хозяйства оценивалось удовлетворительно, хотя и было слабым местом в сравнении с растениеводством. Её состояние на 1944 г. видно из таблицы ниже.

Таблица 2

Состояние животноводства завода в 1944 г.

[ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 60]

Наименование	план	факт	% выполнения
Лошадей всего	28	31	110
В т. ч. рабочих	19	21	
Крупный рогатый скот всего	75	70	93
В т. ч. коров	25	25	
Свиней всего	150	187	125
В т. ч. свиноматок	25	16	
Овцы всего	20	52	260
В т. ч. овцематок	10	12	
Пчёлы	15	17	113

В то же время, хотя скот и признавался условно здоровым, на протяжении многих лет страдал бруцеллёзом. Надой в 1945 г. на одну фуражную корову составлял 1300 литров при плане в 1000 л. При этом рост надоев был существенным в сравнении с 1944 г., когда он составил только 690 литров. Приплод поросят в 1945 г. насчитывал 264 головы.

Одной из причин невыполнения планов в этой сфере была низкая обеспеченность кормами, что показано в таблице ниже.

Таблица 3

Обеспеченность кормами совхоза завода «Автоприбор»

[ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 50]

Наименование кормов	Требуется, ц	Получено от урожая, ц	% обеспеченности
Грубые корма	2425	1800	84
Концкорма	911	2000	22
Сочные корма	2087	400	13
Подстилка	890	600	67

Завод владел плодовым-ягодным садом на площади 4,5 га. Заложенный в 1942 году сад включал в себя 530 яблонь, 50 груш, 300 кустов малины, 2000 кустов чёрной смородины, 1000 крыжовника, 250 кустов вишни [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 9, л. 50]. Также была произведена раскорчёвка 2,5 га под ещё 510 яблонь [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 59].

План посева на 1942 год предполагал засеять 28 га, из которых половина отводилась под картофель, но семян не хватало. Требовалось же 16 тонн.

Под овёс отводилось 3,5 га, под вики — 2,2 га, под капусту и огурцы 2,5 га, семена также отсутствовали. У завода были только семена свеклы, под которую отводили 1 га. В хозяйстве имелось 15 коров, две из которых были отелены. Коров кормили полугнилой трясёнкой, хотя имелось и своё сено лучшего качества, но доставить его было сложно. Оно находилось в 40 км. Не была заведена даже «Книга посещения ветеринара». В перечисленных недостатках был обвинён директор пригородного хозяйства Ледовских, который, по мнению парторганизации завода, не следил за работой. Все работающие должны были оказывать помощь пригородному хозяйству по прополке [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 76, л. 28].

19 марта 1944 года прошла рабочая конференция завода, на которой присутствовало 92 делегата от 2150 человек. В ходе конференции констатировалась плохая работа пригородного хозяйства [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 8, л. 15]. Обсуждались плохие жилищные условия работников, особенно занятых в пригородном хозяйстве [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 8, л. 19].

В результате обсуждений директора подсобного хозяйства Трякина обязали: построить навес для сельхозинвентаря; немедленно закончить вывозку навоза; до 1 апреля произвести обмен посадочных зерновых культур; обеспечить отдых и откорм тягловой силы перед весенне-посевной кампанией; улучшить и усилить откормку скота, особо уделив внимание свиному поголовью и крупному рогатому скоту [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 8, л. 20].

На 21 мая 1945 года на 89 % был выполнен план посева на подсобном хозяйстве. Отдельные работники выполнили нормы на 120 — 170 %. В то же время сев отдельных культур, в основном кормовых, не был закончен [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 11, л. 16]. В пригородном хозяйстве были задействованы рабочие-подростки, которых зачастую не обеспечивали продуктами, в результате чего они бросали работу [ГАИО: ф. П.-327, оп. 7, д. 502, л. 114].

К концу войны удалось отремонтировать все сельскохозяйственные машины. У подсобного хозяйства предприятия снизились убытки. Так, если в 1944 году они составили 177 тыс. рублей, то в 1945 г. 147 тыс. [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 59].

Из таблицы ниже можно видеть посевные площади завода и их урожайность в 1944—1945 гг.

Таблица 4

Посевная площадь и средняя урожайность с 1 га в ц в 1944—1945 гг.

[ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 59]

Наименование культуры	Уборочная площадь, га	Средний урожай с 1 га, ц	Уборочная площадь, га	Средний урожай с 1 га, ц
1. Зерновые всего	187,95	4,7	179,65	6,3
В том числе				
а) рожь	61,2	4,3	45	2,9
б) пшеница	3,2	3,3	3,5	7,1
в) ячмень	9,1	6,3	15	5
г) овёс	70,45	5,7	83,15	8,2
д) гречиха	12,0	1,8	8	-
е) просо	Погибло	-	-	-
ж) вики на зерно	32	3,7	25	7,2
2. Картофель	55,2	42	50	38
3. Овощи	14,15	94	8,03	57,8

В целом по стране урожайность зерновых составляла 8,6 ц с 1 га, что было выше, чем в подсобных хозяйствах рассматриваемого предприятия.

При этом следует учитывать известные методологические, методические и организационные моменты имеющейся советской статистики [Башкин].

В ходе военных лет увеличилось и количество сотрудников завода, имевших земельные участки под индивидуальное огородничество. Если в 1943 году их насчитывалось 819, то в 1945 г. их число возросло до 1518; в 1946 г. огородники-сотрудники завода, коих насчитывалось 1683, обрабатывали 46 га. Ежегодно завод оказывал им помощь семенами, картофелем и инвентарём. В 1945 году было выдано 4 т картофеля и 160 кг огородных семян [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 13, л. 51].

Улучшение питания рабочих связывали с активизацией заготовок грибов и дикорастущих ягод. Соседний с «Автоприбором» Химический завод обеспечил себя в этом направлении лучше, на что указывали отдельные сотрудники [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 76, л. 151 об.].

Несмотря на то, что продовольственная сфера являлась для орс наиболее приоритетной и в ней было задействовано наибольшее количество ресурсов, у него также имелись механическая, сапожная, ткацкая и трикотажная мастерские, а также мастерская по выработке колесной мази. Во всех этих подразделениях было занято 64 человека. Только за первое полугодие 1943 года было выработано продукции ширпотреба на 152 тысячи рублей, хотя план составлял всего 60 тысяч [ГАИО: ф. П.-327, оп. 7, д. 936, л. 65]. В подсобном хозяйстве выделялся перерасход дров и нехватка торфа из-за больших расстояний до мест заготовки, добычи и отсутствия транспорта [ГАВО: ф. П.-1263, оп. 1, д. 12, л. 8 об. — 9]. Однако эта проблема была общей для всего предприятия и до конца войны оставалась решённой не в полной мере.

Анализ использованных источников показывает как разнообразную деятельность орс предприятия в деле снабжения рабочих и служащих основными потребительскими товарами, так и его важное значение в решении продовольственного вопроса. Были выявлены трудности в деятельности орс, как то: дефицит кадров и их невысокая квалификация, что в некоторых случаях было критично, а также их сравнительно низкая дисциплина, обусловленная отсутствием заинтересованности и трудными условиями повседневной жизни. В первую очередь тяжёлыми оставались жилищно-бытовые условия. Негативные настроения части работников вызывало разделение столовых внутри предприятия для основной части работников и администрации, а также злоупотребления отдельных служащих общепита предприятия. Крупные трудности испытывал орс с доставкой и хранением необходимых продовольственных товаров и топлива. С экономической точки зрения подсобное хозяйство предприятия и пригородный совхоз завода были убыточными, и в условиях мирного времени их содержание вряд ли было бы целесообразным. Однако в период Великой Отечественной войны именно такой способ заготовки продовольствия позволял сотрудникам предприятия не только выжить, но и относительно сносно питаться, позволял разнообразить рацион трудящихся. И с этой позиции наличие подсобного хозяйства, несмотря на убыточность, себя оправдало.

Социальные функции любого советского предприятия — и владимирский завод «Автоприбор» здесь не исключение — не ограничивались только решением вопросов снабжения работников необходимым продовольствием и товарами первой необходимости, а были существенно шире. Но рассмотрение этого вопроса требует отдельного изучения, причём на уровне сравнительного анализа с другими предприятиями региона.

Список источников

Государственный архив Владимирской области (ГАВО).
 Государственный архив Ивановской области (ГАИО).
 Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309110003> (дата обращения: 01.11.2023).

Список литературы / References

- Аникин А.С. Трудовой подвиг рабочих Владимирской и Ивановской областей в годы Великой Отечественной войны: очерки, эссе. Владимир, 1969.
 (Anikin A.S. Labor feat of workers of the Vladimir and Ivanovo regions during the Great Patriotic War: essays, essays, Vladimir, 1969. — In Russ.)
- Башкин А.В. Урожай тридцатых или украденные достижения. URL: <https://istmat.org/node/21358> (дата обращения: 07.01.2024).
 (Bashkin A.V. Harvests of the thirties or stolen achievements. — In Russ.)
- Бевзюк Е.А. Деятельность завода № 47 в Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2006. № 11—1. С. 94—96.
 (Bevzyuk E.A. Activities of plant No. 47 in the Orenburg region during the Great Patriotic War // *News of the Orenburg State Agrarian University*, 2006, no. 11—1, pp. 94—96. — In Russ.)
- Будников Ю.И. Деятельность партийных организаций Урала по обеспечению материально-бытовых условий рабочих промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
 (Budnikov Yu.I. Activities of party organizations in the Urals to ensure the material and living conditions of workers at industrial enterprises during the Great Patriotic War (1941 — 1945): abstract of the. diss. ... candidate of Sciences (History), Moscow, 1988. — In Russ.)
- Герман Я.С. Деятельность Орского нефтеперерабатывающего завода в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в памяти поколений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак: издательство БГУ, 2020. С. 111—115.
 (German Y.S. Activities of the Orsk Oil Refinery during the Great Patriotic War), *The Great Patriotic War in Memory of Generations. Sat. materials international. scientific-practical conf.* Sterlitamak, 2020, pp. 111—115. — In Russ.)
- Грановский Е.А. Советская промышленность в Великой Отечественной войне. М., 1949.
 (Granovsky E.A. Soviet industry in the Great Patriotic War, Moscow, 1949. — In Russ.)
- Зинич М.С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941—1945 годах // История СССР. 1985. № 3. С. 104—118.
 (Zinich M.S. The concern of the Soviet state about the material and living situation of the population in 1941—1945, *History of the USSR*, 1985, no. 3, pp. 104—118. — In Russ.)
- Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941—1945 гг. (по материалам отраслей машиностроения). М., 1984.
 (Zinich M.S. Labor feat of the working class in 1941—1945 (based on materials from the mechanical engineering industries), Moscow, 1984. — In Russ.)
- Какагасанов Г.И., Лысенко Ю.М. Каспийск / Двигательстрой в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: трудовая доблесть и вклад в достижение Победы // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2020. Вып. 35. № 4. С. 13—20.
 (Kakagasanov G.I., Lysenko Yu. M. Kaspisk / Dvigatierstroy during the Great Patriotic War of 1941—1945: labor valor and contribution to achieving Victory, *Bulletin of the Dagestan State University, Series 2. Humanities*. 2020, vol. 35, iss. 4, pp. 13—20. — In Russ.)

- Коурова И.Г. О некоторых аспектах деятельности завода Кургансельмаш по развитию военного производства в годы Великой Отечественной войны // Вестник КГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 78—83.
(Kourova I.G. On certain aspects of the Kurganselmash plant for the military production the Great Patriotic War, *Bulletin of KSU, Series: Humanities*, 2014, no. 3, pp. 78—83. — In Russ.)
- Кравченко Г.С. Военная экономика СССР 1941—1945 гг. М., 1963.
(Kravchenko G.S. Military economy of the USSR 1941—1945, Moscow, 1963. — In Russ.)
- Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970;
(Kravchenko G.S. The economy of the USSR during the Great Patriotic War, Moscow, 1970. — In Russ.)
- Назаров А.И. Повседневная жизнь молодёжи в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: на материалах Тамбовской области: дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
(Nazarov A.I. Everyday life of young people in the rear during the Great Patriotic War of 1941—1945: based on materials from the Tambov region: diss. ... candidate of Sciences (History), Tambov, 2010. — In Russ.)
- Наумова А.Г. Забота партии о быте рабочих в годы Великой Отечественной войны (по материалам Пермской областной партийной организации) // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1978. С. 366—373.
(Naumova A.G. The party's concern for the life of workers during the Great Patriotic War (based on materials from the Perm regional party organization), *From the history of the working class of the Urals*, Perm, 1978, pp. 366—373. — In Russ.)
- Пономаренко И.В. Деятельность военно-промышленных предприятий малых городов Среднего Поволжья в 1941—1945 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3. 2014. С. 115—122.
(Ponomarenko I.V. Activities of military-industrial enterprises in small towns of the Middle Volga region in 1941—1945, *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 115—122. — In Russ.)
- Рыбак И.В. Севастопольский морской завод им. С. Орджоникидзе и его деятельность в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторические чтения. К 75-летию Великой Победы: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь: Бизнес-информ, 2020. С. 176—179.
(Rybak I.V. Sevastopol Marine Plant named after. S. Ordzhonikidze and his activities during the Great Patriotic War, *Military Historical Readings. To the 75th anniversary of the Great Victory. Materials of the VIII national scientific-practical conference*, Simferopol, 2020, pp. 176—179. — In Russ.)
- Соколов Б. Промышленное строительство в годы Великой Отечественной войны. М., 1946.
(Sokolov B. Industrial construction during the Great Patriotic War, Moscow, 1946. — In Russ.)
- Солдатенко Е.И. Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1954.
(Soldatenko E.I. Labor feat of the Soviet people in the Great Patriotic War, Moscow, 1954. — In Russ.)
- Соловьёва В.В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941—45 гг.: государственная политика и стратегии адаптации: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.
(Solovyova V.V. Living conditions of personnel of industrial enterprises of the Urals in 1941—45: state policy and adaptation strategies: diss. ... candidate of Sciences (History), Ekaterinburg, 2011. — In Russ.)

- Тарасова И.С., Панфилова Ю.Н., Мисюкевич Н.Д. Деятельность Челябинского химико-фармацевтического завода в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: материалы X Всероссийской конференции с международным участием, М.: изд-во МГМСУ им. А.И. Евдокимова. С. 180—182.
- (Tarasova I.S., Panfilova Yu.N., Misyukevich N.D. Activities of the Chelyabinsk Chemical and Pharmaceutical Plant during the Great Patriotic War, *Historical experience of medicine during the Great Patriotic War of 1941—1945. Proceedings of the X national conference with international participation*, Moscow, pp. 180—182. — In Russ.)
- Федулов С.В., Половинкин В.Н., Барбанель Б.А. Мурманский судоремонтный завод в годы войны // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 52—57.
- (Fedulov S.V., Polovinkin V.N., Barbanel B.A. Murmansk shipyard during the war, *Military History Journal*, 2020, no. 5, pp. 52—57. — In Russ.)
- Хисамутдинова Р.Р. Деятельность завода № 47 в г. Чкалове в годы Великой Отечественной войны // Наука, образование и воспитание в педагогическом вузе и школе: материалы XVIII преподавательской и XXXVI студенческой научно-практической конференции. Оренбург, ОГПУ, 1994. С. 68—69.
- (Khisamutdinova R.R. Activities of plant No. 47 in Chkalov during the Great Patriotic War, *Science, education and upbringing in pedagogical universities and schools. Proceedings of the XVIII teaching and XXXVI student scientific and practical conference*, Orenburg, 1994, pp. 68—69. — In Russ.)
- Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940—1950): дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1998.
- (Shalak A.V. Living conditions of the population of Eastern Siberia (1940—1950): diss. ... doctor of Sciences (History), Irkutsk, 1998. — In Russ.)

ACTIVITY OF THE ORS OF THE VLADIMIR AVTOPRIBOR PLANT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941—1945)

Ilja S. Tryakhov

Vladimir State University named A.G. & N.G. Stoletovs, Vladimir,
Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Abstract. It is difficult to overestimate the importance of the rear during the Great Patriotic War. At present, not only the problem of the production activities of Soviet enterprises during the years of wartime continues to be relevant, but also food and essential goods supply to employees of specific factories. This article is devoted to the analysis of the activities of the department of labor supply (ORS) of Vladimir Avtopribor plant, which, despite its relatively small size, had significant production achievements during the war years. This was noted even at the all-Union level, when the plant received the Order of the Red Banner of Labor for its production achievements. Various documentary sources deposited in the State Archives of the Ivanovo and Vladimir regions were used to study the problem. In methodological terms, the study lies within microhistory as a research subfield. The article managed to identify the main activities of the factory ORS, as well as the importance of the subsidiary farm of the enterprise for the supply of workers and employees of the enterprise with food. Difficulties in the activities of the ORS were identified, negative aspects in the supply of vital goods to employees were investigated. Thus, some employees negatively assessed the differentiation in the field of canteen service. ORS experienced major difficulties with the delivery and storage of necessary food products and fuel, there was a shortage of personnel in the subsidiary farm of the enterprise. A comprehensive analysis of the sources used shows that by the end of the war, difficulties in supplying workers through the factory ORS system remained, but at the same time, solving the food problem through the subsidiary farm of the plant was an adequate solution in conditions of wartime shortages.

Keywords: The Great Patriotic War, the Avtopribor plant, the social functions of the enterprise, the department of labor supply (ORS), a subsidiary farm

For citation: Tryakhov I.S. Activity of the ORS of the Vladimir Avtopribor plant during the Great Patriotic War (1941—1945), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 103—113.

Статья поступила в редакцию 07.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.03.2024.

The article was submitted 07.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе/ Information about the author

Тряхов Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, ilja.tryahoff@yandex.ru

Tryakhov Ilya Sergeevich — Candidate of Sciences (History), Associate Professor of the Department History of Russia of the Vladimir State University named A.G. & N.G. Stoletovs, Vladimir, Russian Federation, ilja.tryahoff@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 114—124.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 114—124.

Научная статья

УДК 929.6

DOI: 10.46726/И.2024.2.13

ГЕРАЛЬДИКА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОТ ИМПЕРСКИХ СИМВОЛОВ К ГЕРБАМ СОВРЕМЕННЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аркадий Андрианович Корников

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Аннотация. Объектом исследования данной работы является геральдика Вологодского края от средневековья до современности. Впервые в историографии российской геральдики рассматривается история и развитие гербов данного региона, дается комплексный анализ современного состояния гербов муниципальных образований. Показывается, что формирование вологодской геральдики в XVIII—XIX веках было связано с появлением знамён русских полков в начале XVIII века и реформированием административно-территориальной системы в XVIII веке. Возрождение геральдики Вологодской области в начале 1990-х годов было обусловлено принятием конституции 1993 года, а также законами о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов. Показываются основные группы современных гербов муниципальных районов, городских округов, городских и сельских поселений. Рассматривается преемственность в развитии исторических и современных гербов. Анализируется происхождение и символика отдельных гербов, даются оценки перспектив дальнейшего развития геральдического пространства региона. Отмечаются особенности вологодской геральдики, отличающей её от геральдики других областей Российской Федерации.

Ключевые слова: Вологодская область, гербы, геральдика, символика эмблем, муниципальные образования

Для цитирования: Корников А.А. Геральдика Вологодской области: от имперских символов к гербам современных муниципальных образований // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 114—124.

Современные муниципальные гербы в последние десятилетия стали привычными элементами эмблематической среды российских муниципий. Их изображения мы встречаем на делопроизводственных документах, оформлении зданий местных органов власти, сувенирах. Районные, городские гербы, гербы сельских поселений рассказывают об истории этих территорий, их достопримечательностях, промыслах, географическом положении, о происхождении их названий. Встречаясь с данными гербами, мы не всегда задумываемся над их происхождением и символикой

Целью данной статьи является анализ развития геральдики Вологодской области от момента появления первых эмблем, символизирующих данный край в начале XVIII века, до настоящего времени. В частности, будут поставлены следующие задачи. Во-первых, показать истоки вологодской геральдики. Во-вторых, дать оценку её развития в дореволюционный период. В-третьих, показать развитие в новейший период отечественной истории. И, в-четвертых, подвести итоги современного состояния геральдики региона. Научная

актуальность поставленной проблемы обуславливается отсутствием обобщающих и глубоких исследований по данной теме. Имеется лишь небольшое количество работ, которые рассказывают об истории отдельных гербов региона, происхождении некоторых их эмблем [Гербы регионов России...; Гербы и флаги Вологодской...; Рево; Свириденко 1995; Свириденко 1996].

Формирование Вологодской геральдики связано с появлением знамён русских полков в начале XVIII века и реформированием административно-территориальной системы в XVIII веке. Впервые изображение вологодской эмблемы (выходящая из облака золотая рука с саблей, опирающаяся на золотой глобус (державу?), а над ним пальмовая ветвь) встречается в знаменном гербовнике 1712 года на знаменах Вологодского армейского и Вологодского драгунского полков [Татарников 2012: 145]. Вологодский пехотный полк был сформирован в 1700 году, Вологодский драгунский полк в 1705 году [Татарников 2008: 194, 260].

В проектах гербов, разработанных Ф. Санти в 1725—1727 годах для знамен русской армии, фигурируют еще два проекта вологодских гербов, отличающихся от образца 1712 года. Первый вариант представляет собой золотую державу с крестом, изображенную на фоне перекрещивающихся лазорево-серебряных столпа и пояса. Второй вариант — перекрещивающиеся волнистый золотой столб, окаймленный лазурью, и волнистый лазоревый пояс [Татарников 2012: 187—188]. Прототипом вологодской полковой эмблемы 1712 года послужил аллегорический рисунок под № 350 с подписью «Через железо и золото» из книги [Символы и эмблемата...: 118].

Описание и изображение вологодского герба было включено в знаменный гербовник 1729 г., составленный под руководством Б.К. Миниха и при участии художника А. Баранова: «Вологодской, против старого, держава золотая, за ней из облака рука с мечом белым с золотым эфесом, поле красное» [Гербовник знамен...: 2 об., 28].

Об устойчивости вологодской эмблемы свидетельствует тот факт, что она была воспроизведена в фейерверке, организованном перед императорским дворцом во время встречи нового 1761 года [Новый год...: 11]. Данная эмблема была воспроизведена во время фейерверка наряду с другими гербами 16 губерний России, несмотря на то, что в тот период Вологодская губерния не существовала, а была Вологодская провинция в составе Архангелогородской губернии.

Официальное утверждение вологодского герба, а также других гербов региона происходит в связи с реформой административно-территориального управления России конца XVIII в., в ходе которой началось массовое создание символов для российских городов. В 1780 году было образовано Вологодское наместничество. Центром наместничества становится город Вологда. В наместничество вошли три области: Архангельская, Вологодская и Великоустюжская. В 1784 году из Вологодского наместничества выделилось Архангельское наместничество, которое в 1796 году преобразовано в Архангельскую губернию. Из оставшихся уездов Вологодского наместничества в 1796 году была образована Вологодская губерния.

На основании высочайше утвержденного 2 октября 1780 г. Екатериной II доклада Сената «О гербах Вологодского Наместничества» были введены 18 гербов наместничества. В соответствии с принятой на тот момент моделью гербовый щит большинства из них (кроме «старых», т. е. составленных ранее) делился горизонтально на две равные части. В верхней части помещался герб наместничества, указывавший на административную принадлежность города, а в нижней — индивидуальные эмблемы, которые символизировали

географические, природные, экономические, исторические и иные особенности уездов. Вологодский герб имел следующее описание: «В красном поле щита видна выходящая из облака рука, держащая золотую державу с серебряным мечом» [Полное собрание законов 1830: 990].

Вологодский герб занимал верхнюю часть поля всех уездных гербов (за исключением Архангельска и Великого Устюга), в нижних частях были: у города Вельска — дегтем наполненная бочка в золотом поле, Грязовца — машина, употребляемая для крашения полотен, Кадникова — кадка, наполненная смолою, Колы — кит в голубом поле, Красноборска — две красного цвета сосны в серебряном поле, Лальска — две куницы кожи в золотом поле, Мезени — красная лисица в серебряном поле, Никольска — суслон, сложенный из ржаных снопов, в зеленом поле, Онеги — рыба семга в голубом поле, Пинеги — два рябчика в золотом поле, Сольвычегодска — две ступки соли в красном поле, Тотьмы — черная лисица в золотом поле, Усть-Сысольска — медведь, лежащий в берлоге в голубом поле, Шенкурска — барсук в зеленом поле, Холмогор — квадрант в голубом поле, Яренска — две белки натурального цвета в серебряном поле. В гербах Архангельска и Великого Устюга, относящихся к числу старых гербов, были изображены: у Архангельска — архангел на коне, поражающий дьявола, у Великого Устюга — лежащий на берегу Нептун, увенчанный лавровым венцом, держащий в обеих руках красные кувшины, из которых льется вода.

В 1784 году из Вологодского наместничества выделилась Архангельская область с семью уездами — Архангельским, Кольским, Мезенским, Онежским, Пинежским, Холмогорским и Шенкурским. В 1796 году на основе оставшейся территории Вологодского наместничества была образована Вологодская губерния с десятью уездами: Великоустюгским, Вельским, Вологодским, Грязовецким, Кадниковским, Никольским, Сольвычегодским, Тотемским, Усть-Сысольским, Яренским. Уездные города, а также два заштатных города Красноборск и Лальск, сохранили гербы, утвержденные в 1780 году.

Для геральдики Вологодской губернии характерно доминирование эмблем, показывающих развитие различных промыслов на территории уездов: Грязовец — отбелка полотна, Вельск — производство и торговля дегтем, Сольвычегодск — добыча соли. Среди гербовых эмблем лесного региона много эмблем, указывающих на промысел пушного зверя: Тотьма — лисица, Усть-Сысольск — медведь, Яренск — две белки, Лальск — две куничьи шкурки. Можно отметить также, что среди гербов региона есть уездные гербы, имеющие гласный характер: на гербе города Кадников изображена кадья, на гербе Красноборска — две красные сосны.

С образованием губернии герб Вологды стал губернским вплоть до 1878 года, когда был утверждён новый губернский герб, а старый стал считаться гербом Вологодского уезда. В 1850—1880-е в России проводилась масштабная реформа, изменившая внешний вид многих территориальных гербов. 5 июля 1878 г. был высочайше утверждён новый герб Вологодской губернии: «В червленом щите выходящая из серебряного облака в золотом одеянии рука, держащая золотую державу и серебряный меч. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою (голубой. — А. К.) лентою» [Гербы губерний и областей: 9]. Новые элементы (корона, лента, листья) были общими для гербов всех губерний Российской империи.

В 1859—1863 годах в рамках реформы, проводившейся управляющим гербового отделения департамента герольдии Сената Б.В. Кёне, были подготовлены проекты новых гербов для уездных городов, в том числе и для ряда городов Вологодской губернии. В частности, были разработаны проекты новых гербов

для Вологды, Грязовца, Великого Устюга, Кадникова, Тотьмы, Никольска. Однако все эти проекты остались неутверждёнными [Свириденко 2002: 19].

Вологодские гербы использовались на должностных знаках, печатях, бланках, местных изданиях и др. На основе цветов губернского или наместнического гербов создавались мундиры чиновников. Так, в конце XVIII века вологодским чиновникам, исходя из гербовых цветов наместничества, было указано носить светло-синий кафтан с черными обшлагами, лацканами, воротником и камзолом белого цвета с желтыми пуговицами [Изображения губернских...: 4].

Новый этап в развитии региональной геральдики наступает после 1917 года. Местные дореволюционные гербы юридически не были отменены, но на печатях областных, районных, городских учреждений использовали изображения гербов СССР и РСФСР. Советская символика (пятиконечная звезда, серп и молот, силуэт кремлёвской башни) использовалась в декоративном убранстве улиц, домов, официальных помещений. Такая ситуация вполне логично вытекала из особенности советской системы государственного управления. Областные и городские гербы — это символы определенных прав местного самоуправления. Для советской же государственной системы была характерна жесткая централизация, ограничение прав местного самоуправления. Кроме того, сказывалось настороженное отношение к геральдике как научной дисциплине, характерное для СССР в 1920—1950 годах, когда она рассматривалась как некий пережиток старого феодального общества.

Необходимо отметить некоторые изменения в административно-территориальном делении региона. Территория нынешней Вологодской области в 1918—1929 годах входила в состав Вологодской губернии, частично Череповецкой губернии (1918—1927) и Северо-Двинской губернии (1918—1927). В 1929—1936 гг. — в составе Северного края (с 1936 года Северная область). В 1937 году из Северной области выделяется Вологодская область с присоединением ряда районов Ленинградской области. В настоящее время Вологодская область — субъект Российской Федерации.

В конце 1950-х — начале 1960-х годов, в связи с усилением в стране общего интереса к истории, краеведению, старинным памятникам архитектуры постепенно меняется и отношение к геральдике, гербам. Последние начинают рассматриваться не как пережиток эксплуататорского общества, а как памятники культуры, исторические источники, рассказывающие об истории города и области, средство воспитания в духе гражданственности и патриотизма. Эта идея часто подхватывалась местными властями, которые нередко видели в разработке герба способ показать свою активность, обратить на себя, свой город внимание со стороны общественности, вышестоящих партийных и советских органов. Поэтому начиная с середины 1960-х гг. в ряде советских городов разрабатываются и новые советские гербы [Корников: 199—201].

По имеющимся сведениям, в Вологодской области за годы советской власти было разработано и утверждено местными органами власти восемь гербов — Бабаево (1975), Белозерска (1971), Вологды (1967), Кадникова (1980), Кириллова (1971), Никольска (1970), Сокола (1972), Харовска (1968) [Кривошапка, Марков; Соболева 1998: 190—195; Борисов: 119—128].

Хронологически первым был утвержден герб города Вологды. Он был утвержден Решением Вологодского горисполкома от 31 мая 1967 г. В центре герба был изображен лось. Гербовое поле было рассечено лазурью и зеленью. В верхней лазуревой части изображена ладья и цифра 1147, в нижней зеленой части — ель. Типичным советским гербом был также герб города Никольска, утвержденный в 1970 году: «Щит пересечен золотым поясом, обременённым

пятью серебряными восьмилучевыми звездами. В верхнем лазуревом поле золотые ржаной и льняной снопы, сопровождаемые названием города. В верхнем правом углу щита цифры 1780. В нижнем зеленом поле серебряные контуры трелевочного трактора, который справа сопровождают две серебряные же ели» [Соболева 1998: 194]. Сноп пшеницы и лен должны символизировать развитие сельского хозяйства, а трелёвочный трактор и ели — лесообрабатывающую промышленность. Цифра 1780 указывала на дату образования города. Некоторое исключение из советских гербов представляет герб города Сокола. Он был построен по принципу гласного герба, так как в гербовом щите изображена фигура сокола с раскрытым клювом и распростертыми крыльями. Данная эмблема символизировала название города. Помимо этого, в герб были внесены: в верхнюю часть герба Государственный флаг РСФСР, а на рулоне бумаги, на котором стоит сокол, цифры 1932 — год получения Соколом статуса города.

Гербы, разработанные в данный период, были выполнены людьми, не имевшими геральдического образования, поэтому гербы обладали недостатками, свойственными многим гербам советского периода. В них нарушались правила геральдики: в гербовом поле металл накладывался на металл, на гербовом щите давали названия города или дату его образования.

Характерной чертой многих гербов было стремление отразить в первую очередь наличие в данном городе тех или иных отраслей народного хозяйства, действующих промышленных предприятий.

Вместе с тем необходимо отметить и другое. В ряде советских городов Вологодской области просматривается стремление включить в герб элементы дореволюционных гербов. Так, в герб города Белозерска 1970 года были включены в нижнюю часть две накрест положенные рыбы, имевшиеся в старинном гербе 1781 года (в советском гербе они названы стерлядями) [Соболева 1998: 193]. В советский период гербы имели чисто декоративное значение, их изображали на значках, плакатах, в оформлении улиц и площадей, но на печатях местных учреждений по-прежнему использовали изображения герба РСФСР. В настоящее время из восьми советских гербов только герб города Сокола был востребован в современной геральдике Вологодской области. Этот герб после геральдической доработки был принят в 2000 году в качестве герба Сокольского района и города Сокол, после чего утвержден Геральдическим советом при Президенте и занесен в Геральдический регистр России.

Бурное развитие геральдики Вологодской области начинается с начала 1990-х годов. Толчком к этому послужили распад Советского Союза, слом советской государственной машины, принятие конституции 1993 года, а также законов о местном самоуправлении 1995 и 2003 годов.

29 сентября 1995 г. решением Законодательного собрания Вологодской области был принят закон № 5-ЗО «О гербе Вологодской области», подписанный губернатором области 11 октября 1995 г. (№ 35-ОЗ). В соответствии с этим законом за основу герба области был принят исторический герб Вологодской губернии: «В червленом (красном) поле выходящая из серебряных облаков десница в золотом одеянии, держащая золотую, украшенную драгоценными камнями державу и серебряный меч с золотым эфесом, положенный в перевязь; во главе щита — российская императорская корона, как она изображалась в губернских гербах, с развевающимися лазоревыми (синими, голубыми) лентами».

Данное описание в целом повторяло описание губернского герба 1878 года за небольшими деталями. В частности, из изображения 1878 года убрали увенчивающую щит императорскую корону, золотой дубовый венок с Андреевской лентой. Выходящая рука в областном гербе была названа «десницей», державу была

украшена «драгоценными камнями», а в главу геральдического щита была введена российская императорская корона. По мнению разработчиков герба, императорская корона должна символизировать исторический, государственный и территориальный статус Вологодской земли [Гербы и флаги: 7].

Решением Президиума Вологодского горсовета народных депутатов № 223 от 11 апреля 1991 г. был восстановлен исторический герб города Вологды 1780 года. Решением № 38 от 7 июля 1994 г. «Об утверждении эталона герба города Вологды» Совет самоуправления Вологды (городская дума) внес поправки в описание герба и утвердил эталон рисунка. В этом документе в целом сохранилось описание герба 1780 года.

В 2003 году Решением Вологодской городской Думы № 620 от 19 июня был утвержден парадный герб Вологды. В этом варианте герб города был дополнен: венчающей геральдический щит золотой башенной короной о пяти видимых зубцах, каждый из которых заканчивается тремя малыми зубцами; щитодержателями в виде стоящих на зеленом холме юношей с золотыми волосами в серебряных ризах, обутых золотом и с золотыми рукавами, видными из-под риз, правый юноша держит воздетый серебряный меч с золотой рукоятью в правой руке, левый — в левой; лентой ордена Октябрьской Революции, опоясывающая снизу зеленый холм. Этот вариант герба города был одобрен Геральдическим Советом при Президенте и внесён в Геральдический регистр Российской Федерации под № 1985 [Геральдика].

В соответствии с законодательством о местном самоуправлении на начало 2021 года в Вологодской области имелось 207 муниципальных образований. Из них 28 являются муниципальными образованиями второго уровня (городские округа и муниципальные районы) и 179 — первого уровня (сельские и городские поселения). Из 28 муниципальных образований второго уровня на начало 2021 года 27 имели гербы, полностью оформленные, т. е. они были утверждены органами местного самоуправления, были зарегистрированы Геральдическим советом при Президенте Российской Федерации и внесены в Государственный геральдический регистр нашей страны. Герб городского округа Череповец был принят Постановлением Череповецкой городской Думы от 28.10. 2002 № 128 от 28 октября 2002 г., но не зарегистрирован Геральдическим советом при Президенте РФ.

Из 179 муниципальных образований первого уровня утвержденные гербы имеют 5 городских поселений (Бабаево, Вытегра, Грязовец, Сокол, Устюжна). Ни одно сельское поселение не имеет герба. Таким образом, на начало 2021 года гербы, утвержденные органами местного самоуправления и внесённые в Геральдический регистр, имели лишь 31 муниципальных образования области, что составляет 15 % от количества муниципальных образований.

Ряд городских поселений (Кадников, Тотьма и Устюжна) используют на сайтах администрации в качестве символов своих муниципий дореволюционные гербы в том виде, как их утвердили в 1780 году, т. е. с делением гербового щита горизонтально на две равные части, в верхней — герб наместничества, в нижней части — эмблема уездного города. При этом данные гербы в таком виде не были одобрены Геральдическим советом при Президенте РФ и не внесены в Государственный геральдический регистр.

Такая же ситуация с гербом городского округа Череповец, где в качестве символа округа используется дореволюционный герб в том виде, в котором он был утвержден в 1811 году, когда Череповец был уездным городом Новгородской губернии. На сайте администрации Харовского городского поселения в качестве символа поселения используется советский герб 1968 года. Имеется

также герб села Ферапонтово Кирилловского района, утвержденный местной администрацией 13 февраля 1996 г., но не зарегистрированный в Государственном геральдическом регистре [Борисов: 128].

Все имеющиеся муниципальные гербы условно можно разделить на несколько групп. Первая группа — это гербы муниципальных образований, разработанные на основе исторических дореволюционных гербов. В неё входят гербы одиннадцати муниципий: Белозерского, Великоустюжского, Вытегорского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тотемского, Устюженского муниципальных районов; городского округа Вологда; городских поселений Вытегра, Грязовец. Говоря о гербе Грязовецкого городского поселения, необходимо отметить, что он имеет тот же герб, что и муниципальный район, на территории которого он находится. Положение о совместном использовании герба муниципальным районом и городским поселением зафиксировано нормативным документом «Положение о гербе Грязовецкого муниципального района», утвержденном постановлением Земского собрания Грязовецкого муниципального района 23 февраля 2001 года № 20 [Геральдика].

Вторая группа — гербы муниципальных образований, не имеющие исторической основы и заново разработанные в последние годы Союзом геральдистов России или местными авторами. Это наиболее многочисленная группа, и к ней можно отнести гербы 20 муниципий.

Вначале рассмотрим примеры гербов первой группы. Город Тотма получил свой герб в 1780 году. На гербе было изображено: «В первой части щита герб Вологодский. Во второй части черная лисица, в золотом поле — в знак того, что жители того города в ловле тех зверей упражняются». На основе исторического герба решением Тотемского районного муниципального собрания № 86 от 19 июня 2001 г. был принят современный герб, имеющий следующее геральдическое описание: «В золотом поле — черная лисица с серебряным концом хвоста. В левой вольной части — герб Вологодской области» [Heraldicum].

Особенностью геральдики Вологодской области является то, что в современной областной геральдики используется историческое наследие не только Вятской губернии, но и тех городов, которые до революции входили в соседние губернии. В частности, в состав области вошло ряд городов, входивших в дореволюционный период в состав Новгородской губернии, — Белозерск, Вытегра, Кириллов, Устюжна, Череповец. Так, герб уездного города Вытегра, принятый в 1781 году, имел следующее описание. В верхней части изображался герб Новгородский, а в нижней: «В золотом поле часть кормы галиотной, на которой поставлен распущенный российский купеческий флаг, ибо в сем городе производится строение такого рода судов, и мещане оными торгуют». На основе этого исторического герба были составлены два современных муниципальных герба. Решением представительного собрания местного самоуправления Вытегорского района № 330 от 20 апреля 2003 г. был утвержден районный герб: «Щит разделен на две части: в верхней, большей, в золотом поле — часть кормы галиота, на котором поставлен распущенный российский купеческий (коммерческий) флаг, в нижней части, меньшей, на голубом поле — нижняя часть кормы галиота. В левом углу — герб Вологодской области».

Решением городского Совета МО «город Вытегра» № 170 от 22 августа 2007 г. был принят герб городского поселения со следующим описанием: «В золотом поле корма купеческого судна (галиота) натуральных цветов, на которой поставлен на флагштоке развивающийся вправо российский флаг (из трёх горизонтальных полос: верхней — серебряной, средней — лазоревой и нижней — червлёной). В левой вольной части — герб Вологодской области.

Щит увенчан муниципальной короной установленного образца». Отличие районного герба от герба городского поселения заключается в том, что в геральдический щит первого введена голубая оконечность [Геральдика].

Такова группа муниципальных гербов, созданных на основе исторических гербов. Необходимо отметить, что при трансформации исторических гербов в современные из исторических гербов, эмблема из верхней части герба, указывающая на вхождение этого города в состав соответствующей дореволюционной губернии, включалась в вольную часть. Это оговаривалось в положении о гербе данного муниципального образования. Однако необходимо отметить, что некоторые муниципальные образования пытались сохранить исторические гербы в том виде, в котором они были утверждены в конце XVIII века. При этом, что в верхней части герба была эмблема исторически другого региона. По этой причине до сих пор не зарегистрирован в Геральдическом регистре герб городского округа Череповец.

В целом необходимо отметить, что регион отличается большим количеством гербов, опирающихся на исторические традиции — 37 % из числа имеющих гербы. Такая ситуация далеко не случайна, так как Вологодская область относится к числу исконных территорий России, имеющих богатое историческое прошлое, в том числе и геральдическое.

Вторую, достаточно многочисленную группу гербов (63 %), составляют гербы, созданные в последние 25—30 лет. Её можно условно разделить на несколько подгрупп: 1) гласные гербы; 2) гербы, отражающие развитие различных отраслей экономики (промышленности, сельского хозяйства); 3) гербы, отразившие природные, географические особенности муниципий; 4) гербы, запечатлевшие исторические события или исторические памятники. Рассмотрим первую подгруппу — гласные гербы. К данной категории, как известно, относятся гербы, гербовые фигуры которых, цвета, металлы указывают на название города или района, которым принадлежит герб. Данные гербы являются наиболее «геральдическими», и на их создание в первую очередь направлены рекомендации и Геральдического совета при Президенте РФ, и Союза геральдистов России.

К этой категории относятся гербы 2 муниципальных образований: Сокольского муниципального района и городского поселения Сокол. Данные муниципальные образования имеют один герб: «В зеленом поле включенный лазоревый (голубой, синий) столб. Поверх всего — пониженный золотой сокол-сапсан с воздетыми распростертыми крыльями, сидящий на серебряном свитке. В вольной части — герб Вологодской области». Положение о совместном использовании герба муниципальным районом и городским поселением зафиксировано нормативным документом — «Положением о гербе Сокольского муниципального района», утвержденном постановлением Совета самоуправления Сокольского муниципального района № 300 от 26 июня 2003 г. [Геральдика].

Подгруппа гербов, рассказывающих об отраслях промышленности, сельского хозяйства в Вологодской области немногочисленна — 6 гербов, что составляет примерно 19 % от всех имеющихся гербов. В этих гербах в первую очередь встречаются изображения сельскохозяйственных растений, выращиваемых в данной муниципии. Так, на гербах Сямженского района изображены пять золотых колосьев, Бабушкинского района — три золотых колоса и соляной колодец — символ соляного промысла. Особенно интересен герб Кадуйского района: «В зеленом поле — тонко окаймленная серебром фигура, образованная соединенным лазоревым столбом и пониженным острием, обремененная падающей золотой громовой стрелой, а в оконечности — серебряным карпом, и сопровождаемая по сторонам золотыми бочонками: справа —

бочонком для масла, слева — бочонком для вина. В левой вольной части — герб Вологодской области». Громовая стрела символизирует Череповецкую ГРЭС. Рыба карп символизирует ОАО «Кадуйрыба», расположенное на термальных водах Череповецкой ГРЭС. Бочонок для масла символизирует ОАО «Севертара», специализирующееся на выпуске упаковки для пищевых продуктов. Бочонок для вина символизирует ОАО «Кадуйский винодельческий завод», производящий настойки из местного сырья [Heraldicum].

Достаточно большую группу (28 %) составляют гербы, в которых нашли отражение географические и природные особенности муниципий. В частности, в гербах часто встречаются эмблемы, символизирующие многочисленные реки, протекающие по территории региона — гербы Бабаевского, Верховажского, Междуреченского, Нюксенского, Тарногского, Харовского муниципальных районов. Реки Вага, Кубена, Суда, Сухона, Тарога, Шуя, протекающие по данным районам, изображаются голубыми перевязями, малым щитом синего цвета, серебряным вилообразным крестом.

Четвертую небольшую группу составляют гербы, в которых запечатлелись исторические события, связанные с данным районом, его историко-архитектурные памятники (Вашкинский, Вожегодский, Кичменгско-Городецкий). В этом отношении интересен герб Вашкинского муниципального района. В серебряном поле этого герба изображена червленая княжеская шапка с горностаевой опушкой. Она напоминает легенду о том, что на северном берегу Белого озера был основан один из первых русских городов — Белоозеро, в районе нынешнего села Киснема, первым князем которого был варяг Синеус. В XIII—XV веках территория Вашкинского района входила в состав удельного Белозерского княжества.

Гербы Вологодского края активно изображаются не только на печатях областных, городских и сельских администраций, но и в убранстве улиц городов, посёлков. Геральдические эмблемы часто воспроизводятся на Вологодских сувенирах, на продукции предприятий. Завершая наш обзор геральдики области, можно отметить следующие её характерные черты.

Во-первых, большая часть муниципальных образований области еще не имеют своих гербов (около 70 %). Это гораздо больше, чем в соседних регионах. Во-вторых, для геральдического пространства края характерно то, что значительное количество муниципальных образований имеют гербы, основывающиеся на исторических символах, созданных ещё до революции.

В-третьих, среди вновь разработанных гербов в последние 25—30 лет доминируют гербы, отражающие географические и природные особенности муниципий. В частности, в гербах часто встречаются эмблемы, символизирующие многочисленные реки, протекающие по территории региона.

Таким образом, существующее геральдическое пространство области в целом передаёт историю, географию, природные условия этого старинного российского края, но вместе с тем ставит перед местными властями задачу по дальнейшей разработке гербов для муниципий, не имеющих своих символов, используя геральдические наработки прошлого и современности.

Список источников

- Геральдика.ру URL: <http://www.geraldika.ru> (дата обращения: 01.12.2023).
Гербовник знамен Российской империи, содержащий рисунки гербов городов, провинций, а также знамен полков, их гербов и знаков // РГИА. Ф. 1411. Оп. 1. Д. 1.
Гербы губерний и областей Российской Империи. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1880. 83 с.

- Гербы регионов России. № 39. Вологодская область. М.: ЗАО АРИА-АиФ, 2016. 16 с.
- Гербы и флаги Вологодской области (справочник). Вологда: Издательство Вологда, 2009. 88 с.
- Изображения губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров. СПб., 1794. 16 с.
- Новый год: Желания Всероссийской империи и благополучное оных исполнение увеселительными огнями аллегорически изображенныя, и в знак всенароднаго усердия... государыне Елисавете Петровне... в первый вечер 1761 года, пред Зимним императорским домом в Санктпетербурге представленные. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1761. 16 с.
- Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое Т. XX. СПб.: Тип. 2-го Отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830, 1034 с.
- Символы и эмблемата. 1-е изд. Амстердам, 1705; послед. изд.: Эмблемы и символы. М.: Изд-во: Интрада, 2000. 368 с.
- Татарников К.В. Русская полевая армия 1700—1730. Обмундирование и снаряжение. М.: Любимая книга, 2008. 352 с.
- Татарников К.В. Знамена и гербы полков Российской армии царствования Екатерины I и Петра II (1725—1730) // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 51—215.
- Heraldicum. URL: <http://www.heraldicum.ru> (дата обращения: 01.11.2023).

Список литературы / References

- Борисов И.В., Козина Е.М. Геральдика России. М.: АСТ, Астрель, 2005. 424 с.
(Borisov I.V., Kozina E.M. Heraldry of Russia, Moscow, 2005, 424 p. — In Russ.)
- Корников А.А. Российская геральдика: курс лекций. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019. 236 с.
(Kornikov A.A. Russian heraldry. A course of lectures, Ivanovo, 2019, 236 p. — In Russ.)
- Кривошапка А.И., Марков В.Л. Алфавитный каталог городов, поселков, сел, губерний и областей России, СНГ, бывших союзных республик СССР, имеющих старые и современные гербы // Гербовед. 1993. № 1. С. 6—43.
(Krivoshapka A.I., Markov V.L. Alphabetical catalog of cities, towns, villages, provinces and regions of Russia, CIS, former Soviet Union republics with old and modern coats of arms, *Herbologist*, 1993, no. 1, pp. 6—43. — In Russ.)
- Рево О. Гербы городов Вологодской и Архангельской губерний // Наука и жизнь 1982. № 6. С. 58—59.
(Revo O. Coats of arms of the cities of Vologda and Arkhangelsk provinces, *Nauka i zhizn'*, 1982, no. 6, pp. 58—59. — In Russ.)
- Свириденко О. Неизвестные гербы вологодских городов второй половины XIX века // Русский Север. 2002. 20—26 ноября. № 47 (1398).
(Sviridenko O. Unknown coats of arms of Vologda cities of the second half of the nineteenth century, *The Russian North*, 2002, 20-November 26th. no. 47 (1398). — In Russ.)
- Свириденко О. Проблемы современной геральдики Вологодчины // Гербовед. 2005. № 84. С. 148—153.
(Sviridenko O. Problems of modern heraldry of Vologda region, *Herboved*, 2005, no. 84, pp. 148—153. — In Russ.)
- Свириденко О.В. Новый герб Вологды // Гербовед. 1996. № 9. С. 70—71.
(Sviridenko O. V. New coat of arms of Vologda, *Herbologist*, 1996, no. 9, pp. 70—71. — In Russ.)
- Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.
(Soboleva N.A. Russian city and regional heraldry of the XVIII—XIX centuries, Moscow, 1981, 263 p. — In Russ.)

Соболева Н.А. Гербы городов России: альбом-справочник. М.: Профиздат — Отечество, 1998. 480 с.

(Soboleva N.A. Coats of arms of Russian cities. Album-reference, Moscow, 1998, 480 p. — In Russ.)

Чеботарев Х. Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще. М.: Университетская типография, 1776. 540 с.

(Chebotarev H. Geographical methodical description of the Russian Empire with a proper introduction to a thorough knowledge of the globe and Europe in general, Moscow, 1776, 540 p. — In Russ.)

HERALDRY OF THE VOLOGDA REGION: FROM IMPERIAL SYMBOLS TO THE COATS OF ARMS OF MODERN MUNICIPAL

Arcady A. Kornikov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Abstract. The object of the study is the heraldry of the Vologda Region from the Middle Ages to the present. For the first time in the historiography of Russian heraldry, the history and development of the coats of arms of this region are considered, and a comprehensive analysis of the current state of the coats of arms of municipalities is given. It is shown that the formation of Vologda heraldry in the XVIII—XIX centuries was associated with the appearance of Russian regiments banners at the beginning of the XVIII century and the reform of the administrative-territorial system in the XVIII century. The revival of heraldry in the Vologda Region in the early 1990s was due to the adoption of the 1993 Constitution, as well as the laws on local government in 1995 and 2003.

The main groups of modern coats of arms of municipal districts, urban districts, urban and rural settlements are shown. The continuity in the development of historical and modern coats of arms is considered. The origin and symbolism of individual coats of arms are analyzed, and the prospects for further development of the heraldic space of the region are assessed. The peculiarities of Vologda heraldry, which distinguishes it from the heraldry of other regions of the Russian Federation, are noted

Keywords: Vologda region, coats of arms, heraldry, symbols of emblems, municipalities

For citation: Kornikov A.A. Heraldry of the Vologda region: from imperial symbols to the coats of arms of modern municipalities, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 114—124.

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024; принята к публикации 19.03.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 19.02.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Корников Аркадий Андрианович — доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, histgerb@mail.ru

Kornikov Arcady Andrianovich — Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, histgerb@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 125—133.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 125—133.

Научная статья

УДК 94(519):327.54+930.2

DOI: 10.46726/И.2024.2.14

ПРЕДЫСТОРИЯ И РАЗВИТИЕ КОНФЛИКТА В КОРЕЕ 1950—1953 ГГ. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Владимир Вадимович Рыбак

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voldemarrybak@yandex.ru

Аннотация. Вниманию читателей предлагается статья, посвящённая изучению Корейской войны 1950—1953 гг. с позиций участников конфликта с обеих противоборствующих сторон. Эта война является первым вооружённым конфликтом двух идеологий: социалистической и капиталистической. Корейский вопрос в своём развитии прошёл через различные по форме и содержанию этапы — от войны 1950—1953 годов до сближения и сотрудничества КНДР и РК в 2000—2002 годах. Однако до сих пор он остаётся трудной и сложной для решения проблемой. Советский Союз на протяжении длительного времени был безоговорочным сторонником КНДР, однако с распадом социалистической системы претерпели изменения и взгляды на корейский конфликт. Взгляды сторонников Южной Кореи со временем сильно не поменялись, хотя и они отличаются друг от друга. В данной статье с помощью метода историзма проанализированы сборники, монографии и статьи отечественных и зарубежных авторов, чьи исследования затронули корейскую проблему. На их примере будет продемонстрировано: 1) насколько сильно отличались оценки конфликта в СССР и США; 2) как менялась позиция в СССР и постсоветской России в зависимости от внешнеполитического вектора нашей страны в конкретное время; 3) на что больше обращают внимание сторонники Южной Кореи.

Ключевые слова: Корея, конфликт, Холодная война, СССР, Запад

Для цитирования: Рыбак В.В. Предыстория и развитие конфликта в Корее 1950—1953 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 125—133.

В отечественной историографии до 1985 года прослеживалась единая парадигма мнений — КНДР (Корейская Народная Демократическая Республика) является подлинной Кореей, которая должна была объединить собой весь полуостров. Что касается Республики Корея (Южной Кореи), то здесь советская историография была также однозначна — это не самостоятельное государство, созданное по воле корейского народа, а искусственное квазигосударство, образованное «кликлой лисынмановцев», поддерживаемых внешними силами. Под последними подразумевался Запад, в частности — Соединённые Штаты Америки как главный оплот капитализма в мире.

Власти Севера заявляли о постоянных провокациях со стороны южнокорейских войск. Так, по мнению правительства КНДР, «подготавливая нападение на Северную Корею, лисынмановцы расширили военные провокации в районе 38-й параллели. Только с января по декабрь 1949 г. они совершили

1836 вооружённых вторжений на территорию Северной Кореи. Во второй половине мая 1950 г. их провокационные действия по всей линии 38-й параллели участились» [Гафуров и др.: 225]. Самых южнокорейцев руководство северян характеризовало как «заблудших граждан единой Кореи», правительство Южной Кореи называли «предательской кликой Ли Сын Мана», а за основу в будущем единой Кореи брали северокорейское общество во главе с коммунистическим правительством.

Основными виновниками разжигания конфликта в Корее советские авторы видели Соединённые Штаты Америки. Других вариантов после начала Холодной войны у советского руководства быть не могло. С исчезновением общего врага у двух сверхдержав больше не осталось поводов сохранять союз, что в итоге было подчёркнуто в Фултонской речи бывшего премьер-министра Великобритании У. Черчилля в марте 1946 года. Корея, только что пережившая японскую оккупацию, таким образом, стала невольной жертвой противостояния двух систем. Так, Ю.М. Мельников в 1983 году писал: «В то время как Северная Корея пошла в послевоенные годы по пути свободного, демократического и мирного развития, США делали всё, чтобы превратить юг страны в свою полуконию, помешать корейцам самим и мирным путём решать судьбу своей родины» [Мельников: 70]. Подобная риторика взяла своё начало в годы Корейской войны. Впоследствии она будет неоднократно повторяться уже в иных конфликтах на других участках земного шара. Основной особенностью историографии была бескомпромиссность суждений по отношению к противнику, безоговорочная поддержка действий советских и просоветских сил, занижение собственных потерь и, наоборот, завышенная оценка потерь противников.

Устоявшийся подход к конфликтам между двумя системами и к Холодной войне начал меняться с началом в СССР перестройки (1985—1991 гг.). Этот период вошёл в историю под знаком постепенной демократизации сложившегося в СССР общественно-политического и экономического строя. В том числе это касалось и ранее неопровержимых постулатов, принятых в отечественной историографии. В советских работах этого времени противники СССР воспринимались теперь не как непримиримые враги, а как достойные соперники. Более взвешенно вёлся анализ сил Запада, прежде всего Соединённых Штатов Америки. Известный советский корреспондент В.В. Овчинников, описывая процессы, происходящие в мире после 1945 года, подчёркивал, что больше всего во Второй Мировой войне выиграли США: «На территорию США не упала ни одна вражеская бомба. Индустриальный потенциал страны не только не пострадал, но неизмеримо возрос благодаря военным заказам... К этому небывалому сочетанию мощи и богатства добавилось и атомное оружие. С началом Холодной войны СССР рисковал быть втянутым в войну с ещё более сильным противником, уже испытавшим ядерное оружие в Японии» [Овчинников: 131].

Рассуждения о конфликте внутри Кореи стали более нейтральными. В разгар перестройки в Советском Союзе зародился ранее недопустимый плюрализм политических движений. В работе «СССР и Корея» 1988 г. это явление подчёркивалось описанием попытки организации многопартийности в ещё формально единой, мирной Корее: «Совещание состоялось 19—30 апреля 1948 г. в Пхеньяне; на нём присутствовали 695 делегатов от 56 партий и организаций, представлявших в общей сложности около 10 млн человек. Из Южной Кореи прибыли 395 делегатов. На совещании объединились патриотические силы левых, умеренных и даже части правых партий и организаций» [Капица: 179].

Само по себе присутствие каких-либо иных движений, кроме левых, не воспринималось в тексте как крамола, но тот факт, что их упоминание уже допускалось в советской историографии, свидетельствует о том, что перестроечная политика гласности проникла и в сферу международных отношений. Тем не менее в годы перестройки до 1991 года отечественная историография придерживалась идеологически выверенной позиции, допуская рассуждения и мягкую критику действий советского руководства в годы Корейской войны, но не допуская резкого уклона от устоявшейся за годы Холодной войны парадигмы.

В *отечественной историографии с 1991 года*, с окончанием Холодной войны и распадом СССР как главного оплота коммунистических сил, взгляд на конфликт в отечественной историографии изменился намного сильнее. Теперь авторы допускали всё больше антисоветских суждений в ходе анализа корейского конфликта. Допускаются уже более смелые формулировки в отношении внешней политики СССР в годы Холодной войны. Если В.В. Овчинников писал в годы перестройки о том, что СССР рисковал вступить в войну с США, то Е.И. Подрепный подчёркивал, что советскому руководству после окончания Второй Мировой войны просто повезло не ввязаться в ещё более крупный, заведомо проигрышный конфликт: «Американский истеблишмент удерживали в развязывании воздушно-атомной войны против СССР только мощные советские танковые армии, стоявшие в центре Европы» [Подрепный: 16]. В работе А.С. Полехина присутствовало суждение о том, что США изначально не планировали вступаться за южнокорейцев, в чём усматривается завуалированное обвинение в развязывании войны на Корейском полуострове в адрес СССР: «В начале 1950 г. госсекретарь США Д. Ачесон, сенатор Т. Коннели и генерал Д. Макартур заявили, что корейский полуостров не входит в “периметр обороны США”» [Полехин: 25]. В другой работе «Засекреченные войны» 2005 г. и вовсе вина за начало войны возлагается на Север безоговорочно: «даже если имела место провокация со стороны Сеула, то реакция Пхеньяна была неадекватной и далеко выходила за рамки “отпора” или “наказания”...» [Ачкасов 2005: 4]. Таким образом, был отвергнут существовавший десятилетиями в советской историографии постулат о том, что война была навязана Югом и Северу пришлось защищаться. Даже наличие тезиса о том, что атака северокорейских войск была вынужденным контрнаступлением, а не наступлением, не оправдывает КНДР. В уголовном праве такое бы назвали «превышением пределов допустимой самообороны».

В целом на рубеже 1990—2000-х годов в отечественной историографии наблюдался кардинальный пересмотр ранее незыблемых выводов о советском наследии. Отмечалось, что Советский Союз переоценивал угрозу, исходившую от Запада. Кроме этого, по мнению авторов, советское правительство на внешнеполитической арене действовало не в соответствии с теми силами и ресурсами, которыми располагал СССР. Как правило, это сопровождалось тезисами о несравнимых потерях СССР и США, понесённых в ходе Второй Мировой войны. Критика по отношению к советскому руководству в контексте несоответствия целей и вложенных в них средств относилась и к послевоенному периоду 1945—1949 годов. Отмечалось, что создание атомной бомбы (наличие которой позволило СССР вести более уверенную силовую политику на Востоке) далось советскому государству дорогой ценой: «До двух третей ассигнований на науку поглощала та её часть, которая работала на оборону. Руководство Советского Союза добивалось паритета с США в области ядерного оружия» [Андреев: 241]. Касательно советской внешней политики

выводы в целом носили категоричный характер. М.И. Мельтюхов в своей работе «Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу» (2000 г.) приводит тезис об отсутствии у СССР последовательности в отстаивании собственных интересов во внешнеполитической сфере и даёт такое описание: «Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно» [Мельтюхов].

С середины 2010-х годов по настоящее время в работах отечественных авторов появляются более детальные подробности деятельности советского государства в Корее. Характер исследования также изменяется, идеологическая составляющая отодвигается на второй план, на передний план выводится «человеческий фактор». В этих трудах исследователи предпочитают провести анализ действий отдельных людей или групп людей. Отходившая от Второй Мировой войны Корея нуждалась не только в военно-политическом сегменте, но и в технических специалистах. А.В. Торкунов в своей работе описывал попытку решить корейский вопрос советскими представителями (маршалом Советского Союза К.А. Мерецковым и генерал-полковником Т.Ф. Штыковым) с помощью «мягкой силы»: «Если до объединения Северной и Южной Кореи и образования временного корейского правительства советские специалисты не придут в Северную Корею, то корейское временное правительство, поскольку оно не в состоянии обойтись без иностранной технической помощи, неизбежно пригласит для работы в Корее американских специалистов, что в ущерб нашим государственным интересам укрепит влияние американцев в Корее» [Торкунов: 7]. Исходя из ответа Сталина на вышеуказанную телеграмму Мерецкова и Штыкова в мае 1947 года (в котором число запрашиваемых специалистов было уменьшено до предела), можно сделать вывод, что советское руководство до поры старалось обходить корейский вопрос стороной, избегая обострения противоречий с Западом.

Российские авторы Н.Б и Б.Н. Ачкасовы в книге «Война в Корее» 2018 года предпочли оставить за скобками идеологическую составляющую конфликта. Они описали версии обеих сторон, предложив читателям самим определить правых и виноватых. После этого они сосредоточились на персонах людей, принимавших участие в войне, в частности — на советских лётчиках.

Наиболее активную роль *со стороны Запада* в нарастающем конфликте играли США, перехватившие знамя капиталистического лагеря у Великобритании. После победы во Второй Мировой войне Соединённые Штаты не просто навязывали свои интересы остальным странам (как это было после Первой Мировой войны), а уже открыто признавались мировой сверхдержавой. Особое внимание США уделяли Тихоокеанскому сектору своей внешней политики. Связано это было как с длительным военным опытом, который получали здесь американские военнослужащие с момента вступления во Вторую Мировую войну, так и с необходимостью заполучить устойчивые плацдармы в начавшейся Холодной войне с социалистическим лагерем, прежде всего — с Советским Союзом. В связи с этим Корейский полуостров и проблемы, происходившие на нём, представляли для американцев зону повышенного внимания. В ассоциации ветеранов Корейской войны события в довоенной Корее описывались Дж. Волкером как попытка предотвратить грядущую войну и провести справедливые выборы: «Ли Сын Ман, эмигрант, живший в США,

прибыл (в Корею. — *B. P.*) вопреки желанию Госдепартамента. Не сумев договориться с Советским Союзом, США передали проблему на усмотрение Организации Объединенных Наций. Выборы под эгидой ООН были проведены в мае 1948 года, но Северная Корея отказалась в них участвовать. Было избрано Национальное собрание в составе 198 членов. Сто мест остались вакантными для Северной Кореи для заполнения её участниками, но это решение было оставлено без ответа» [Walker]. Таким образом, по версии США, они всё время от окончания Второй Мировой войны до начала Корейского конфликта пытались решить вопрос демократическим способом, особо выделяя вариант народного волеизъявления. Касательно отношения к советскому представительству на Корейском полуострове стоит отметить, что риторика Запада в лице США была сведена к тому, что советские эмиссары в Корею делали всё, чтобы мир на этом полуострове не наступил, в то время как они сами делали всё ровно наоборот для его скорейшего прихода. Фактически такая трактовка событий была прямо противоположной советской версии начала и эскалации корейского конфликта. Важно подчеркнуть, что вышеуказанные выборы под эгидой ООН проводились спустя несколько недель после упомянутого совещания 56 партий в Пхеньяне в апреле 1948 года, что могло восприниматься северокорейской стороной и их покровителями не иначе, как попытка перехватить инициативу и навязать свою политическую волю.

Большую ценность представляют высказывания военных деятелей Корейской войны. Уже после начала конфликта особо стал выделяться главнокомандующий войсками ООН Дуглас Макартур. Будучи одним из самых заслуженных генералов Второй Мировой войны, этот американский военачальник не считал нужным постоянно информировать Вашингтон о своих решениях на войне. В связи с долгим ведением войны и невыполнением планов Макартур перестал устраивать Верховное командование Соединённых Штатов. Немаловажную роль играл и характер генерала. В ходе войны Макартур регулярно проявлял упрямство в отношении решений президента Трумана, а также выдвигал своеобразные варианты использования ядерного оружия в Маньчжурii: «Он пояснил, если упадет от 30 до 50 атомных бомб — поперек Маньчжурii, и сформируется от Японского моря до Желтого моря пояс из радиоактивного кобальта, не менее 60 лет не будет наземного вторжения в Корею с севера. Русские, по его словам, были бы напуганы этим и ничего бы не сделали» [Historian way land mayo]. Впоследствии 16 апреля 1951 г. за многократное проявление непокорности верховному командованию США генерал Макартур будет снят с должности командующего группой войск ООН в Корею. Таким образом, Корейский конфликт стал первым, отражённым в западной историографии вооружённым столкновением, в котором существовала, если не реальная, то теоретическая возможность прямого столкновения двух ядерных сверхдержав. Стоит также отметить и ту лёгкость, с которой Макартур говорил об атомной бомбардировке другого государства, при том, что сама по себе цель ядерных ударов будет не прямой (уничтожение противника), а косвенной, направленной на устрашение главного противника (СССР) и его изоляцию от Дальнего Востока. Объяснить это можно общей ситуацией, которая сложилась для американской внешней политики к концу 1940-х годов: СССР испытал атомную бомбу, Китай оказался под контролем коммунистов, война в Корею оказалась затяжной и привела к напряжению военных ресурсов Запада. В этой связи американский истеблишмент начал паниковать, и принадлежавший

к нему генерал Макартур был готов предлагать самые радикальные идеи для разрешения конфликта в пользу США.

Отчаянное сопротивление, оказанное войсками ООН на Пусанском плацдарме, было отображено в воспоминаниях участников боёв. Американский солдат Чарльз Пейн из 34-го пехотного полка, принявший участие в битве за Пусанский плацдарм, вспоминал это так: «толпы гукон¹ валили по холмам и впадинам, как наводнение. Наши люди сражались, как настоящие солдаты, но те просто пересиливали...» [Walker]. Пренебрежительное обращение (которое в дальнейшем американские военные будут использовать по отношению к северным вьетнамцам в годы будущей войны) относилось не только к солдатам КНДР как таковым, но и их тактике. По мнению американских военных, северокорейцы просто атаковали их позиции в лоб, не считаясь с потерями личного состава, что выглядело для представителей Запада нецелесообразно и примитивно.

Допустить потерю корейского плацдарма США не могли. Так, исследователь Т. Фенер, связанный с министерством энергетики США, в работе «Истоки испытательного полигона в Неваде» 2000 г. так описывал события, предшествующие Корейскому конфликту: «Потеря Китая осенью 1949 г. стала серьезным ударом по американским попыткам остановить продвижение коммунистического течения...» [Fehner: 41]. Это послужило поводом усилить свою активность в странах, где, по мнению США, складывалась угроза войны с коммунистическими странами. Одной из таких стран стала Южная Корея. Её положение было примечательно тем, что это была единственная континентальная база США в Восточной Азии после окончания Второй Мировой войны. Особую ценность придавала ей и географическая расположенность — в непосредственной близости от СССР и Китая.

Южнокорейская трактовка событий корейской войны носила более нейтральный характер. События в Корее после 1945 года воспринимаются прежде всего как трагедия корейского народа, который вопреки собственной воле после освобождения от японской оккупации был разделён и попал в зависимость от двух противоборствующих военно-политических блоков: «Однако не успели корейцы обрадоваться независимости, как произошёл трагический раскол страны. США и СССР, сыгравшие решающую роль в разгроме японского империализма, под предлогом разоружения японской армии установили по 38-й параллели военно-демаркационную линию и расположили вдоль неё свои оккупационные войска» [История Кореи].

В контексте участия в войне китайской армии южнокорейцы выбирают однозначную трактовку — на стороне КНДР выступала регулярная китайская армия, а не подразделения добровольцев, как это было принято считать в социалистическом лагере: «В октябре 1950 года войсками ООН и южнокорейской армией была занят Пхеньян, а вскоре они подошли вплотную к границе с Китаем, установив контроль почти над всей территорией страны. Однако в этот момент на стороне северян выступила 270-тысячная армия коммунистического Китая» [Там же: 196]. Связано это, безусловно, с тем, что концепция Южной Кореи была креатурой Запада, поэтому здесь южнокорейцы не допускали неоднозначных трактовок.

В целом, как было сказано ранее, южнокорейская трактовка войны и предшествующего конфликта была сдержанной. Связано это может быть как с отсутствием необходимости поиска абсолютной правды, так и с тем

¹ Презрительное прозвище азиатских народов, даваемое американцами. — В. Р.

экономическим ростом, которого достиг Юг спустя десятилетие после заключённого перемирия.

Отмечено, что Корейская война не входит в перечень широко освещённых конфликтов как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Связано это с несколькими факторами:

1) Долгое время участие советских военнослужащих в конфликте было засекречено, они присутствовали как «китайские добровольцы», им самим было запрещено разглашать информацию о своём участии в Корейской войне;

2) Советская идеология вплоть до перестройки диктовала строго установленную парадигму корейских событий, что исключало сторонние исследования и распространение альтернативной информации о конфликте. В Западной историографии корейский конфликт как значимое явление был вскоре вытеснен войной во Вьетнаме. Причиной этому можно назвать большую вовлечённость американских Вооружённых сил в конфликт на Юго-Востоке Азии и, как следствие, большой общественный резонанс, который появился из-за этого;

3) По итогам Корейской войны не было достигнуто быстрой и решительной победы ни одной из сторон. Фактически на второй год конфликта граница установилась на 38-й параллели с незначительными территориальными уступками в обе стороны при колоссальных потерях среди корейского населения. Всё это не могло добавить репутации в мировом сообществе ни руководству СССР, ни руководству США, которые после окончания Второй Мировой войны официально декларировали стремление к миру и созиданию.

По итогу, спустя 3 года после начала конфликта обе стороны осознали, что продолжение дальнейших боевых действий не представляется возможным. С незначительными территориальными изменениями в пользу обеих Корей прекращение огня было объявлено там же, где и началась война — на 38-й параллели. После подписания соглашения о перемирии в Пханмунджоме (место, расположенное на линии соприкосновения войск Севера и Юга) 27 июля 1953 года война считается фактически прекращённой. Тем не менее до сих пор, как среди сторонников Севера, так и среди сторонников Юга, конфликт считается скорее не завершённым, а «замороженным» (то есть чьё решение отложено на более поздний срок).

Список литературы/References

- Андреев А.Л., Андреева Л.А., Ахиезер А.С. Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты / под ред. М.П. Мчедлова, М.К. Горшкова, М.К. Горбунова и др. М.: Республика, 2001. 544 с.
(Andreev A.L., Andreeva L.A., Akhieser A.S. Russian civilization. Ethnocultural and spiritual aspects, ed. by M.P. Mchedlov, M.K. Gorshkov, M.K. Gorbunov, Moscow, 2001, 544 p. — In Russ.)
- Ачкасов Б.Н., Ачкасов Н.Б. Война в Корее. М.: Вече, 2018. 272 с.
(Achkasov B.N., Achkasov N.B. War in Korea, Moscow, 2018, 272 p. — In Russ.)
- Ачкасов Н.Б., Рогоза С.Л. Засекреченные войны. 1950—2000. М.: АСТ: Полигон, 2005. 95 с.
(Achkasov N.B., Rogoza S.L. Classified wars. 1950—2000, Moscow, 2005, 95 p. — In Russ.)
- Гафуров Б.Г., Ванин Ю.В., Казакевич И.С. и др. История Кореи (с древнейших времён до наших дней). Т. 2 / под общ. ред. В.Д. Тихомирова. М.: Наука, 1974. 500 с.
(Gafurov B.G., Vanin J.V., Kazakevich I.S. History of Korea (from ancient times to the present day), vol. 2., ed. by V.D. Tihomirov, Moscow, 1974, 500 p. — In Russ.)
- История Кореи, KBS Институт международного образования при министерстве просвещения Республики Корея. Сеул: Международное радио Кореи, 1995. 204 с.

- (History of Korea, KBS Institute of International Education under the Ministry of Education of the Republic of Korea, Seoul, 1995, 204 p. — In Russ.)
- Капица М.С., Ким Г.Ф. и др. СССР и Корея. М.: Главная редакция восточной литературы, 1988. 414 с.
- (Kapitsa M.S., Kim G.F. USSR and Korea, Moscow, 1998, 414 p. — In Russ.)
- Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. 1945—1982 гг. М.: Политиздат, 1983. 368 с.
- (Melnikov J.M. Power and Powerlessness: Washington's Foreign Policy. 1945—1982, Moscow, 1983, 368 p. — In Russ.)
- Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. URL: <http://militera.lib.ru/research/meltyukhov/13.html> (дата обращения: 07.06.2023).
- (Meltyukhov M.I. Stalin's missed chance. The Soviet Union and the fight for Europe. — In Russ.)
- Овчинников В.В. Горячий пепел. М.: Правда, 1987. 496 с.
- (Ovchinnikov V.V. Hot ashes. Moscow, 1987, 496 p. — In Russ.)
- Очиров У.Б. Советская авиация в Корейской войне 1950—1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Элиста, 1999. 206 с.
- (Ochirov U.B. Soviet aviation in the Korean War 1950—1953: diss. ... candidate of Sciences (History), Elista, 1999, 206 p. — In Russ.)
- Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. М.: Яуза: Эксмо, 2008. 576 с.
- (Podrepny E.I. Stalin's jet breakthrough, Moscow, 2008, 576 p. — In Russ.)
- Полехин А.С. Торговые связи Республики Корея и США во второй половине XX — начале XXI столетия. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 105 с.
- (Polekhin A.S. Trade relations between the Republic of Korea and the United States in the second half of the XX — early XXI century, Moscow, 2004, 105 p. — In Russ.)
- Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950—1953 годов. М.: РОС-СПЭН, 2015. 310 с.
- (Torkunov A.V. Mystery war: Korean conflict 1950—1953, Moscow, 2015, 310 p. — In Russ.)
- Фултонская речь У. Черчилля от 5 марта 1946 г. (с русским переводом). URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/archives/fultonskaya-rech-uinstona-cherchillya-1946-goda.html> (дата обращения: 04.06.2023).
- (The Fulton Speech of W. Churchill (March 5, 1946) — In Russ.)
- Fehner T.R., Gosling F.G. Origin of the Nevada test sites. Washington: United States Department of Energy, 2000
- Historian way land mayo, *Why Truman fired general Macarthur plans to drop atomic bombs would gave caused WWII*. URL: <http://b-29s-over-korea.com/Why-Truman-Fired-General-MacArthur/Why-Truman-Fired-General-MacArthur.html> (accessed: 10.06.2023).
- Walker J.D. A brief account of the Korean war. URL: http://www.kwva.org/brief_account_of_the_korean_war.htm (accessed: 11.06.2023).

BACKGROUND AND DEVELOPMENT OF THE CONFLICT IN KOREAIN 1950—1953 IN DOMESTIC AND FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Vladimir V. Rybak

The National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, voldemarrybak@yandex.ru

Abstract. The readers are presented with an article studying the Korean War of 1950—1953 from the standpoints of the participants of the conflict from both opposing sides. This war was the first armed conflict between two ideologies: socialist and capitalist. The Korean crisis in its development went through various stages in form and content — from the war of 1950—1953 to the rapprochement and cooperation of the DPRK and the ROK in 2000—2002. However, it remains a difficult problem to solve. The Soviet Union was

an unconditional supporter of the DPRK for a long time, but with the collapse of the socialist system, views on the Korean conflict have undergone some changes. The views of South Korean supporters have not changed much over time, although they differ from each other. Using the method of historicism, this article analyzes monographs and collections of articles of domestic and foreign authors whose research touched upon the Korean issue. Using their example, the article will demonstrate: 1) how much the assessments of the conflict in the USSR and the USA differed; 2) how the position of the USSR and post-Soviet Russia changed depending on the foreign policy vector of the country at a specific time; 3) to what supporters of South Korea pay more attention. This paper proposes an analysis option — from the works of the 1940s to the works of the last few years, which will be a novelty in the proposed article.

Keywords: Korea, conflict, Cold war, USSR, Western world

For citation: Rybak V.V. Background and development of the conflict in Korea in 1950—1953 in domestic and foreign historiography, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 125—133.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 19.03.2024.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 19.03.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Рыбак Владимир Вадимович — магистр истории, соискатель кафедры истории и политики России, Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, voldemarrybak@yandex.ru

Rybak Vladimir Vadimovich — Master of History, Applicant of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History in National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation, voldemarrybak@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 134—141.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 134—141.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2024.2.15

ИСТОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ НООСФЕРЫ

Анас Бакирович Бакиров

Институт геологии им. М.М. Адышева, г. Бишкек, Кыргызская Республика,

arasbek@mail.ru

Аннотация. Автор предлагает оригинальную концепцию представления материи и мира, в основе которой лежит закон неразрывной связи двойственности систем. Показано, что система складывается из двух субстанций: вещественно-энергетической в оболочке пространства и энтропийно-информационной в оболочке времени. Зафиксировано, что в закрытых равновесных системах максимальное значение имеет энтропия, а системах открытых, неравновесных, доминирующее значение имеет информация. Установлено, что в биосфере господствует закон роста информации. Прослежена логика эволюции через призму регулярных смен новыми высокоинформационными поколениями организмов, которая привела к появлению разума как высокоорганизованной формы информации. Предложено авторское комплексное понимание ноосферы, отличное от концепций П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского. Сделан вывод, о становлении нового высокоразвитого общества — акылустема, общества власти разума.

Ключевые слова: эволюция, информация, разум, технологии, ноосфера, акылустем

Для цитирования: Бакиров А.Б. Истоки и перспективы ноосферы // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 134—141.

Ноосфера — сфера разума, где существенную роль играют наука и знание. Ноосфера, как утверждали П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадский, Б.С. Соколов [Соколов], представляет собой геологическое явление. Все её основные характеристики и направленность её развития неразрывно связаны с планетой Земля.

Земля в целом, вместе с биологическими и социальными системами, подвергаются одному и тому же великому процессу — эволюции. Что лежит в основе этого явления? Насколько глубоко заложены предпосылки разума в природе? Какова внутренняя необходимость его возникновения? Для ответа на эти вопросы я решил обратиться к самым основам представления материи и мира — системам. Уточнив определение систем и выразив их основания физическими величинами, получена формула:

$$C \subseteq [(m + E) \times V] \times [(I + S) \times t] = M \times N$$

Обоснование вывода формулы приведено в работе [Бакиров]. Система (С) оказывается двойственной, складывается из двух субстанций: вещественно (m)-энергетической (E) в оболочке пространства (V), материальной (M),

и энтропийно(**S**)-информационной(**I**) в оболочке времени, *нематериальной* (**N**). Субстанции *находятся между собой в отношении конъюнкции, произведения*, поэтому это отношение рассматривается как **закон неразрывной связи двойственности систем (ЗНСДС)**.

Приток и отток вещества и энергии определяют открытость, а их неподвижность — закрытость системы. Материальная часть системы подчиняется законам сохранения. Нематериальная часть системы подчиняется законам роста: энтропия — в закрытых, а информация — в открытых системах, а время без перерыва, не меняя направления, течёт из прошлого в будущее и тянет за собой всю систему. Зародыши всех процессов *самодвижения, самоорганизации, саморазвития и эволюции* системы кроются здесь. Как будет показано ниже, здесь, в самой основе мироздания, заложены предпосылки разума, как результат направленной эволюции Земли.

Поведение систем определяется соотношением энтропии и информации, соответственно, они изучаются двумя родственными отраслями физики: термодинамикой и синергетикой [Хакен 2005]. Принятое в этой работе определение этих величин, данное Н. Винером, гласит: *«Как количество информации в системе есть мера организованности, точно так же энтропия есть мера дезорганизованности; одно равно другому, взятому с обратным знаком»* [Винер: 23].

В равновесных системах максимальное значение имеет энтропия, важнейшими свойствами которой являются *дезорганизованность, неупорядоченность, несогласованность, дезинтеграция, хаос, разрежение, рассеивание, распад системы*. В системах, далёких от равновесия, доминирующее значение имеет информация, важнейшими свойствами которой являются *организованность, упорядоченность, согласованность, интеграция, гармония, взаимная тяга, сгущение, уплотнение*.

Экспериментальными исследованиями установлено, что при поступлении в систему свободной энергии в ней образуются упорядоченные структуры, т. н. «соты Бенара», лазеры — при накачке электроэнергии и др. [Эбелинг 1979; Хакен 1980]. Этот признак свидетельствует, что поступающая свободная энергия несет с собой информацию. Вынос энергии из системы, как противоположное действие, должен уносить с собой энтропию. По принципу комплементарности ($I + S = 1$) место уходящей энтропии немедленно заполняется информацией. Так, охлаждение системы, если она находится в состоянии газов, обычно сопровождается сгущением, их конденсацией, переходом в жидкую фазу. Дальнейшее снижение температуры приводит её к кристаллизации. Всё это свидетельствует о росте информации в системе. Таким образом, в системах, далёких от состояния термодинамического равновесия, *как при поступлении свободной энергии и вещества, так и при выходе их из системы, происходит рост информации $\Delta I > 0$* . К таким системам относятся вся Земля, биологические и социальные системы. Как известно, в закрытой изолированной системе действует закон роста энтропии $\Delta S > 0$ (*второе начало термодинамики*).

Земля получает от Солнца огромное количество энергии. *Во-первых*, на поверхность Земли поступает лучистая солнечная энергия в размере примерно $1,2 \cdot 10^{17}$ Дж [Горшков], которая составляет 99,5 % всей поверхностной энергии Земли. Средний приход энергии от Солнца в умеренных широтах составляет 48 — 61 тыс. ГЖд/га в год. Она преобразуется в тепловую. Около 35 % поступившей энергии отражается обратно в космос облаками, пылью и другими веществами, находящимися в атмосфере, а также собственно поверхностью Земли [Пучков, Воробьев]. *Во-вторых*, огромная гравитационная энергия Солнца удерживает Землю на своей орбите и заставляет её вращаться вокруг

своей оси. Из-за разной угловой скорости вращения ядра и мантии возникает трение между ними, и происходит преобразование гравитационной энергии Солнца в тепловую, которая играет значительную роль в геодинамике, в эволюции и преобразовании земной материи.

Земля образовалась в результате аккреции космических тел, планетезималей, и на ранней стадии её развития поступало огромное количество метеоритов, от ударного тепла которых в мантии земли образовался магматический океан глубиной более 700 км [Кузьмин, Ярмолюк, Котов]. По настоящее время продолжает поступать довольно большое количество метеоритов (4000 т/год) и космической пыли (2 млн т/год). Таким образом, на Земле происходит постоянный обмен веществом и энергией с внешним миром. Поэтому, наша планета находится в состоянии далёком от термодинамического равновесия, показателем чего является то, что она обладает хорошо организованной диссипативной структурой, как в пространстве в виде многоступенчатых иерархически построенных систем, так и во времени в виде многочисленных тектонических, сейсмических, климатических циклов.

Вместе с энергией от Солнца, согласно ЗНСДС, на Землю непрерывно в течение 4,57 млрд лет поступает мощный поток информации. **На Земле, как сильно неравновесной системе, действует закон роста информации.**

Наибольшими концентраторами информации на нашей планете являются биологические системы. Было проведено множество научных исследований для выяснения природы феномена «жизнь». После длительных исследований и дискуссий авторы пришли к согласию в том, что *жизнь — информационное явление* [Чернавский; Редько]. «Живые существа — естественные информационные системы, т. е. системы, возникающие сами собой, а не в результате построения или составленной кем-то программы, от информационной системы более высокого уровня в ходе естественной эволюции» [Эбелинг, Энгель, Файстель: 37]. Под информационной системой понимаю систему, занимающуюся обменом и обработкой информации.

Эволюция органического мира фактически есть форма проявления эволюции информации. Первый организм на Земле зафиксирован 3,8 млрд лет тому назад. Период 3,8—0,8 млрд лет до н. э. (целых 3 млрд лет «жизни» планеты) ушёл на развитие одноклеточных организмов. 600 млн лет тому назад появились многоклеточные, и началось бурное развитие органического мира. За 0,5 млрд лет оно привело к появлению на Земле гоминидов. Генеральным направлением развития органического мира было *постоянное ускорение*. Каждые последующие поколения видов организмов становились более сложными по структуре, более энергоёмкими и более *информоёмкими*. В результате 320 тыс. лет тому назад на Земле появился *Homo sapiens*, человек разумный, и вместе с ним новый феномен **Разум**, в котором в концентрированном виде, качественно высшей форме проявилась информация. Она здесь уже выражается в форме *знания, мысли, идеи*. Основным свойством Разума является способность *организовать, творить, созидать, оказывать воздействие на окружающую среду и на усовершенствование самого носителя его — человека*. И он стал *творить, созидать*.

Разум внес принципиальное изменение в направление эволюции органического мира. До сих пор эволюция шла путём *приспособления организма к условиям окружающей среды*, она была направлена **внутрь** организма. Сапиенс, наоборот, *начал приспособлять окружающую среду к своим интересам*. Эволюция здесь направлена **во вне** организма. Создавались орудия труда, вначале каменные, затем металлические, далее на смену им пришли сложнейшие технические средства.

На базе разума образуется ноосфера — совокупность взаимодействующих социальных (гуманитарных), с одной стороны, и природных (биотических и абиотических) компонентов — с другой, верхней оболочки планеты Земля, связанных между собой кругооборотом вещества, энергии и информации. Каждая геосфера выделяется на основе какого-то принципиально отличного от других геосфер признака: литосфера сложена веществом Земли в твёрдой фазе, гидросфера — водой, атмосфера — воздухом, биосфера — сферой жизни, ноосфера — сферой разума. Ноосфера не является частью или этапом, стадией развития биосферы, как полагают многие. Биосфера и ноосфера представляют собой совершенно различные системы: первая — биото-природная, а вторая — социо-природная. Ведущим элементом биосферы являются живые существа, жизнь; а ведущим элементом ноосферы — человек разумный, разум. Ноосфера пространственно не совпадает с биосферой.

Вопрос о начале ноосферы является дискуссионным. Одни исследователи считают, что она появилась на Земле вместе с человеком, *разворачивается над миром растений и животных — вне биосферы и над ней* [Шарден; Алексеев]. Другие полагают, как в последнем своем произведении, написанном незадолго до своей кончины, В.И. Вернадский, что «Ноосфера — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — **состояние наших дней** (выделено мной. — А. Б.)» [Вернадский 2003: 382]. Третьи думают, что появление ноосферы на Земле — дело будущего [Вернадский 1988; Яншин; Моисеев; Урсул].

По-видимому, понятие «ноосфера» подразумевается в двух разных значениях. Во-первых, как некоторое пространство, где появился и развивается разум [Шарден] и, во-вторых, как целенаправленное, управляемое разумом взаимодействие общества и природы [Трусов; Моисеев; Урсул]. Это представление близко идее С.Г. Семеновой, которая выделяет два этапа ноосферы: низший стихийный, бессознательный, «несовершеннолетний», и высший сознательный, «совершеннолетний» [Семёнова]. Она считает, что первый этап ноосферы уже наступил. Второй этап ноосферы — эра целенаправленного воздействия человека на эволюцию как своего организма, так и природы, дело будущего.

Как утверждал В.И. Вернадский, человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой [Вернадский 1988]. Преобразование окружающей среды человеческой деятельностью началось с конца палеолита — начала неолита, когда началось земледелие, животноводство, первые ремесла (ткачество, гончарное дело и т. д.). Начало неолита — это время возникновения такого явления на Земле, как цивилизация. По своей значимости оно равнозначно появлению жизни [Алексеев; Добреньков, Кравченко]. Началось производство, которое позже стало «вечным двигателем» человеческой истории, всеобщим принципом бытия и духа человечества [Афанасьев]. Именно в процессе этой деятельности человек начал активно воздействовать на окружающую среду, менять и создавать искусственный (антропогенный) ландшафт, преобразовывать природу, подчиняя ее своим интересам.

Этот период, по моему представлению, и является началом наступления ноосферы. Люди преобразовывают природу и добывают энергию в огромных масштабах. Созданы высокоразвитая наука, технологии, мощное многостороннее искусство. Появились искусственные растения, животные, химические элементы, композитные материалы, которых не было в природе. Существуют большие и малые города, различные населенные пункты, сельскохозяйственные плантации, искусственные моря и леса, грандиозные гидротехнические сооружения, системы коммуникации, соединяющие моря и континенты. Земной

шар окутан сферой идей, проектов и множества других человеческих замыслов. Человек проник вглубь твердой Земли, освоил гидросферу, атмосферу, поселился и оказывает воздействие на ландшафт во всех уголках Земного шара — от Арктики до Антарктиды. Перерабатывает землю, перемещает миллиарды тонн грунта, осушает болота, рубит леса, орошает пустыни. На околоземном космическом пространстве движутся многотысячные искусственные космические тела, а отдельные ракеты уже достигли планеты Солнечной системы и бороздят её дальние уголки и даже пространства за её пределами.

Таким образом, *на Земле уже существует самостоятельная сфера, образованная, созданная человеческим разумом. Ноосфера есть реальность*. Она постоянно расширяется в пространстве и представляет собой специфическую сферу Земли, отличную во многих отношениях от других геосфер в первую очередь тем, что *только здесь функционирует разум*.

Возникшие технологии из поколения в поколение становились более сложными, энерго- и информоемкими, смена их укладов шла ускоряющимися темпами. Эволюция информации *из биологической формы перешла в технологическую*. По закону обратной связи технологии стали изменять поведение людей, преобразовывать уклад жизни, создавать новые общественные отношения, стали фактором, определяющим общественный строй:

- *каменные технологии* создали первобытно-общинный строй, образовали социальные системы (начало 320 000 лет тому назад);
- *аграрные технологии* создали феодализм (начало 12000 лет назад);
- *индустриальные технологии* создали капитализм (начало 200 лет назад);
- *информационные технологии* создают постиндустриализм, или информационное общество (начало 60 лет назад), которое набирает силу, но до высшей стадии, по-видимому, ещё не дошло.

Благодаря действию закона роста информации на нашей планете разрабатываются и даже уже наступают новые высоконаукоёмкие технологии: *сильный (развитый) искусственный интеллект, квантовые вычисления, цифровые, аддитивные (3D), блокчейн, нейро-, комбинированные NBIC (нано-, био-, информационные, когнитивные)*, и ряд других. Все эти технологии в комбинации с другими надвигающимися технологиями 4-5-6 промышленных укладов [Шваб; Шваб, Дэвис], куммулятивно действуя и образуя эмерджентный эффект, в корне изменяют общественный строй. Большинство технологий направлено на управление человеком — как обществом, так и природной средой. Я назвал этот этап развития общества *ноократическим* (древ. греч. *noos* — разум, *kratos* — власть).

Идёт непрерывное развитие и в недрах ноосферы, происходит неуклонный рост объёма информации и, соответственно, уменьшение роли энтропии, следствием чего является всемерное подавление значения хаоса, стихийности и дезорганизации и, наоборот, всё большее возрастание роли и значения упорядоченности, организованности, согласованности и целесообразности. Этот эффект является основным внутренним фактором перехода ноосферы к ноократии, когда на первое место выдвигается целенаправленное воздействие разума на эволюцию как человека, общества, так и природы, что ведет к гармонической коэволюции обеих составляющих ноосферы. Основным орудием при этом будет наука как мощное геологическое явление.

Независимо от нашей воли под действием *закона роста информации*, как высшая форма демократии в обществе установится *ноократия, управление общественной жизнью и тенденцией развития природной среды с целью установления гармонических отношений как внутри общества, так и в системе общество — природа*. На основе естественных внутренних преобразований

ноосферы, развёртывания ноократии и грядущих высоких технологий наступит новое общество, которое я ранее назвал **ноократизмом**. Однако этот термин оккупирован для обозначения новых философских, политических течений, партий, политэкономии и т. д. Поэтому предлагаю термин **акылузем** (кирг. *акыл* — разум, *устем, устемдук* — господство, власть) власть разума.

Акылузем, новый общественный строй, естественный плод 4,57 миллиардолетней эволюции Земли. Под давлением закона роста информации на основе *грядущих высоких технологий* он наступит неминуемо, *преобразуя и облагораживая* всю поверхность Земли, *создавая* здесь, в соответствии со свойствами информации, организованность, упорядоченность, согласованность, гармонию, красоту и любовь, *расселяя* благородных людей, живущих в райских условиях. Ожидаются крупные изменения в жизни общества. Будут решены все экономические проблемы, удовлетворены все материальные потребности человека. Исчезнут нищета и голод, и на Земле будет создано *Всеобщее Благоденствие* [Дрекслер]. Люди будут социально равноправными, свободными. Развитая педагогика *поднимет* на высокий уровень *духовность и гуманизм*, основанные на фундаментальных критериях красоты и прекрасного, установит *добро, благо, дружбу, любовь, справедливость, свободу, самоутверждение*.

В области экологии происходят крупные изменения. Солнечная энергия уже внедряется в быт общества, появляются безопасные ядерные батареи. Не имея загрязняющих эффектов, они покроют все энергетические потребности человечества. Автомобили уже становятся летающими. При достижении высокого уровня развития этого направления не будет магистральных автомобильных дорог, мостов, туннелей. Транспортные средства и другие всякого рода двигатели будут без дыма, звука и пыли. Нанороботы будут очищать воздух, землю и море. Среда обитания будет восстановлена до состояния, предшествовавшего индустриальному вторжению.

Наступление акылузема дело недалёкого будущего. В условиях развития науки и технологий по экспоненциальному закону облик этого феномена уже маячит. В соответствии с расчётами футурологов¹, в течение следующих 20—30 лет (возможно даже раньше) могут быть созданы материальная и духовная базы акылузема. *Становление акылузема — процесс, идущий в унисон эволюции Земли, ожидаемое светлое будущее человечества. Оно может служить той целью, достижению которой должна быть направлена вся наша созидательная трудовая деятельность.*

Список литературы/ References

- Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. 462 с. (Alekseev V.P. Formation of humanity, Moscow, 1984, 462 p. — In Russ.)
- Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с. (Afanasyev V.G. Systematicity and society, Moscow, 1980, 368 p. — In Russ.)
- Бакиров А. Ноократия. Истоки и перспективы. Бишкек: V.R.S. Company, 2020. 224 с. (Bakirov A. Noocracy. Origins and prospects, Bishkek, 2020, 224 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с. (Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist, Moscow, 1988, 520 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис Пресс, 2003. 574 с.

¹ Особо стоит отметить прогнозы М. Диринга [<https://proza.ru/2008/11/10/410>] и Р. Курцвейла [<https://kvitna.org/ru/472-budushhee-mira-prognoz-do-2099-goda.html>].

- (Vernadsky V.I. Biosphere and noosphere, Moscow, 2003, 574 p. — In Russ.)
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958. 215 с.
(Wiener N. Cybernetics, or control and communication in animals and machines, Moscow, 1958, 215 p. — In Russ.)
- Горшков С.П. Эколого-географические основы охраны природы. М.: МГУ, 1992. 123 с.
(Gorshkov S.P. Ecological and geographical foundations of nature conservation, Moscow, 1992, 123 p. — In Russ.)
- Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология. М.: ИНФРА-М, 2005. 687 с.
(Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Social anthropology, Moscow, 2005, 687 p. — In Russ.)
- Дрекслер Э. Всеобщее благоденствие: как нанотехнологическая революция изменит цивилизацию. М.: Изд-во института Гайдара, 2014. 504 с.
(Drexler E. General prosperity: how the nanotechnological revolution will change civilization, Moscow, 2014, 504 p. — In Russ.)
- Кузьмин М.И., Ярмолюк В.В., Котов А.Б. Ранняя эволюция Земли, начало её геологической истории, как и когда появились гранитоидные магмы // Литосфера. 2018. Т. 18, № 5. С. 653—671.
(Kuzmin M.I., Yarmolyuk V.V., Kotov A.B. Early evolution of the Earth, the beginning of its geological history, how and when granitoid magmas appeared, *Lithosphere*, 2018, vol. 18, no. 5, pp. 653—671. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 352 с.
(Moiseev N.N. Man and noosphere, Moscow, 1990, 352 p. — In Russ.)
- Пучков Л.А., Воробьев А.Е. Человек и биосфера: вхождение в техносферу. М.: МГГУ, 2000. 342 с.
(Puchkov L.A., Vorobyov A.E. Man and the biosphere: entry into the technosphere, Moscow, 2000, 342 p. — In Russ.)
- Редько В.Г. Эволюция, нейронные сети, интеллект: модели и концепции эволюционной кибернетики. М.: КомКнига, 2006. 224 с.
(Redko V.G. Evolution, neural networks, intelligence: models and concepts of evolutionary cybernetics, Moscow, 2006, 224 p. — In Russ.)
- Семёнова С.Г. Активно-эволюционная мысль Вернадского // Прометей. 1988. Т. 15. С. 221—248.
(Semyonova S.G. Active-evolutionary thought of Vernadsky, *Prometheus*, 1988, vol. 15, pp. 221—248. — In Russ.)
- Соколов Б.С. Предсказательная сила идей // Прометей. 1988. Т. 15. С. 5—9.
(Sokolov B.S. Predictive power of ideas, *Prometheus*, 1988, vol. 15, pp. 5—9. — In Russ.)
- Трусов Ю.П. Понятие о ноосфере // Природа и общество. М.: Наука, 1968. С. 28—47.
(Trusov Yu.P. The concept of the noosphere, in *Nature and Society*, Moscow, 1968, pp. 28—47. — In Russ.)
- Урсул А.Д. Природа информации. М.: Политиздат, 1968. 288 с.
(Ursul A.D. The nature of information, Moscow, 1968, 288 p. — In Russ.)
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 419 с.
(Haken G. Synergetics, Moscow, 1980, 419 p. — In Russ.)
- Хакен Г. Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным системам. М.: КомКнига, 2005. 248 с.
(Haken G. Information and self-organization. Macroscopic approach to complex systems, Moscow, 2005, 248 p. — In Russ.)
- Чернавский Д.С. Синергетика и информация. Динамическая теория информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
(Chernavsky D. S. Synergetics and information. Dynamic theory of information, Moscow, 2004, 288 p. — In Russ.)

- Шарден П.Т. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.
(Chardin P.T. The human phenomenon, Moscow, 1987, 240 p. — In Russ.)
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2017. 208 с.
(Schwab K. The fourth industrial revolution, Moscow, 2017, 208 p. — In Russ.)
- Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. 320 с.
(Schwab K., Davis N. Technologies of the fourth industrial revolution, Moscow, 2018, 320 p. — In Russ.)
- Эбелинг В. Образование структур при необратимых процессах. М.: Мир, 1979. 131 с.
(Ebeling V. Formation of structures in irreversible processes, Moscow, 1979, 131 p. — In Russ.)
- Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции. М, 2001. 328 с.
(Ebeling V., Engel A., Feistel R. Physics of evolutionary processes, Moscow, 2001, 328 p. — In Russ.)
- Яншин А.Л. Учение В.И. Вернадского о биосфере и переходе её в ноосферу // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 489—550.
(Yanshin A.L. The doctrine of V.I. Vernadsky about biosphere and its transition into noosphere, *Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist*, Moscow, 1988, pp. 489—550. — In Russ.)

ORIGINS AND PROSPECTS OF THE NOOSPHERE

Apas B. Bakirov

Institute of Geology named after M.M. Adyshev, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic, apasbek@mail.ru

Abstract. The author offers an original concept of representing matter and the world, which is based on the law of the inextricable connection of the duality of systems. It is shown that the system is composed of two substances: material-energy in the shell of space and entropy-information in the shell of time. It has been recorded that in closed equilibrium systems entropy has the maximum value, and in open, non-equilibrium systems, information has a dominant value. It has been established that the law of information growth dominates in the biosphere. The logic of evolution is traced through the prism of regular changes in new highly information-intensive generations of organisms, which led to the emergence of the mind as a highly organized form of information. The author's complex understanding of the noosphere is proposed, which differs from the concepts of P. Teilhard de Chardin and V.I. Vernadsky. A conclusion is drawn about the formation of a new highly developed society — *akylustema*, a society of the power of reason.

Keywords: evolution, information, intelligence, technology, noosphere, *akylustem*

For citation: Bakirov A.B. Origins and prospects of the noosphere, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 134—141.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 17.11.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Бакиров Апас Бакирович — доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Институт геологии им. М.М. Адышева, академик НАН Кыргызской Республики, Кыргызская Республика, г. Бишкек, apasbek@mail.ru

Bakirov Apas Bacirovich — Doctor of Sciences (Geology and Mineralogy), Chief Researcher, Institute of Geology named after M.M. Adyshev, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Kyrgyz Republic, Bishkek, apasbek@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 142—150.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 142—150.

Научная статья

УДК 008.2

DOI: 10.46726/И.2024.2.16

К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПОНИМАНИИ КОНЦЕПЦИИ НООСФЕРЫ И ЕГО КОЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ

Игорь Григорьевич Сухина

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Донецкая народная республика, Россия, suhina_igor@mail.ru

Аннотация. В статье с концептуальной позиции цивилизационного подхода анализируется концепция ноосферы как перспективного ориентира, стратегии и виртуального кода глоболизирующегося развития современной цивилизации в условиях модернизации на (научно-технической) основе НТП и НТР. Глобализация рассмотрена как возможность и предпосылка ноосферной трансформации современной цивилизации. Предложена конкретизирующая цивилизационное понимание ноосферы коэволюционная ее экспликация.

Ключевые слова: человек, разум, субъектность, цивилизация, научно-технический прогресс, модернизация, глобализация, природа, биосфера, ноосфера, коэволюция, экология

Для цитирования: Сухина И.Г. К вопросу о цивилизационном понимании концепции ноосферы и его коэволюционной экспликации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 142—150.

*Сейчас мы переживаем
новое геологическое эволюционное изменение биосферы.
Мы входим в ноосферу. Мы вступаем в нее...
Владимир Вернадский*

Современная эпоха Новейшего времени являет собой эпоху глобализации цивилизационного развития человечества. Это эпоха планетарной интеграции модернизирующегося на креативной основе НТП цивилизационного развития и становления в мире новой — мета-цивилизационной социальной реальности.

Само понятие глобализация (англ. globalization, от global — глобальный, планетарный, всемирный) означает процесс всемирной социокультурной интеграции в развитии цивилизации, который приобрел планетарный характер [Сухина 2019: 283]. Это магистральный процесс интеграции современной цивилизации в планетарное мета-цивилизационное образование, с присущей ей техногенной инфраструктурой, коммуникативностью, системными связями с окружающей средой, преобразующим на нее влиянием. Этот процесс охватывает и проникает своим модернизирующим влиянием все стороны социокультурного бытия и развития различных социальных общностей и индивидов. Итак, «происходит глобализация: науки (глобальные научные революции), техники/технологий, экономики, политики, культуры и ее массовой (масс-медийной) модальности» [Там же: 283]. Как утверждает английский социолог Э. Гидденс, глобализация — открытый процесс [Гидденс: 67]. Он квалифицирует глобализацию, именно как «процесс всеобщей интенсификации

социальных отношений и взаимозависимости» [Там же: 75]. Это — мега-процесс всемирной интеграции и соответственного ей самоорганизации и самоопределения современного мира.

Со 2-й половины XX века происходит утверждение новой социокультурной или цивилизационной (социо-) реальности в ее планетарной масштабности — глобального мира, который трансформируется в глобальную «миро-систему».

В общем, глобализация удостоверяет собой универсальную тенденцию человеческой истории — тенденцию всеобщей цивилизационной интеграции, которая реализуется в поступательном ходе всемирной человеческой истории.

Современный этап глобализации происходит из процессов модернизации социума и культуры на научно-технологической основе (НТП), что, например, отмечал российский философ В.С. Степин [Степин: 8—9]. Вместе с тем современная глобализация выступила качественно новым этапом модернизации общества, его инновационного развития в условиях трансформации НТП в НТР, явилась показателем его возможностей в плане коммуникативности и преобразующего влияния на окружающую среду, в плане формирования, позиционирования и утверждения техногенной социокультурной среды человеческого бытия в мире.

Реальный базис современного этапа глобализации — НТП как основа и движущая сила модернизации общества и культуры, цивилизации в целом.

Современный этап глобализации был подготовлен в эпоху Нового времени в европейском социокультурном ареале, со становлением культуры инновационного типа и индустриального общества в ходе промышленной революции, т. е. крупномасштабной модернизацией на креативной основе НТП, его техно-достижений. «В процессах модернизации, которые осуществлялись в индустриальную эпоху, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами» [Сухина 2016: 330]. НТП и модернизация способствовали историческому переходу цивилизации на глобальный уровень развития, переходу человечества к эпохе глобализации и глобального мира.

Важнейшим и показательным направлением современной глобализации является экономическое — становление в мировом социальном пространстве единой экономической зоны как пространства свободного перемещения товаров, услуг и капиталов. Глобальная экономика утверждается как единая интегрированная система мирового хозяйства, как объединение рынков капитала, валют, услуг и товаров. Ее примеры — транснациональные компании (ТНК), свободные экономические зоны (СЭЗ), международные экономические организации: «Всемирная торговая организация» (ВТО), «Международный валютный фонд» (МВФ) и др. Глобализация экономики — это планетарный процесс интегрирования национальных экономик в единую транснациональную экономическую суперсистему. Американский социолог Д. Нейсбит определил его логику как движение от национальных экономик к мировой [Нейсбит: 84].

Тем не менее, инновационным средоточием современной глобализации, ее авангардом является информационное направление. Информационная глобализация выступает наиболее мощным и оперативным активатором и проводником ее потенциалов и посылов. Она самым существенным образом влияет на утверждение глобального мира современной цивилизации. Э. Гидденс указывает на то, что «главной движущей силой процесса глобализации служит развитие информационных и телекоммуникационных технологий...» [Гидденс: 75].

Информационное направление глобализации осуществляется как:

— становление глобальной информационной инфраструктуры, охватывающей весь современный мир, превращение его в интегрированное

коммуникативное «миро-пространство», в «глобальную деревню» (концепт М. Маклюэна) — мир, в котором очень быстро распространяется информация, изменяются масштабы событийности, стираются пространственно-временные границы, возникает состояние всеобщей включенности в мировой коммуникативный процесс, изменяются масштабы человеческого интереса, деятельности и влияния;

— становление высокотехнологичной культуры информационного типа;

— становление и развитие высокотехнологичного информационного общества, отличающегося всесторонней информатизацией своих структур и функций в наиболее развитых странах мира, прежде всего — в странах «большой семерки».

Технологическим основанием, базисом информационной глобализации являются современные информационные технологии (IT-technology), например, разработанные на базе ЭВМ информационно-компьютерные технологии (ИКТ) и связанные с ними коммуникативные/компьютерные сети. Универсальным интегратором и коммуникативной платформой информационной глобализации выступает такое знаменательное технологическое достижение, как Интернет — всемирная система объединенных компьютерных сетей, предназначенная для хранения, обработки и передачи информации во все возрастающих объемах.

Интернет произвел подлинную революцию в информатике. Он являет собой глобальную информационную мега-систему. В Интернет, который стал одним из самых демократичных и массовых «клубов» в мире, входят миллиарды пользователей, получив небывалый до этого в истории прямой доступ к огромным — и постоянно возрастающим — объемам информации. Как отмечает испанский социолог М. Кастельс, «Интернет — это коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [Кастельс: 15].

Всемирная система Интернет была сформирована на базе сетевой модели передачи информации, представленной в цифровом виде. На основе Интернета работает Всемирная паутина (World Wide Web, WWW) и множество других технологических коммуникационных систем передачи информации. Интернет инициирует вхождение в глобальную информационную мега-сеть — Всемирную паутину, в пространство и процессы глобальной коммуникации.

Информационное направление глобализации выявило и актуализировало безграничный ресурс возможностей ее развития, позиционирования и преобразующего влияния. Глобальная миро-система существует, прежде всего, именно в своей всеохватной информационно-коммуникативной модальности.

Современная глобализация обусловила исторически беспрецедентную взаимосвязь культур, обществ, социальных общностей, стран, регионов. Она проявляется как магистральная мега-процесс формирования и утверждения нового — глобального миропорядка, где на смену локальности, замкнутости приходит взаимосвязь, взаимозависимость, целостность, интегральность.

Социокультурная/цивилизационная интеграция есть главная особенность процесса глобализации. Его стратегический вектор — интегрированная миро-целостность, которая становится насущной, необратимой, преодолевающей все.

Современная глобализация оказывает сегодня влияние на все стороны человеческого бытия на социальном и индивидуальном уровнях его вершения.

Вместе с тем глобализация сопровождается глобальными проблемами, как оборотной ее стороной. В общем, глобализация проявляется также и с позиции особого типа противоречий развития цивилизации — глобальных проблем современности, эксклюзивная особенность которых заключается в том, что это проблемы онтологических оснований человеческого бытия в мире.

Глобальные проблемы современности представляют собой комплекс социо-природных проблем глоболизирующегося цивилизационного развития, имеющих планетарный характер и угрожающих экологической стабильности природы и окружающей среды, существованию биосферы, человеческого рода в целом. «Глобальные проблемы затрагивают интересы всего человечества, так как человеческий род впервые в своей истории столкнулся с угрозой его выживанию — поэтому можно говорить о глобальных проблемах человечества. Они (хотя и негативным образом) также обозначили планетарное единство человечества и указали на некий рубеж истории, за которым может наступить либо качественно новый этап культурно-исторического процесса, либо деградация всего ареала жизни на Земле» [Сухина 2016: 337]. Глобальные проблемы, такие как НТП, модернизация исторического развития цивилизации, его глобализация являются показателем демиургических сил и возможностей преобразующего влияния на окружающую среду, которыми обладает техногенная цивилизация.

Основные виды глобальных проблем, согласно классификации российских философов В. Загладина и И. Фроловой [Загладин, Фролова: 37—169], акцентирующей категорию отношения в ее диалектическом значении, составляют три группы:

— первая группа — это интерсоциальные проблемы — военные, политические и экономические проблемы миропорядка, связанные с отношениями между государствами, обладающими сходными интересами: богатые и бедные страны, развитые, развивающиеся, неразвитые страны, и т. д.; например, проблемы войны и мира, справедливого мирового экономического порядка и др.;

— вторую группу образуют социально-экологические проблемы в глобальной системе отношений «общество/цивилизация — природа», особенность которых в том, что они затрагивают сами онтологические основания существования и развития человечества; например, экологическая, сырьевая проблемы;

— третью группу образуют социальные/социально-гуманитарные проблемы отношений в системе отношений «индивид — общество»; например, проблемы здравоохранения, образования, контроля численности народонаселения и др.

Проблема особой значимости, имеющая интегральный характер, — это глобальная проблема обеспечения продуктами питания населения планеты.

Исходя из фундаментальных — онтологических — оснований человеческого бытия в мире на передний план выходит экологическая проблема, которая раскрывает сущность проблемы системного отношения цивилизации и природы, актуализируемого в ходе исторического развития человечества.

Экологическая проблема являет собой корневую глобальную проблему, к которой сводятся другие глобальные проблемы, и которая, как их средоточие, доминанта, обретает системообразующий характер. Первостепенная значимость данной проблемы раскрывается с понимающим обращением к онтологически уникальным — биосферным условиям жизнедеятельности человека в мире.

Глобальные проблемы взаимосвязаны, имеют комплексный, системный характер, и потому перспектива их решения требует системных стратегий.

В общем, современная эпоха становления глобального мира-системы, выявляющая всемирность человеческой истории, с ее акцентуациями: начало XX в., 1950-е гг., начало XXI в. (или III тыс.) — определяется НТП/НТР, модернизацией социального/цивилизационного развития, его глобализацией, и глобальными проблемами. Это судьбоносная эпоха в истории человеческой цивилизации, вызванная глобализацией ее исторического развития, при достижении демиургической техногенной мощи преобразующего мировлияния.

Человечество эпохи глобального мира вплотную столкнулось с насыщенной

проблемой адекватных ориентиров современного цивилизационного развития, оптимизирующих его стратегии, исходящих из нового — глобального образа мышления, нового концептуального миропонимания. Как никогда в истории ранее состояние мира зависит от цивилизационной субъектности человечества.

Так, философское осмысление проблемы глобализации, новых реалий и перспектив глобального мира нашло яркое выражение в концепции ноосферы. Сам термин ноосфера (от греч. *noos* — разум и *sphaira* — сфера, т. е. сфера разума) означает современную, согласно «мерилу» геологического времени, стадию развития биосферы, связанную с появлением в ней человека как *Homo Sapiens*, и системным осуществлением его миро-преобразующей субъектности. Введенный в обиход в 1927 г. французским математиком и философом Э. Ле-Руа термин ноосфера послужил основой космологической концепции ноосферы, разработанной в своих главных версиях французским ученым-естествоиспытателем, философом П. Тейяром де Шарденом и российским ученым-естествоиспытателем, философом, академиком В.И. Вернадским.

В понимании Тейяра ноосфера являет собой филогенетический уровень развития человеческого разума, который, как ментальная оболочка планеты, приобретает в своем развитии способность управлять ее эволюцией, придавая ей направленный характер, и в перспективе сольется с природой в идеальной точке Омега. Преформационное единение с Омегой подобно тому, как в эволюционном процессе образуются такие целостности, как молекулы, клетки, живые организмы биосферы. В этом универсальном процессе — космогенезе — человек добавляет к материально-вещественным оболочкам Земли интегрированную ментальную сферу мысли, или ноосферу. По утверждению Тейяра, «Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе» [Тейяр де Шарден: 365].

Квалифицируя ноосферу как «феномен человека», Тейяр полагал, что на современном этапе его прогрессирующего развития, — в условиях НТП — происходит интенсивная кумуляция ментальной энергии (энергии мысли) человечества в некую целостность — психогенез, в силу чего эволюция природы обретает целенаправленный характер. Магистральная цель ноосферы, как завершающего этапа развития биосферы — обеспечение будущности человечества, как и окружающей среды его бытия в мире на основе развертывающегося и усиливающегося влияния мыслительной субъектности.

В мировоззренческом плане концепция Тейяра де Шардена — понимание мира как органического образования проникнутого ментальной энергией разума.

Свою версию концепции ноосферы, причем на основании собственного учения о биосфере, разработал В.И. Вернадский, и она получила у него экологически ориентированный характер. Биосфера как тесно связанная с космосом сфера действия всего живого, которая за время своего существования и развития произвела огромные изменения не только в преобразовании поверхности Земли, но и в структуре планеты, рассматривается Вернадским как важнейшая составляющая всей окружающей среды. Как биосфера преобразует косную материю геосферы, т. е. неживой части природы, так и человек способен оказывать обратное — антропогенное влияние на породившую его природу.

Уже в 1930-е гг. В.И. Вернадский обратил внимание на качественные изменения биосферы в глобальном масштабе в результате антропогенного влияния. Учитывая масштабы и интенсивность этой природопреобразующей субъектности, он утверждал, что на современном этапе своей истории «человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед

его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [Вернадский: 241]. Это новое состояние биосферы он квалифицировал как ноосферу [Там же: 241]. «*Ноосфера*, полагал Вернадский, — последнее из многих состояний эволюции биосферы в геологической истории — состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения ее геологического прошлого в некоторых своих аспектах» [Там же: 242]. В общем, ноосфера, согласно Вернадскому — это такое состояние биосферы и этап ее глобальной эволюции, когда на нее системным образом влияют разум и основывающаяся на разуме, его энергии, социальная субъектность человечества.

Рассматривая ноосферу закономерным эволюционным продолжением и высшей формацией биосферы, Вернадский подразумевал мировую цивилизацию, которая возникла из «живого вещества» (растительного и животного миров), и в процессе эволюционно-исторического развертывания человеческой жизнедеятельности сформировалась и превратилась в мощный геологический фактор системного влияния на Землю и ее ближайший космос.

В ходе человеческой истории вокруг Земли образовалась и поступательно развивается социально организуемая оболочка антропогенного происхождения — цивилизация. И это определенный этап в глобальном развитии биосферы, когда разумная, творчески преобразующая деятельность становится главной движущей (креативной) силой этого универсального процесса, а ноосфера удостоверяет становление и развитие глобальной эволюционно-исторической системы связей — отношений «цивилизация — природа». На современном этапе цивилизационного развития природа как биосфера оказывается вовлеченной в контекст его глобального антропогенного влияния и распространения, в сферу действия человеческого разума — в ноосферу. Соответственно, цивилизация раскрывается с позиции инициирования глобальной интеграции всего сущего на Земле, которая должна иметь коэволюционный характер, снимающий экологическую проблему в этой онтологически конструктивной оптимизации.

Ноосфера, согласно пониманию В.И. Вернадского, не некое особое по отношению к биосфере образование, а результат прогрессирующего перехода биосферы от одного — эволюционного состояния к новому — коэволюционному, вследствие чего она обретает новое качество, при том что пространственные параметры ее и ноосферы не совпадают. Так, используя космическую технику, человек выходит за пределы границ естественно сложившейся биосферы, но, являясь частью этой сферы как биологический вид, он расширяет ее границы — границы ее нового качества. В своем системном миро-отношении цивилизация «цивилизует» биосферу, наполняя ее качественно новым содержанием, и она во все большей степени вовлекается в контекст ее поступательного миро-осваивающего развития, отображается в нем. На исторически зрелом этапе развития цивилизации, со становлением современной науки, началом НТП и модернизации на его основе, разумная деятельность человека становится важнейшим фактором эволюции биосферы, ее трансформации в ноосферу.

Само понятие «ноосфера» концептуально нагружено, и предполагает его интерпретации. Так, например, с появлением человека на Земле возникает и динамично развивается сфера разума как обладающая креативным потенциалом ментальная реальность, существующая наряду с природой/биосферой. Также происходит становление и развитие такой сферы отношения цивилизации и природы, в которой руководящая роль принадлежит разумной человеческой субъектности. Тем самым, в широком смысле понятие «ноосфера» включает в себя:

естественную природу, биосферу, окружающую среду, человеческий разум, сообразную с ним преобразующую деятельность, как и цивилизацию — социально организуемый мир человеческого бытия в его субъектной активации.

Такое — универсалистское — понимание ноосферы позволяет представить ее высшей ступенью интеграции всего существующего на Земле, равно как и высшим этапом развития глобальной системы связей «цивилизация — природа», которая должна обрести оптимизирующий ее коэволюционный характер (от лат. *co* — согласованность, и лат. *evolutio* — эволюция; т. е. согласованная эволюция). Достижение ноосферы в ее онтологически фундированном — коэволюционном состоянии возможно тогда, когда цивилизация и природа будут совместно эволюционировать в одном направлении — максимальной гармонизации своего взаимодействия, оптимизирующего его в его коэволюционной синергии.

В синергичной коэволюционной кульминации это и есть та точка Омега, которую постулировал Тейяр, с той разницей, что она не выводится за пределы природы как биосферы, она не трансцендентна, а имманентна ей.

Переход к ноосфере предполагает коэволюцию цивилизации и природы как стратегический вектор глобализационного развития в его ноосферной направленности. Понятие «коэволюция» (согласованная эволюция) означает в широком смысле совокупную, взаимно-адаптивную во взаимодействиях изменчивость структурных составляющих в рамках биологических систем любого уровня (от молекулярного и клеточного до уровня биосферы в целом). В специальном смысле «коэволюция» означает процесс согласованного, совместного развития цивилизации и природы как биосферы, природы в целом.

В ноосферном значении «коэволюция» — это эволюционно-исторический процесс, который определяется системным (процессуальным) взаимодействием цивилизации и природы, и в котором происходит их коадаптация. Это — по сути экологическое — значение не просто корреспондирует концепции ноосферы, а входит в нее. Ноосфера, ее цивилизационная стратегия — это путь коэволюции.

Коэволюцию можно понимать как модель устойчивого развития систем в их связях со средой и их коадаптационном взаимодействии. Коэволюционное развитие экологично и имеет онтологически оптимизирующий характер. Так, согласно российскому естествоиспытателю, философу, академику Н. Моисееву, коэволюция в плане человеческой жизнедеятельности означает такое поведение, которое имеет своим результатом не деградацию, а ее развитие, т. е. усложнение самой системы за счет роста числа ее элементов, развития связей и разнообразия существования живого вещества организационных форм [Моисеев: 79]. В плане цивилизационного развития в его влиянии на природную среду, на биосферу, «коэволюция» — это коадаптация цивилизации и природной среды в их системном взаимодействии, которое имеет экологический, по сути, характер. Моисеев указывал на то, что с термином «коэволюция» коррелирует термин «экологический императив», обозначающий «...ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права преступать ни при каких обстоятельствах» [Там же]; т. е. имеется в виду экологический порог как мера допустимых антропогенных/техногенных воздействий на природную среду, при нарушении которой может произойти необратимая деградация биосферы.

Концепция ноосферы представляет коэволюционное единение человека как *Homo Sapiens* и природы/биосферы в виде процесса — ноогенеза, ведущего к становлению единой глобальной мега-системы связей «цивилизация—природа», определяемой развитием современной цивилизации в условиях НТП/НТР. Сам переход природы/биосферы в стадию ноосферы означает, что человечество принимает на себя ответственность за дальнейшее развитие

цивилизации и природы в его коэволюционной (синергетической) активации и оптимизации.

Человечество современной эпохи НТП/НТР, глобализации и глобальных проблем оказалось, в начале III тысячелетия, перед судьбоносным выбором — или переход глобальной системы связей «цивилизация—природа» в качественно новое — коэволюционное состояние, соответствующее экологической онтологии устойчивого развития и открывающее перед ним ноосферную перспективу, или разрушение экологической стабильности природы, биосферы, окружающей среды, с катастрофическими последствиями для человечества и природы Земли.

Концептуальное осмысление этой глобальной проблемы есть отправное начало инициирования экологически приоритетного, коэволюционного, в пределе — ноосферного ориентира и пути развития современной цивилизации. В фокусе цивилизационной интерпретации и адаптации концепция ноосферы должна стать кодом (оптимизирующего) развития современной цивилизации. Ноосферу в ее коэволюционной концептуальности можно понимать в качестве кода — семантической матрицы смыслов, предполагающих программы человеческого поведения, деятельности и коммуницирования как субъектного начала, создающего, воспроизводящего и модифицирующего социокультурную реальность цивилизации в ее глобализирующемся развитии и влиянии на мир.

Концептуально сформированное цивилизационное понимание ноосферы в его коэволюционной экспликации должно стать цивилизационным кодом. Код ноосферы — это код коэволюционного — онтологически устойчивого, экологически оптимизирующего развития современной цивилизации.

В общем, современная высокотехнологичная цивилизация начала III тысячелетия — это высший этап человеческой истории и глобальной эволюции биосферы, когда разумная, преобразующая деятельность человечества является главной движущей силой этого универсального (ноогенного) процесса. Этот — потенциально ноосферный этап удостоверяет собой становление и развитие глобальной эволюционно-исторической мега-системы связей «человек-цивилизация-природа», где человеческая цивилизация раскрывается с позиции глобальной интеграции всего сущего на Земле, которая должна обрести соответственный ноосфере, ее коду, коэволюционный характер онтологически основательной оптимизации. В этой перспективе раскрывается актуальность цивилизационного понимания ноосферы в коэволюционной его экспликации.

Список литературы/References

- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с. (Vernadsky V. I. *Scientific thought as a planetary phenomenon*, Moscow, 1991, 271 p. — In Russ.)
- Гидденс Э. Социология. При участии К. Бердсолл. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с. (Giddens E. *Sociology. With contributions from K. Birdsall*, Moscow, 2005, 632 p. — In Russ.)
- Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспект. М.: Международные отношения, 1981. 240 с. (Zagladin V.V., Frolov I.T. *Global problems of our time: scientific and social aspect*, Moscow, 1981, 240 p. — In Russ.)
- Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с. (Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business and society*, Ekaterinburg, 2004, 328 p. — In Russ.)
- Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с. (Moiseev N.N. *The fate of civilization. Path of Reason*, Moscow, 2000, 224 p. — In Russ.)

Нейсбит Д. Мегатренды. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. 380 с. (Naisbitt D. *Megatrends*, Moscow, 2003, 380 p. — In Russ.)

Степин В.С. Глобализация и диалог культур: проблема ценностей // Век глобализации. 2011. № 2. С. 8—17.

(Stepin V.S. Globalization and dialogue of cultures: the problem of values, *Age of globalization*, 2011, no. 2, pp. 8—17. — In Russ.)

Сухина И.Г. Ценности и человеческое бытие в хронотопе культуры. Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2016. 444 с.

(Sukhina I.G. *Values and human existence in the chronotope of culture*, Donetsk, 2016, 444 p. — In Russ.)

Сухина И.Г. Философия и история науки. Донецк: ГОВПО ДонНУЭТ, 2019. 320 с. (Sukhina I. G. *Philosophy and history of science*, Donetsk, 2019, 320 p. — In Russ.)

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: АСТ, 2002. 553 с.

(Teilhard de Chardin P. *The Phenomenon of Man*, Moscow, 2002, 553 p. — In Russ.)

ON THE QUESTION OF THE CIVILIZATIONAL UNDERSTANDING OF THE NOOSPHERE CONCEPT AND ITS CO-EVOLUTIONAL EXPLICATION

Igor G. Sukhina

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation, suhina_igor@mail.ru

Abstract. The article from the conceptual position of the civilizational approach analyzes the concept of the noosphere as a promising guideline, strategy and virtual code of the globalizing development of modern civilization in the context of modernization on a scientific and technical basis. Globalization is considered as an opportunity and prerequisite for the noospheric transformation of modern civilization. Concretizing civilizational understanding of the noosphere coevolution of its explication is proposed.

Keywords: human, mind, subjectivity, civilization, scientific and technological progress, modernization, globalization, global problems of modernity, nature, biosphere, noosphere, coevolution, ecology

For citation: Sukhina I.G. On the question of the civilizational understanding of the noosphere concept and its co-evolutional explication, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 142—150.

Статья поступила в редакцию 12.11.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 12.11.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Сухина Игорь Григорьевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, г. Донецк, Россия, suhina_igor@mail.ru

Sukhina Igor Grigorievich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of Philosophy Department, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky, Donetsk, Russian Federation, suhina_igor@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 151—157.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 151—157.

Научная статья

УДК 1:316

DOI: 10.46726/И.2024.2.17

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЕРЕХОДА ОТ ТЕХНОГЕННО-ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ К ДУХОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ (НООСФЕРНОЙ) СТРАТЕГИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Андрей Владимирович Иванов

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия,
ivanov_a_v_1958@mail.ru

Светлана Михайловна Журавлева

Алтайский государственный технический университет им. И. Ползунова,
г. Барнаул, Россия, jurav27@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость перехода от господствующей ныне техногенно-потребительской к духовно-экологической (ноосферной) цивилизации. В рамках этой новой модели цивилизационного существования экономика, финансы и научно-технический прогресс должны стать не целью, а средством совершенствования человека, развития культуры, науки и образования. На смену западной конкурентно-конфликтной ментальности, культу политического доминирования и материального потребления должны прийти принципы глобального миротворчества, равноправия, взаимопомощи и соборного единения народов, религий и культур, а также нестяжательства. Предпосылками подобной глобальной трансформации являются сегодня провал западной модели глобализации, развитие «зеленой экономики», дискуссии на Западе вокруг возможности построения «нравственного капитализма», ренессанс реалистического искусства и возникновение разнообразных общественных движений экологической и культурно-просветительской направленности. Подчеркивается, что в России имеются наилучшие предпосылки для совершения стратегического цивилизационного прорыва. Особую роль здесь призван сыграть сибирский регион, учитывая разворот российской политики на Восток. Делается предположение, что важными элементами при переходе к духовно-экологической стратегии развития должны стать синтетическое ноосферное мировоззрение и возвращение на новом уровне к советской системе территориально-корпоративного представительства народа в органах государственной власти.

Ключевые слова: духовно-экологическая цивилизация, кризис техногенно-потребительской цивилизации, Россия, Сибирь, синтетическое мировоззрение, советская власть

Для цитирования: Иванов А.В., Журавлева С.М. Перспективы перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической (ноосферной) стратегии цивилизационного развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 151—157.

Нарастающие кризисные явления в жизни мирового сообщества, будь то военные действия на Украине, обострение арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке или новый раскол мира по оси Запад-Восток делают очевидной необходимость глобальной трансформации от нынешней

© Иванов А.В., Журавлева С.М., 2024

техногенно-потребительской цивилизации, олицетворяемой странами Запада, к новому глобальному типу цивилизационного существования, который ряд отечественных авторов называет ноосферным. Авторы данной публикации, сочувственно относясь к термину «ноосфера», предпочитают именовать эту зарождающуюся цивилизацию *духовно-экологической* [Иванов, Фотиева, Шишин; Иванов, Попков]. Этим словосочетанием подчеркивается, что главными ценностями нового типа мироустройства станет максимально рачительное использование природных ресурсов и сохранение здоровой окружающей среды, а также приоритет духовных идей, ценностей и идеалов, в соответствии с которыми человек преобразует внешний и свой собственный внутренний мир.

В рамках этой новой модели цивилизационного существования экономика, финансы и научно-технический прогресс должны стать не целью, а средством всестороннего совершенствования человека, а также развития культуры, науки и образования. На смену западной конкурентно-конфликтной ментальности, культуру политического доминирования и материального потребления должны прийти принципы глобального миротворчества, равноправия, взаимопомощи и соборного единения народов, религий и культур, а также нестяжательства.

Последний принцип четко сформулировал еще в конце XV века глава русских заволжских старцев Нил Сорский: «И не только обладания золотом и серебром подобает нам избегать, но и всяких вещей сверх нужной потребности...» [Устав Нила Сорского: 145]. В более простой формулировке это звучит, как «все, что лишнее, — то не мое». Русские мыслители (С.Н. Булгаков и П.Н. Савицкий) недаром противопоставляли *экономике*, как погоню за прибылью любой ценой, *хозяйству*, как заботе о гармоничном воспроизводстве человека, социальных условий его существования, а также окружающей природной среды. С.Н. Булгаков был убежден, и его позиция представляется сегодня исключительно актуальной, что хозяйственная жизнь «может быть общественным служением и исполнением нравственного долга, и только при таком к ней отношении и при воспитании общества в таком ее понимании создается наиболее благоприятная духовная атмосфера как для развития производства, так и для реформ в области распределения, для прогресса экономического и социального» [Булгаков: 366]. С ним был согласен выдающийся русский правовед и философ евразийской ориентации Н.Н. Алексеев, полагавший, что «нестяжательство может быть соединено с величайшим вниманием к вещам, но не во имя корысти, а во имя заповеди труда, любви к ближнему и к Божьему миру. Возможна система хозяйства, построенного на принципе нестяжательства» [Алексеев: 281].

Важнейшим фактом, свидетельствующим о необходимости глобального цивилизационного перехода к новому — духовно-экологическому — типу мироустройства, можно считать *очевидный провал западного проекта глобализации*. В его рамках человечеству не удалось решить ни одной глобальной проблемы, а вот третья мировая война стала гораздо более реальной, чем во времена противоборства двух общественно-политических систем во второй половине XX века. При этом часто не обращают внимания на весьма символический факт: в основу западного проекта объединения мира, помимо экономической заинтересованности крупных корпораций в глобальном движении товаров, финансов и рабочей силы, были положены исключительно социально-политические и сугубо относительные ценности, типа партийной демократии, рынка и прав человека. Духовных ценностей там не было вовсе. Не считать же духовной ценностью пресловутую толерантность, которая фактически обернулась требованием примириться с очевидным злом, типа повсеместного распространения однополых браков или массовых операций по перемене пола.

Но если в основу отношений между людьми, социальными, национальными или государственными общностями не положены духовные ценности (типа нестяжательства, общего блага, милосердия, неприятия лжи, заботы не только о ближних, но и дальних), то рано или поздно эти общности будут расколоты и развалены сугубо эгоистическими — материальными, социальными, этническими или политическими — интересами. Если не следовать высшему, то в человеке неизбежно восторжествуют низшие потребности и вожделения. Современные тенденции так называемой «деглобализации» свидетельствуют именно об этом. В рамках же возникших новых — незападных — стратегий мирового объединения, будь то ШОС или БРИКС, помимо принципов многополярности и учета экономических интересов всех объединяющихся стран, все чаще звучат требования сформировать мир справедливый, просвещенный и культурный.

Важными знаками начала перехода к духовно-экологической стратегии мирового развития служат также успехи в «зеленой экономике», чему у стран Запада, безусловно, следует поучиться. Все более жесткой среди наиболее трезвомыслящих западных элит становится критика современного олигархического капитализма и обсуждение проектов перехода к так называемому «нравственному капитализму» [Янг]. Что касается нашей страны, то в ней появляется все больше предпринимателей нестяжательской ориентации, продолжающих традиции П.М. Третьякова и А.А. Бахрушина, М.К. Сидорова и С.И. Мамонтова. Сегодня также очевиден *ренессанс традиций высокого искусства* (особенно в России) и рост спроса на классические реалистические образцы российской живописи и скульптуры по всему миру (особенно в Китае). Возникает все больше *общественных объединений духовной и экологической направленности*. Можно, в частности, указать на объединения родителей, выступающих против тотальной цифровизации образования в России и доказывающих необходимость возвращения на новом качественном уровне ко многим традициям советского образования с его культом знаний и идеологией общественного служения. Наконец, в условиях господства постмодернистской *постправды* и теневых политико-финансовых элит все острее становится запрос на объективную информацию о происходящих в мире событиях и процессах, а также на широкое участие простых людей в обсуждении и принятии стратегически значимых решений для судеб народов и стран.

Однако пока мы видим лишь объективные предпосылки и отдельные ростки новой духовно-экологической цивилизации. В этих условиях полезно проанализировать исторические закономерности становления новых цивилизационных отношений, а также попытаться спрогнозировать появление новых тенденций.

Во-первых, исторический опыт свидетельствует: новые типы цивилизационного мироустройства первоначально всегда имеют ограниченную пространственную локализацию и эмбриональный период созревания. Лишь после этого новые отношения начинают триумфальное шествие по странам и регионам Земли. Так, истоки великих *восточных биосферных цивилизаций* — крупные городские центры на плодородных землях многоводных рек: Ур в Месопотамии, Мохенджо-Даро в Индии, Саккара в Египте. Знания и технологии из этих очагов культуры впоследствии широко расходятся по окружающим землям и народам. Недаром греки в течение столетий ездят учиться к египетским жрецам и вавилонским магам. *Античная цивилизация*, где закладываются основы европейской науки и культуры, начинается с малоазиатских греческих полисов и лишь постепенно распространяется на весь средиземноморский регион. *Христианская цивилизация*, зарождающаяся на Ближнем Востоке, лишь столетия спустя охватывает огромные пространства земного шара.

Господствующая ныне *техногенно-потребительская капиталистическая цивилизация Запада*, опирающаяся на античное и христианское наследие, начинается с итальянских городов-государств: Флоренции, Венеции и Милана. К концу XIX века она охватывает весь мир, включая страны Азии, Африки и Америки.

Опираясь на данную историческую закономерность, есть основания предположить, что именно территория России, и особенно Сибирь, претендуют на роль ключевых локусов перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии цивилизационного развития. Это связано с адекватными для решения подобной задачи стратегическими пространственными и биосферными ресурсами России; традициями мирного сотрудничества и соборного единения различных народов и культур; историческим опытом изживания на протяжении жизни одного поколения как планово-социалистических, так и рыночно-либеральных техногенно-потребительских мифов; невозможностью поступательного развития российской цивилизации и особенно ее сибирских регионов при господствующих ныне мировых правилах финансово-экономической жизни, выгодных для океанических и крайне не выгодных для континентальных стран. Россия, как великая евразийская держава, связывающая Восток и Запад, обладает всеми возможностями для совершения этого стратегического цивилизационного прорыва. Особую роль в условиях нарастания интеграционных процессов в так называемой «Большой Евразии» и поворота нашего государства на Восток начинает играть сибирский регион, где важна взвешенная и системная государственная программа его стратегического развития. Судьба России отныне решается не на ее западных территориях, а за Уралом, где есть смысл учредить третью, наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, *инновационную столицу* России, отвечающую за восточный вектор ее политики и духовно-экологический (ноосферный) поворот. Подробное теоретическое и фактическое обоснование этой позиции приводится в коллективной монографии [Цивилизационная миссия Сибири...].

Во-вторых, можно утверждать, что переход к новой цивилизации будет связан с формированием и широким распространением *синтетического ноосферного мировоззрения*, о необходимости которого всегда говорила отечественная философская и научная традиция, начиная с работ М.В. Ломоносова. Исключительно значимым в этой связи должен стать углубляющийся диалог между наукой, философией и религией, способствующий преодолению крайностей как иррационального религиозного обскурантизма и обрядоверия, так и атеистического иррационального неверия. Образцы органического синтеза научного и религиозного мировоззрения мы можем найти в работах того же М.В. Ломоносова, И.П. Павлова и особенно П.А. Флоренского. Анализ истории и перспектив диалога науки, философии и религии представлен в недавно вышедшей коллективной монографии с участием философов и ученых из Москвы, Новосибирска, Барнаула, Омска, а также Шимлы — столицы индийского штата Химачал-Прадеш [Наука и религия...]. Другими линиями синтеза являются нарастающее взаимодействие между естественными и гуманитарными науками, традиционной восточной и западной мыслью (особенно в области медицины и изучения сознания человека), а также между древними и современными знаниями, когда многие интуиции и практики архаических культур переоткрываются средствами передового научно-технического дискурса. Без становления цельного мировоззрения движение к новому мироустройству и идеалу гармонично развитой ноосферной личности попросту невозможно.

В-третьих, можно предположить в будущем отказ от западных партийных демократий и *возврат на новом уровне к демократии советского типа*,

основанной на территориально-корпоративном представительстве народа в высших органах власти. Отношение к институту политических партий в России всегда было преимущественно негативным со стороны философов и ученых самых разных общественно-политических взглядов, будь то консерваторы К.Н. Леонтьев и К.П. Победоносцев, коммунист В.И. Ленин, почвенник Ф.М. Достоевский, анархист М.А. Бакунин или либерал Н.А. Бердяев. К избранию депутатов по партийному принципу отрицательно относился Д.И. Менделеев. Он полагал, что таким образом правильный выбор наиболее достойных людей сделан быть не может. Нужны качественные требования к талантам и практическим делам того, кто избирает и избирается [Менделеев: 301—305]. Выдающийся отечественный историк В.О. Ключевский прямо писал: «Я вообще не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта; 2) игра в жмурки» [Ключевский: 355].

Что касается современной ситуации, то, согласно социологическому исследованию 2021 года, 63% населения нашей страны не видят ни одной партии, которая выражала бы их коренные интересы¹. По данным директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академика РАН М.К. Горшкова, политическим партиям в России испытывают доверие только 15 % россиян. Это самый низкий показатель по сравнению со всеми другими государственными институтами².

В Советской системе, если избавиться ее от всех форм внешнего политического давления, как это было во времена СССР, *механическое* голосование за мало кому известных отдельных партийных кандидатов или за «партийные списки» заменяется *органическим* (по выражению Н.Н. Алексеева) принципом поэтапного делегирования в высшие органы государственной власти проверенных в реальном деле людей при обеспечении действенных механизмов контроля за ними снизу, со стороны первичных территорий и организаций, непосредственно выдвинувших их во власть. Соответственно, главная задача территориально-корпоративной или органической демократии состоит в качественном отборе и продуманном продвижении вверх по ступеням государственной лестницы наиболее разумных, энергичных и ответственных людей. Преимущество советской выборной системы по сравнению с партийной заключается в том, что депутат здесь выражает и отстаивает объективные народные интересы территорий и корпораций (врачей, сельских тружеников, предпринимателей), а не оглядывается на партийные программы и партийную дисциплину. Необходимость возвращения на новом качественном уровне к опыту советской демократии, особенно в нынешнем кризисном историческом контексте, подробно аргументирована одним из авторов в статье «Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость» [Иванов].

Понятно, что предугадать конкретные процессы и механизмы перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической (ноосферной) цивилизационной стратегии развития невозможно. Жизнь, как и всегда, окажется богаче и

¹ Социологи выяснили отношение россиян к политическим партиям. URL: <https://imccenter.ru/sotsiologicheskiye-issledovaniya-politicheskikh-partiy-i-dvizheniy/> (дата обращения 30.10.2023).

² Почему россияне не доверяют парламенту и политическим партиям: выводы академика. URL: <https://www.mk.ru/social/2019/02/21/pochemu-rossiyane-ne-doverayut-parlamentu-i-politicheskim-partiyam-vyvody-akademika.html> (дата обращения: 30.10.2023).

неожиданной любых рассудочных схем, однако важна общая воля народа к обретению более справедливых, разумных, гуманных и солидарных форм общежития. Необходимы также широкие дискуссии обществоведов вокруг перспектив развития России как великой евразийской и мировой державы, которая просто обязана иметь свое собственное научно-философское видение будущего.

Список литературы / References

- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 640 с.
(Alekseev N.N. The Russian people and the state, Moscow, 1998, 640 p. — In Russ.)
- Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность (посвящается памяти Ивана Федоровича Токмакова) // Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 2: Избранные статьи. М.: Наука, 1999. С. 343—367.
(Bulgakov S.N. National economy and religious personality (dedicated to the memory of Ivan Fedorovich Tokmakov), *Bulgakov S.N. Essays in 2 vols, vol. 2: Selected articles*, Moscow, 1999, pp. 343—367. — In Russ.)
- Иванов А.В. Возвращение к Советам: утопия или историческая необходимость // Вестник МГУ. Серия XII: Политология. 2022. № 6. С. 22—39.
(Ivanov A.V. Return to the Soviets: Utopia or Historical Necessity, *Bulletin of the Moscow University, Series XII: Political science*, 2022, no. 6, pp. 22—39. — In Russ.)
- Иванов А.В., Попков Ю.В. Типология цивилизаций в диахроническом измерении: базовые модели и перспективы России // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 2. С. 404—415.
(Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Typology of Civilizations in the Diachronic dimension: basic models and prospects of Russia, *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 404—415. — In Russ.)
- Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: АлтГТУ, 2014. 219 с.
(Ivanov A.V., Fotieva I.V., Shishin M.Iu. On the way to a new civilization (essays on the spiritual and ecological worldview), Barnaul, 2014, 219 p. — In Russ.)
- Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. IX: Материалы разных лет. М.: Мысль, 1990. 525 с.
(Kliuchevskii V.O. Essays. In 9 vols. Vol. IX: Materials from different years, Moscow, 1990, 525 p. — In Russ.)
- Менделеев Д.И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с.
(Mendeleev D.I. Towards the Knowledge of Russia, Moscow, 2002, 576 p. — In Russ.)
- Наука и религия: нераздельность и неслиянность / под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2023. 628 с.
(Science and Religion: Inseparability and non-diversity, ed. by A.V. Ivanov, Barnaul, 2023, 628 p. — In Russ.)
- Устав Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб.: Издательство Олега Обышко, 2008. С. 96—220.
(The Charter of Nil Sorsky, *Venerable Nil Sorsky and Innokenty Komelsky. Essays*, St. Petersburg, 2008, pp. 96—220. — In Russ.)
- Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.
(Civilizational mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development, ed. by A.V. Ivanov, Barnaul, 2022, 368 p. — In Russ.)
- Янг С. Нравственный капитализм: частный интерес на службе обществу. СПб.: Издательство СПбГУ, 2022. 228 с.
(Yang S. Moral Capitalism: Private interest in the service of society, St. Petersburg, 2022, 228 p. — In Russ.)

PROSPECTS OF TRANSITION FROM TECHNOGENIC-CONSUMER TO SPIRITUAL-ECOLOGICAL (NOOSPHERIC) STRATEGIES OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT

Andrey V. Ivanov

Altai State Agricultural University, Barnaul, Russian Federation,
ivanov_a_v_1958@mail.ru

Svetlana M. Zhuravleva

Altai State Technical University named after I. Polzunov, Barnaul, Russian Federation,
jurav27@yandex.ru

Abstract. The apprehension of phenomenon is seen as a facet of autocommunication, the voice of conscience associated with constant awareness and subsequent shame. Current phenomenological philosophy with reference to the literary implication of conscience brings to light the inner resources of the expertise of the individual's experience. The paper proposes a reading of Hegel's doctrine of conscience in the Phenomenology of Spirit not only as a dialectical but also as a mediæsthetic phenomenon. Hegel's philosophy is autocommunicative in its essence: he does not so much impose the rules of constructing philosophy as a novel, but rather waits for the former philosophy with its categorical apparatus to take shape in his own work as a dialectic. The tradition of an autocommunicative consideration of the experience of living was observed before Hegel in M. Montaigne and G. Leibniz, as the doctrine of social language and reflection. Friedrich Kittler pointed out Hegel's advantage as a thinker due to his experience of systemic combinatorics. The concept of "environment" introduced by Hegel in the Phenomenology of Spirit examines cognition through the combinatorics of artifice, through an involuntary epistemological bad conscience. The medium is life, which allows us to see the variability of things not as a general process but as some mechanics of difference that dialectically establishes individuality. The medium acts as a mediator and a situation of distinctions. Hegel, however, denies the mediumship of conscience. It is not a medium that holds entities together, but an absolute self that annihilates the moral substances of example and duty. Spirit turns out to be the correspondence of authorial intent. Observing conscientious or shameful deeds of the novel's characters, the reader independently organizes his or her own subjectivity.

Keywords: Spiritual-ecological civilization, the crisis of technogenic-consumer civilization, Russia, Siberia, synthetic worldview, Soviet power

For citation: Ivanov A. V., Zhuravleva S. M. Prospects of transition from technogenic-consumer to spiritual-ecological (noospheric) strategies of civilizational development, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 151—157.

Статья поступила в редакцию 05.11.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 05.11.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Иванов Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор, директор Центра гуманитарного образования, Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул, Россия, ivanov_a_v_1958@mail.ru

Ivanov Andrey Vladimirovich — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Director of the Center of Humanitarian Education, Altai State Agricultural University, Barnaul, Russian Federation, ivanov_a_v_1958@mail.ru

Журавлева Светлана Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Алтайский государственный технический университет им. И. Ползунова, г. Барнаул, Россия, jurav27@yandex.ru

Zhuravleva Svetlana Mikhailovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Altai State Technical University named after I. Polzunov, Barnaul, Russian Federation, jurav27@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 158—164.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 158—164.

Научная статья

УДК 81:140.8

DOI: 10.46726/И.2024.2.18

ЯЗЫК КАК ФАКТОР САМОТРАНСФОРМАЦИИ НООСФЕРНОГО УНИВЕРСУМА

Олег Владимирович Шимельфениг

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, shim.ov@mail.ru

Николай Николаевич Васильев

Независимый исследователь, г. Саратов, Россия, vnn111@mail.ru

Аннотация. Исследуется роль языка в самопреобразованиях Мира как единого целого. Язык, в свою очередь, рассматривается в контексте иерархии языков всех уровней осознанности, начиная от элементарных частиц, молекул, клеток, организмов, их сообществ до биосферы, ноосферы и заканчивая Вселенской Целостностью. Методологической основой исследования служат концепция ноосферы и сюжетно-игровая парадигма, где источником всего происходящего полагается некое Творящее Начало Вселенной, не имеющее формы, и потому порождающее их всех. Эта идея, а также понятия индивида, сюжета, сценария и игры являются базисными в рассматриваемой модели Реальности, которая описывается как общее взаимодействие всех составляющих её индивидов, интерпретируемое как Космическая Игра. Особая роль здесь принадлежит мировоззренческой коммуникации, трудности которой обычно недооцениваются. На основе уточнения определения языка и технологии проблемно-деловых игр предлагается путь разработки межцивилизационного проекта осознанной эволюции ноосферного универсума.

Ключевые слова: ноосфера, универсум, сюжетно-игровая парадигма, язык, сюжет, сценарий, игра

Для цитирования: Шимельфениг О.В., Васильев Н.Н. Язык как фактор самотрансформации ноосферного универсума // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 158—164.

Ноосферное знание носит мировоззренческий характер и обретает определённые формы всегда на базе определённых мировоззренческих концепций. Очень важный пример этого представлен в статье Г.С. и Д.Г. Смирновых, где «формулируется семиотическое представление о ноосферном языке как репрезентации глобальной реальности» и вводится понятие «ноосферного универсума» как представление о мировой целостности, развитие которой определяется космическим сознанием [Смирнов Г.С.; Смирнов Д.Г.: 5].

На рубеже XX и XXI веков обнаружили черты кризисности в мировоззренческой ситуации, вызванные «экзистенциальным разрывом “духовного” и “практического” в человеческой жизнедеятельности» [Арутюнян: 2], а также пониманием опасности для будущего человечества фрагментарности взглядов на мир и отсутствия целостности мировосприятия.

В связи с этим актуально формирование новых мировоззренческих установок, основывающихся на единстве мира. «Единство мира — это архетипическая идея, распространенная по всему свету и во все времена. Так, сквозной установкой мировоззрения Востока является представление о единстве всех вещей и явлений» [Белов: 168].

Нами разработана и развивается близкая по духу к ноосферной *сюжетно-игровая мировоззренческая парадигма* как модель духовно-психофизической целостности Универсума, которую кратко охарактеризуем следующим образом.

Источником существования и развития всего сущего (источником бытия) полагается абсолютно трансцендентное, вневременное Творящее Начало Вселенной, не имеющее определённой воспринимаемой человеком формы¹. Единый целостный Универсум состоит из индивидов, представляющих собой его фрагменты и части разного масштаба и разного уровня физической организации от самого Единого до самых мельчайших его элементов, тотально взаимодействующих между собой.

Самый принципиальный онтологический аспект состоит в том, что все индивиды (не только люди) с присущей им двуединой психофизической природой имеют способность проявлять активность во взаимодействии друг с другом, то есть обладают субъектностью. Взаимодействие, в котором все стороны являются субъектами, с научной точки зрения является игрой (игровым взаимодействием), реализующей по некоторым правилам определённый сюжет. Совокупность всех отдельных сюжетов, разыгрываемых в отдельных частях Универсума, образует интегральный сюжет миропроявления — становления, осуществления Бытия как Космической Игры [Шимельфениг 2005]. В рамках этих онтологических представлений Универсум представляется как Коммунальная Реальность.

Идейными предпосылками сюжетно-игрового мировоззрения являются отдельные элементы древних духовных традиций и результаты научных исследований.

Во многих науках объекты изучения имеют имманентную «двуединую психофизическую природу», например, в медицине, биологии, психологии, социально-гуманитарных науках. А по крайней мере начиная с XVII века многие философы и учёные высказывали предположения, что психические свойства, проявляющиеся явно в людях и животных, неизбежно должны иметь место и в менее развитых природных формах даже на низших уровнях сложности. В частности, Уайтхед считал, что «Молекулы суть структурированные общества... и таковы же, по всей вероятности, отдельные электроны и протоны. Кристаллы суть структурированные общества» [Уайтхед: 42]. Циолковский, в свою очередь, писал: «Атомы, т. е. основные элементы всякой действительности, суть живые элементарные существа, или то, что со времени Лейбница получило название монад» [Циолковский: 30].

Научные представления об игре как межличностном взаимодействии также имеют определённую традицию. «Игра начинается всякий раз, когда люди как-то пытаются *взаимодействовать* друг с другом» [Бабичева Т.С.,

¹ Аналогичный смысл в разных духовных традициях имеют Брахман, Дао, Абсолютное Сознание, Творец в Христианстве, Аллах в Исламе. При сравнении западных и восточных философских традиций по отношению к этой проблематике мы опираемся на работу Стёпина [Стёпин].

Бабичев С.Л.: 4]. «Любая деятельность всегда идёт в режиме игры, даже когда она таковой не является» [Апилян: 399].

Наша концепция предельно обобщает такое представление на всю Реальность. Там, где есть взаимодействие, оно всегда может быть интерпретировано как игра взаимодействующих начал. Игра в контексте сюжетно-игровой парадигмы есть проявление сущности бытия, поэтому диалектически противоположная ей «не-игра» несёт смысл небытия.

Сюжет и игра в рамках рассматриваемой мировоззренческой концепции являются философскими понятиями, предельно абстрактные и универсальные содержания которых раскрываются в контексте бытия целостного, единого Мира. Через них представляется и познается любое явление. Вся Реальность соткана из сюжетно-игровой «материи», так же как в субстанциальной картине Мира она соткана из традиционно понимаемой материи.

Основываясь на положениях сюжетно-игровой мировоззренческой парадигмы, представления о ноосферной реальности могут быть проиллюстрированы *звёздной метафорой ноосферного Универсума*.

В этой метафоре усматривается определённая аналогия с видимой конструкцией звезды (например, Солнца):

— самая яркая, хорошо видимая часть определённой сферической формы — поверхностный слой (фотосфера), непрерывно меняющийся, частично уходящий внутрь, частично улетающий вдаль;

— наружная атмосфера (хромосфера и корона) — часть менее заметная, но вполне доступная для наблюдения, малая по массе (относительно Целого Светила), не имеющая сколь-нибудь чётко проявленной формы, но простирающаяся далеко;

— внутренняя часть, сердцевина, основа Светила, в которой сосредоточена его основная масса и энергия. Недоступна для непосредственного наблюдения, но является источником «жизни» Светила, порождающим и видимый поверхностный слой, и корону.

Имея в виду наличие психической стороны существования, сознания, разума (в той или иной степени) у всего сущего в Универсуме и учитывая очевидно имеющиеся качественные различия этих «разумов», можно выделить в ноосферной реальности три слоя:

- дочеловеческий — биологический, минеральный, элементарный;
- человеческий — собственно ноосфера — люди, сфера влияния их разума;
- уровень Творящего начала Универсума в его полноте и целостности.

Просматривается очевидное метафорическое соответствие:

- поверхностный слой — человеческий уровень (ноосфера);
- атмосфера — дочеловеческий уровень (предноосфера);
- внутренний объём — уровень Творящего начала (сверхноосфера).

Пространственная последовательность их, конечно, обратная, но по проявленности, взаимному влиянию и «мощности» — практически полная аналогия.

Иерархия сознаний (разумов) индивидов коррелирует с иерархией уровней структурной и функциональной сложности индивидов. На каждом качественно отличном уровне, по сравнению с предшествующими, появляются новые качества и возможности взаимодействия индивидов. Уровень человеческого разума более высокий и качественно более богатый по сравнению с уровнями присутствующими индивидам биологическим, минеральным и элементарным.

В коммуникационных возможностях это проявляется в наличии второй сигнальной системы, базирующейся на абстрактном мышлении, и «искусственных»

абстрактно-символьных, «человеческих» языках, дающих возможность отчуждать и опосредованно передавать другим людям знания и интеллектуальные плоды деятельности разума.

Очевидно, существует и ещё один, более высокий уровень сознания — сознание Единого целостного Мира — Универсума. Оно должно существовать в силу того, что структурная и функциональная сложность Универсума, очевидно, качественно выше человеческой, поскольку Он обладает самодвижением, саморазвитием и возможностью порождения существ, в том числе и разумных.

Подчеркнём особо важную роль *языковой коммуникации в организации совместной деятельности по трансформации ноосферной реальности*. Трансформации ноосферы, производимые разумной активностью, являются именно автотрансформациями, поскольку и источник активности — носитель разума, и результаты трансформации — изменения в некотором фрагменте ноосферной реальности находятся в самой ноосфере.

Можно сказать, что ключевым фактором такой автотрансформации является коммуникация на основе языков, доступных носителю активного разума. Именно в языковой форме так или иначе представляются проекты, указания, цели и способы действий, которые являются сюжетами и сценариями межличностного игрового взаимодействия.

Межличностная коммуникация, при которой её участники обмениваются в явной или завуалированной форме этими представленными в языковой форме информационными сущностями, вовлекает в действие их мировоззренческие представления и поэтому является мировоззренческой коммуникацией. А в силу того, что мировоззренческие представления основываются на различных элементах человеческой культуры в широком смысле и, с другой стороны, сами являются такими элементами, то мировоззренческая коммуникация представляет собой и, может быть, даже прежде всего, коммуникацию межкультурную. При её реализации каждый из участников коммуникационного процесса должен пытаться понять и соотнести картины мира (своего рода культурные коды) как собеседников, так и свою собственную. А они могут оказаться в чём-то близкими, а в чём-то совсем не схожими, даже антагонистичными.

Это часто делает взаимопонимание проблемой достаточно трудной, вынуждая все стороны к поиску компромисса, который совсем не гарантирует полного успеха, и во многих случаях она (проблема) может быть неразрешимой, как показано в работе [Шимельфениг 2021b].

Однако подходу диалектически, рассматривая развитие этого сюжета через единство и борьбу (взаимопереход) противоположностей, неизбежно необходимо отметить и своего рода антитезу к упомянутым выше действиям сторон процесса коммуникации, приводящим к их взаимопониманию и согласию. Таковой является *неустрашимость в полной мере* разнопонимания практически для любого текста мировоззренческого характера, даже если он представлен на одном языке, являющимся родным для всех сторон.

И у этого вроде бы негативного явления есть аспект позитивный для развития культуры человечества. На него указывал ещё в конце прошлого столетия, когда только ещё формировалась модель единой Европы, выдающийся культуролог Ю.М. Лотман: «Единство состоит не в том, чтобы все были одинаковыми. “Понимаемость”, к которой мы так стремимся, — это один полюс; другой необходимый полюс — “непонимаемость”, потому что непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность... Будущее — не в стирании национальных границ, а в понимании чужого, в понимании

необходимости чужого: чужой, инакомыслящий, иначе устроенный для меня мучительно необходим и составляет моё мучительное счастье...» [Лотман: 74].

В заключение отметим, что на основе отечественных ноосферных исследований [Вернадский 1988, 1991, 2012; Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.; Смирнов 2017а, 2017б; Смирнов, Никифоров; Смирнов 2019] и сюжетно-игровой парадигмы [Шимельфениг 2005, 2021а] усматривается путь разработки *совместной мировой стратегии трансформации ноосферного универсума*.

Эта разработка может быть осуществлена в формате международной *проблемно-деловой игры* [Шимельфениг 2005, 2019] под эгидой ООН, с участием команд, *представляющих разные цивилизации*. С инициативой подготовки и осуществления такого проекта могло бы выступить руководство России при одобрении концепции экспертным сообществом по мировоззренческой проблематике. К подготовке сценария этого судьбоносного для человечества и природы Земли мероприятия и к процессу его осуществления целесообразно привлечь государственных и общественных деятелей, дипломатов, философов, учёных, представителей религиозных конфессий, бизнеса и других ключевых структур.

Список литературы / References

- Апинян Т.А. Игра в пространстве серьезного. Игра, миф, ритуал. Сон, искусство и другое. СПб., 2003. С. 399.
(Arinyan T.A. Game in the space of the serious. Game, myth, ritual. Sleep, art and other, St. Petersburg, 2003, p. 399 — In Russ.)
- Арутюнян М.П. Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: автореф. дис. ... д-ра. филос. наук. М., 2006. 42 с.
(Arutyunyan M.P. Worldview: ontological and methodological approaches: abstr. of diss. ... doctor of sciences (Philosophy), Moscow, 2006, 42 p. — In Russ.)
- Бабичева Т.С., Бабичев С.Л. Введение в теорию игр и исследование операций. М.: МФТИ, 2018. С. 4.
(Babicheva T.S., Babichev S.L. Introduction to Game Theory and Operations Research, Moscow, 2018, p. 4 — In Russ.)
- Белов А.П. Мировоззрение на рубеже XXI века // Вестник Поволжского института управления. 2001. № 1. С. 164—176.
(Belov A.P. Worldview at the turn of the XXI century, *The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2001, no. 1, pp. 164—176. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста / сост. М.С. Бастракова и др. М.: Наука, 1988. 520 с.
(Vernadsky V.I. Philosophical thoughts of a naturalist, comp. by M.S. Bastrakova & others, Moscow, 1988, 520 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / отв. ред. А.Л. Яншин. М.: Наука, 1991. 272 с.
(Vernadsky V.I. Scientific thought as a planetary phenomenon, ed. by. A.L. Yanshin, Moscow, 1991, 272 p. — In Russ.)
- Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
(Vernadsky V.I. Biosphere and Noosphere, Moscow, 2012, 576 p. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Разговор о пространстве // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб., 2005. 624 с.
(Lotman Y.M. Talking about space, *Lotman Y.M. Nurturing the soul*, St. Petersburg, 2005, 624 p. — In Russ.)

- Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г. В поисках ноосферного языка: актуализация и проблематизация глобального сознания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2 (17). С. 5—14.
(Smirnov G.S., Smirnov D.G. In Search of Noospheric Language: Actualization and Problematization of Global Consciousness, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2017, no. 2 (17), pp. 5—14. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: локальное мёбиус глобальное. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017а. 500 с.
(Smirnov G.S. Noosphere formation: local moebius global, Ivanovo, 2017a, 500 p. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Ноосферная гуманистика: проблематизация планетарного разума // Этически исследования. 2017б. Бр. 2. Кн. 2. С. 197—214.
(Smirnov G.S. Noospheric Humanistics: Problematization of Planetary Intelligence, *Ethical Studies*, 2017b, iss. 2 (2), pp. 197—214. — In Russ.)
- Смирнов Г.С., Никифоров А.С. Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 1. С. 84—92.
(Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary cephalization: organic and electronic global mind (ways of linguistic convergence), *Scientific journals of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*, 2018, no. 1, pp. 84—92. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. «Будущий мир неба с землёю»: семиосфера Владимира Соловьёва // Соловьёвские исследования. 2019. № 1 (61). С. 94—103.
(Smirnov D.G. “The future world of heaven with earth”: Vladimir Soloviev's semiosphere, *Solovyov studies*, 2019, no. 1 (61), pp. 94—103. — In Russ.)
- Стёпин В.С. Новые ориентиры цивилизации // Экология и жизнь. 2000. № 4. С. 4—7.
(Stepin V.S. New benchmarks of civilization, *Ecology and life*, 2000, no. 4, pp. 4—7. — In Russ.)
- Уайтхед А. Избранные работы по философии. М. 1990. 720 с.
(Whitehead A. Selected works on philosophy, Moscow, 1990, 720 p. — In Russ.)
- Циолковский К.Э. Космическая философия. М., 2004. 496 с.
(Tsiolkovsky K.E. Cosmic Philosophy, Moscow, 2004, 496 p. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». Саратов: Научная книга, 2005. 688 с.
(Schimelfenig O.V. The Living Universe. A narrative and playful picture of the world. The 21st century: “SELF-COVENANT” or “SELF-APOCALYPSE”, Saratov, 2005, 688 p. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. Методология игровой деятельности с позиции сюжетно-игровой парадигмы // Креативная экономика и социальные инновации. 2019. Вып. 9, № 2 (27). С. 15—34.
(Shimelfenig O.V. Methodology of game activity from the position of the story-game paradigm, *Creative Economics and Social Innovations*, 2019, iss. 9, no. 2 (27), pp. 15—34. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровая парадигма как система мировоззренческих универсалий // Общество: философия, история, культура. 2021а. № 1. С. 30—36.
(Shimelfenig O.V. Plot-game paradigm as a system of worldview universals, *Society: philosophy, history, culture*, 2021a, no. 1, pp. 30—36. — In Russ.)
- Шимельфениг О.В. О ролевой структуре мировоззренческой коммуникации // Креативная экономика и социальные инновации. 2021б. №4 (37), вып. 11. С. 29—37.
(Shimelfenig O.V. On the role structure of worldview communication, *Creative economy and social innovation*, 2021b, no. 4 (37), iss. 11, pp. 29—37. — In Russ.)

LANGUAGE AS A FACTOR SELF-TRANSFORMATIONS OF NOOSPHERIC UNIVERSUM

Oleg V. Shimelfenig

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, shim.ov@mail.ru

Nikolai N. Vasiliev

Independent researcher, Saratov, Russian Federation, vnn111@mail.ru

Abstract. The role of language in the self-transformations of the World as a whole is explored. Language, in turn, is considered in the context of the hierarchy of languages of all levels of awareness, starting from elementary particles, molecules, cells, organisms, their communities to the biosphere, noosphere and ending with the Universal Integrity. The methodological basis of the research is the concept of the noosphere and the plot-game paradigm, where the source of everything that happens is supposed to be a certain Creative Beginning of the Universe, which has no form, and therefore generates them all. This idea, as well as the concepts of the individual, plot, scenario and game are basic in the model of Reality under consideration, which is described as the general interaction of all its constituent individuals, interpreted as a Cosmic Game. A special role here belongs to ideological communication, the difficulties of which are usually underestimated. Based on clarifying the definition of the language and technology of problem-based business games, a way to develop an intercivizational project for the conscious evolution of the noospheric universe is proposed.

Keywords: noosphere, universe, plot-game paradigm, language, plot, script, game

For citation: Shimelfenig O.V., Vasiliev N.N. Language as a factor of self-transformation of noospheric universum, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 158—164.

Статья поступила в редакцию 09.05.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 09.05.2023; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Шимельфениг Олег Владимирович — кандидат физико-математических наук, доцент Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, shim.ov@mail.ru

Schimelfenig Oleg Vladimirovich — Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation, shim.ov@mail.ru

Васильев Николай Николаевич — независимый исследователь, г. Саратов, Россия, vnn111@mail.ru

Vasiliev Nikolai Nikolaevich — Independent researcher, Saratov, Russian Federation, vnn111@mail.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 165—174.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 165—174.

Научная статья

УДК 130.32

DOI: 10.46726/И.2024.2.19

ЗАКЛИНИВШИЙ АВТОМАТ СОВЕСТИ У ГЕГЕЛЯ: АВТОКОММУНИКАЦИЯ, ЖАНР РОМАНА И МЕДИАТЕОРИЯ

Александр Викторович Марков

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Россия, markovius@gmail.com

Оксана Александровна Штайн (Братина)

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург,
Россия, shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. Восприятие феномена рассматривается как грань автокоммуникации, голос совести, связанный с постоянным осознанием и последующим стыдом. Современная феноменологическая философия с обращением к литературной импликации совести приоткрывает внутренние ресурсы опыта переживаний индивида. В статье предложено прочтение учения Гегеля о совести в «Феноменологии духа» не только в качестве диалектического, но и медиаэстетического феномена. Философия Гегеля автокоммуникативна по своей сути: он не столько навязывает правила построения философии как романа, сколько ждет, что прежняя философия с ее категориальным аппаратом сложится в его собственном труде как диалектика. Традиция автокоммуникативного рассмотрения опыта проживания наблюдалась до Гегеля у М. Монтеня и Г. Лейбница, как учение о социальном наречии и рефлексии. Фридрих Киттлер указал на преимущество Гегеля как мыслителя вследствие имеющегося у него опыта системной комбинаторики. Введенное Гегелем в «Феноменологии духа» понятие «среды» рассматривает познание через комбинаторику хитрости, через невольную гносеологическую нечистую совесть. Среда — это и есть жизнь, которая позволяет увидеть изменчивость вещей не как общий процесс, а как некоторую механику различия, диалектически устанавливающую индивидуальность. Медиум выступает как посредник и ситуация членения. Однако Гегель отрицает медийность совести. Она — не среда, которая удерживает сущности, сколько абсолютная самость, уничтожающая моральные субстанции примера и долга. Дух оказывается соответствием авторского замысла. Наблюдая за совестливыми или постыдными поступками героев романа, читатель самостоятельно организует собственную субъективность.

Ключевые слова: Гегель, автокоммуникация, медиатеория, поэтика романа, совесть, гносеология

Для цитирования: Марков А.В., Штайн (Братина) О.А. Заклинивший автомат совести у Гегеля: автокоммуникация, жанр романа и медиатеория // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 165—174.

Проблематизация голоса совести в современной фундаментальной и феноменологической философии [Чернавин] ставит вопрос о литературных импликациях совести. Действительно, большая часть примеров действия совести мы в течение своей жизни либо получаем из литературы романной эпохи (например, из детских рассказов и стихов), либо излагаем их сами так, что они

© Марков А.В., Штайн (Братина) О.А., 2024

вполне соответствуют стандарту художественного повествования. Мы говорим о своих внутренних приключениях, малоприятных и постыдных, которые вызваны совестью. Те формы ложной совести, самообвинения или внушенной вины, которые рассматривает в своей книге Г.И. Чернавин, представляют собой нечто вроде литературных фактов, моментальных ситуаций, которые вроде бы должны двигать и реформировать литературу, но действуют на уровне индивидуальной психической жизни. Таким образом, совесть оказывается с одной стороны фантомом или одной из границ автокоммуникации, мы убеждаемся, что разговариваем с собой, если слышим голос совести. С другой стороны, она же выступает внутри насыщенной романной медиасреды, и в самой этой медиасреде романной литературы есть факты, которые должны способствовать ее эволюции — как это и происходило с развитием «романной психологии» в последние два с половиной века.

Но происходит интересный парадокс: мы обычно понимаем романного героя, во всяком случае, если мы увидели структуру романа (существует чтение, которое берет роман фрагментарно, например, только линию любимого героя — такое чтение не ведет к пониманию героев). Мы понимаем, когда этот герой поступил по совести, иначе говоря, когда он нас удовлетворяет: упорство героя в убеждениях или сознательный выбор зла героем нас не удовлетворяют, даже если они требуются развитием сюжета. Мы отличаем хороший роман от плохого, в котором неожиданно герой может из удовлетворительного стать неудовлетворительным: в хорошем романе если герой неудовлетворителен, мы предчувствуем это как-то с начала и убеждаемся всё больше по ходу действия. При этом понимая вымышленного героя, мы не можем иногда понять себя — где мы думаем или поступаем по совести, а где мы нравственно заблуждаемся с самыми нежелательными последствиями для себя.

В этой работе мы предлагаем особое прочтение учения Гегеля о совести в его «Феноменологии духа», не как просто диалектического, но как медиаэстетического. Мы исходим из того, что Гегель — главный идеолог эпохи романа, строящий свой труд как роман о самовоспитании, самообразовании и самораскрытии духа. Философские контексты этого романного мышления Гегеля рассматривались уже в ряде работ [Гаспарян; Файбышенко 2021a; Файбышенко 2021b], где было указано, как различные персонификации совести эпохи романа (разговор с собой, разговор за другого человека, разговор многого собеседника или социальной маски), встроенные в романские приключения, становятся проблемой и требуют нового осмысления времени и истории для восстановления чистой совести. Но эта его идеология автокоммуникативна — он не столько навязывает некоторые правила построения философии как романа, сколько ждет, что прежняя философия с ее категориальным аппаратом сложится в его собственном труде как диалектика. При этом медийный потенциал работы философии с понятиями и отличием понятий от «среды», от «медиа» и оказывается для Гегеля ключевым.

Рассмотрение западной философии как медиатеории не будет неожиданным, если учитывать ее внимание к проблеме языка, начиная с Мишеля Монтеня и Фрэнсиса Бэкона, внимание одновременно теоретическое, имеющее в виду способность сообщить новую мысль среди имеющихся мыслей, и практическое, связанное со спецификацией языков, в частности, придворной коммуникации, которая практически может оказаться значимой для прогресса наук и принятия соответствующих решений. Философ Нового времени одновременно должен объяснить, что он не излагает готовые мысли, но может способствовать

развитию и обновлению наук, но также он может рассматривать наречие придворное или ремесленное как частное, как считываемое им, становящееся предметом его интереса (и практической заинтересованности в прогрессе наук). Будучи заинтересован в наречиях, он и может показать, что его собственные научные формулы будут действовать независимо от той инерции знаков, которая в этих наречиях сложилась, и создадут новый мир достоверного научного знания, со своей неоспоримой инерцией, а не мир зависимого знания. Получается, что как медиум выступает *и общий язык*, на котором можно сформулировать философские и научные законы, *и частные наречия*, которые мы можем считывать, видя, как они посредничают в отношениях между людьми. Возникает как бы встречное движение, в котором язык автокоммуницирует, производя некоторую истину, имеющую научное применение.

Таким медиатеоретиком, бесспорно, был Лейбниц, который как бы вывернул эту ситуацию наизнанку. С одной стороны, частные науки, которые он разрабатывал, подразумевали считывание условных правил, необходимых для решения инженерных в широком смысле задач, включая инженерию познания. С другой стороны, само книжное производство, изложение отдельных положений, включая правила эксперимента, в книгах, подразумевало универсализацию медиа. Не частные комбинации, описываемые правилами отдельных наук, но общая комбинация всех производимых знаний как достоверных и удостоверяемых их книжной формой, их оборотом, их встраиванием в практические решения самого разного и неожиданного плана, и создавали общий язык. Общим языком оказывалось само производство книг с их знаниями, языками, условностями, формулами, чертежами, которые и объясняют любому читателю, как что может и должно быть устроено. Лейбниц как бы выворачивает автокоммуникацию лицом к событиям, превращает ее из функции от профессионализированного общения в общий роман, в котором события научной и политической жизни равно значимы для общего развития знания. В таком случае проект «монадологии» может рассматриваться как первичная рефлексия над этой ситуацией: каждая монада комбинирует в себе впечатления, тогда как верховная монада содержит в себе тот потенциал смысла, которого хватит на любые впечатления — именно поэтому монады не общаются между собой — они реализуют потенциал, а не превращают свои знания и достижения во что-либо потенциальное для других монад.

В школьной метафизике XVIII века такое создание книжного общего языка уже осмыслялось скорее как отливка, как некоторая передача впечатлений — становление эстетики и других дисциплин подразумевало, что онтическая структура всего существует в разрыве с языком нашей философии, и поэтому может только отливаться уже в отдельные философские дисциплины, что уже означало как бы специализацию внутри жанра романа. Эти дисциплины и могут объяснить, как именно наше знание в частных науках может быть и потенциальным, и реализуемым, и тем самым доказать реалистичность автокоммуникации, которая создает уже не просто субъекта реализации потенциала, но субъекта ответственности. Таковой сам встречается в себе реальность своего существования, но одновременно реализуется в качестве субъекта, способного отнестись к реальности — важнейший ход Канта, но и вообще романа в том виде повествования с открытым финалом, к которому мы привыкли.

Фридрих Киттлер [Киттлер: 203] удачно указал на преимущество Гегеля перед другими немецкими трансценденталистами. Гегель с самых юных лет вел картотеку и поэтому мог быстрее производить знание, чем его соперники.

Соперники выстраивали аргумент как линейный, пытаясь совпасть письменным словом с действительным развитием мира, расположить письменное слово так, что его наиболее общие понятия и будут схватывать наиболее общие сдвиги в мире. Тогда как Гегель имел в виду другое, что комбинация знаний будет опровергать имеющуюся установку, в том числе ту, которая производится линейным расположением высказываний в тексте. Именно благодаря этому в поле философии попадет невысказанное: то, что развивается и утверждает себя прежде, чем мы начинаем говорить об этом.

Это позволит преодолеть невольный антропоцентризм других трансценденталистов, у которых режимы разговора о самых общих или поворотных вещах оказываются все равно антропоцентрическими, имеющими в виду способность человека отреагировать на это или смоделировать средствами разума модели самых больших сдвигов. Система Гегеля не имеет в виду такого моделирования, но, напротив, требует понимать любую речевую модель только как часть уже произошедших событий, уже поставивших и человека, и все те образы, благодаря которым мы можем говорить, что «это — человек» или «это — человеческое» в перспективу уже осуществляемой драмы. В метафизике Гегеля именование и позиционирование включает в себя человека как меру вещей или как образ, репрезентацию, но не зависит от тех речевых фигур, которые создаются стремлением человека к репрезентации себя или к субъективно уверенному размещению себя среди отдельных событий.

«Феноменология духа» вполне может быть прочтена как роман, причем даже как медийное основание для многих других романов, которые, в свою очередь вырастают в романский тип рефлексии у гегельянцев. Например, Маркс мог вдохновляться содержанием современных романов, к которым он, бесспорно, относил и «Фауст» Гёте, но именно потому, что философия Гегеля структурно действовала в нем и он уже не мог читать любой роман иначе, как медиум, сообщающий о важнейших экономических процессах. «Феноменология духа» — это раскрытие структурами языка устойчивости понятий, каждое из которых было бы частным дисциплинарным, но став «книгой» внутри романного повествования, со строго выверенными и проясненными, всё дальше проясняющими друг друга задачами, они становятся общедисциплинарными. Тогда и описание какого-то частного конфликта в современном романе может стать основанием для социологических или экономических выводов. Марксизм и вообще левое гегельянство поэтому выступает как теория романа (Вальтер Беньямин, Дьёрдь Лукач), тогда как консервативное гегельянство — как поэтика романа, постоянное романное творчество (например, романное понимание Белого дела как праведного приключения у Ивана Александровича Ильина).

Гегель вводит понятие «среды» в начале «Феноменологии духа» [Гегель: 45–46]. Он прямо говорит, что познание можно понимать и как «орудие», и как «среду». Если мы понимаем познание как среду, то истина оказывается опосредованной, «в том виде (...) в каком она есть благодаря этой среде и в этой среде». И инструментальное, и средовое познание для Гегеля недостаточно: оно имеет в виду всегда среду, средство или инструмент, *но ничего более*, и все вещи поневоле конвертирует в это. Далее Гегель делает интересный ход, что обычно кажется, что достаточно узнать «способ действия орудия», чтобы «вычлечь в итоге то, что в представлении» и тем самым «получить истинное в чистом виде», то есть наделить эту незаконную средовую конвертацию ложной совестью, как будто подсказавшей истину вещей. Иначе говоря, здесь противник Гегеля мог бы описать конечные свойства среды или

инструмента и тем самым, проследив эффекты этих свойств в нашем познании, понял бы, где действуют именно эти эффекты.

Аргумент Гегеля не в том, что мы неправильно знаем эти свойства: вполне возможно, что свойства мы знаем правильно, потому что правильно знаем эффекты. Но вещь, которую мы будем знать, она будет просто представлена нам, она не будет познана как правильная, а просто создаст вновь представление о себе, репрезентацию. Она не станет моментом нашего познания, но только данностью нашего опыта. «Ведь если мы отнимем от сформированной вещи то, что сделало с ней орудие, то эта вещь — в данном случае абсолютное — предстанет перед нами опять в том же самом виде, в каком она была и до этой, стало быть, ненужной, работы» [Гегель: 46].

Иначе говоря, вещь, взятая в ее абсолютности, отдельности от других вещей, выглядит как вещь частной науки, как некоторая вещь науки, предназначенной для этой вещи — а если наука эта ее уже познала, то любое ее встраивание в некоторый общий язык, язык рассуждения о свойствах и качествах на общем языке, ничего не прибавит к этой науке. Вообще, очень мало обращают внимания на то, что Гегель вполне может представить себе науку об одном случае или предмете. Гегель тут же говорит, что орудие могло бы быть просто *манком* для абсолютного, но в таком случае это было бы притворством познания, которое притворялось бы, что это абсолютное словно разыграло его, само хитро попавшись в руки, представило бы себя как спектакль. Иначе говоря, познанию была бы приписана *комбинаторика хитрости*, но при этом наше познание вело бы себя так, будто оно ничего не разыгрывает, оно бы притворялось искренним. Такое двойное притворство, *невольная гносеологическая нечистая совесть*, ничего не прибавляет к нашему познанию.

Гегель прямо говорит, что медиум — это условность нашего представления, а как только мы познаем эту условность, то остаемся только с ней: «Если же рассмотрение познавания, которое мы представляем себе как *среду*, ознакомит нас с законом преломления в ней лучей, то когда мы в итоге вычтем преломление, это также ни к чему не приведет; ибо познавание есть не преломление луча, а сам луч, посредством которого мы приходим в соприкосновение с истиной, и после вычета познавания для нас обозначилось бы только чистое направление или пустое место» [Там же]. Такое познание-преломление было бы подобно познанию в театре актерских приемов, после чего мы видим не спектакль, а только направление его постановки или создания иллюзии.

В конце концов, Гегель приходит к тому, что среда — это и есть жизнь, которая позволяет увидеть изменчивость вещей не как общий процесс, а как некоторую *механику различия*, которая в том числе производит или выдвигает на первый план нашу индивидуальность: он противопоставляет бытие «в себе», как простую всеобщую текучесть (изменчивость) и «иное» как различие образований [Там же: 95]. Его интересует, как именно сама такая текучесть может стать «иным» — а именно, став таковой для различия, которое всегда уже есть как бесконечное движение. Таким движением и «поглощается» указанная покоящаяся среда». Иначе говоря, жизнь как живое есть покой, самодостаточность сущности; но бесконечное движение поглощает его, и тем самым делает жизнь чем-то иным по отношению к вещам.

Другими словами, среда и есть медиум, жизнь-сущность есть медиум, который становится предметом *работы* бесконечного движения, и позволяющего ощутить сущность как нечто, с чем и произошло «перевертывание»: «Но это *перевертывание* (*Verkehrung*) есть поэтому опять-таки *перевернутость*

(Verkehrtheit) *в себе самой*; то, что поглощается, есть сущность: индивидуальность, сохраняющаяся за счет всеобщего и сообщающая себе чувство своего единства с самой собой, именно этим снимает *свою противоположность “иному”*, *благодаря коей она есть для себя*; *единство* с самой собой, которое она себе сообщает, есть как раз *текучесть* различий или *всеобщее растворение*. Но и обратно, снятие индивидуального существования есть точно так же и порождение его. Ибо так как *сущность* индивидуальной формы — всеобщая жизнь — и для-себя-сущее есть в себе простая субстанция, то она, устанавливая внутри себя *“иное”*, снимает эту свою *простоту* или свою сущность, т. е. она раздваивает эту простоту, и это раздваивание текучности, лишенной различия, и есть утверждение индивидуальности. Простая субстанция жизни есть, следовательно, раздвоение ее самой на формообразования и в то же время растворение этих устойчивых различий; а растворение раздвоения есть в такой же мере раздваивание или некоторое членение» [Гегель: 324].

Из этого рассуждения следует много что, прежде всего, что медиум выступает не столько как посредник, сколько как ситуация членения. Но мы, видя только результаты членения, то есть практически постигаемое разнообразие, схватываем медиум только как вновь порождающую субстанцию, заключая, что она может породить что-то еще. Это вполне романная ситуация: когда мы начинаем читать роман, мы видим дома, людей, обстоятельства, то есть уже не просто расчлененные, но выделенные, подчеркнутые события. Но при этом мы понимаем, что роман нам даст какие-то новые эмоции, новые движения, не сводящиеся к примеру и долгу, обязательно в романе кто-то должен быть не должен кому-то, а кто-то не быть для кого-то примером, чтобы роман как художественное произведение состоялся.

Медийная действительность, а не совесть — здесь позиция Гегеля отличается от привычных представлений о совести как голосе-посреднике. Гегель отрицает медийность совести. Она — не среда, которая удерживает сущности: потому что тогда обязанность бы просто *заменяла, вытесняла* поступок. Тогда как совесть — это *абсолютная самость*, уничтожающая моральные субстанции примера и долга. Совесть есть там, где совершение поступка согласно долгу не есть знание долга: «Совесть, далее, не обособляет обстоятельств [данного] случая в разные обязанности. Она ведет себя не как *положительная всеобщая среда*, в которой бы все множество обязанностей, каждая для себя, сохраняло непоколебимую субстанциальность, вследствие чего *либо* вовсе нельзя было бы совершать поступков, потому что всякий конкретный случай содержит противоположение вообще, а как моральный случай — противоположение обязанностей, следовательно, в определении поступков одна сторона, один долг всегда был бы *нарушен — либо же*, если бы поступок совершился, то одна из противоположных обязанностей была бы действительно нарушена» [Там же].

Если бы совесть была медиумом, то тогда жизненность совести, ее способность прямо здесь и сейчас пробуждаться, диктовала бы тот характер случая, который не свойствен случаю. Объясняя это в терминах романа, если бы наши суждения о героях романа были бы медийными, то есть позволяли бы однозначно оценивать их поступки, превращали бы *поступание* героя по отношению к другому герою в знание об этом поступке для нас, то никаких поступков не было бы. Была бы просто реализация героем своего замысла, который не подлежал моральной оценке. Герой бы работал как автомат, который срабатывает, а после его заклинивает.

Тогда как совесть, по Гегелю, претерпевает то самое перевертывание, из живого голоса она становится тем, что утверждает индивидуальность человека в уже отличии голоса о поступке от других индивидуализаций предпосылок поступка. Совесть не говорит что-либо человеку и не представляет ничего ему, но только показывает, как поступок, который был прежде задуман, оказывается вполне совершён. Примерно так же в романе мы имеем дело с внутренней жизнью героя, но узнавая о поступке героя, мы сразу узнаём о последствиях этого поступка, то есть о различных возможностях для мира пережить эти последствия.

При этом мы восстанавливаем внутреннюю жизнь героя не из последствий поступка, а из самого поступка, то есть уже воспринимаем его не медийно, а только в конкретном различии образований — как этот поступок отличил себя от других поступков. Гегель продолжает: «Совесть, напротив, есть негативное “одно” или абсолютная самость, которая уничтожает эти различные моральные субстанции; она есть простое сообразное долгу совершение поступков, которое выполняет не тот или иной долг, а знает и совершает конкретное правое дело. Поэтому она вообще только и есть совершение моральных *поступков* как поступков, в которые перешло прежнее бездеятельное сознание моральности. — Различающее сознание может аналитически разложить конкретную форму действия на разные свойства, т. е. здесь — на разные моральные отношения, и либо каждое из них — в том виде, в каком оно необходимо должно быть, чтобы быть долгом, — объявляется имеющим абсолютное значение, либо они сравниваются и проверяются. В простом моральном поступке совести обязанности так завалены, что всем этим единичным сущностям непосредственно причиняется *урон*, и в неколебимой достоверности совести вовсе нет места расшатыванию долга путем проверки» [Там же].

Это рассуждение легко может быть переведено как опыт чтения романа. Читая роман, мы легко можем сказать, что такое-то событие должным образом происходит из духа эпохи, воспитания героя или сложившихся вокруг него обстоятельств. Любая эта предпосылка имеет «абсолютное значение», без нее не будет никакой романной иллюзии. Но мы можем выступить и как критики, например, рассудить, насколько хорошо этот романист передал *дух эпохи*. Это признание ничего не изменит, не отменит «завала», то есть ситуации безличного долга единичных сущностей перед понятиями. Ведь совесть как некоторая достоверность, то есть *реалистичность*, иллюзия реальности, вполне отменяет единичные сущности. Всякий раз, как мы исходим из того, что роман современный, мы уже не видим ничего несовременного, единичного в этом романе, либо опознаем это единичное как устаревшее, надоевшее, причудливое, иначе говоря, бессовестное.

Но при этом мы признаем свободу героя, что он поступает именно так, а не иначе, и эта характеристика и делает его объёмным. Поэтому мы признаем совесть как переключатель от простого соотнесения себя с долгом к совершенному делу, которое впервые и оформляет героя. Для героя романа — это означает впервые стать для нас интересным, выступить из тьмы обычных своих дел и поступков на свет оформленности, что поступок признан как «конкретное правое дело». Далее Гегель и противопоставляет совесть сознанию долга — сознание долга это «абстракция чистого мышления», некоторый просто способ мыслить, можно сказать, способ толковать роман, не читая его: известно, как иногда судят о героях романа или фильма люди, не видевшие его, но желающие прослыть знатоками. Тогда как, в противоположность ему, совесть «*для себя самой* имеет свою истину в *непосредственной достоверности себя самой*», иначе говоря,

выступает как удостоверение того, что поступок уже совершен. Цель выступает как *медиум*, некоторый способ выявлять поступок и оценивать его же, но *оборачивание* приводит к тому, что цель просто уже исполнилась. Мы уже знаем, что к концу романа состоится всё, о чём мы хотим прочесть.

Свою мысль Гегель подытожил ниже: «В силу этой свободы отношение в общей (*gemein-schaftlichen*) среде, напротив, есть отношение полного неравенства, благодаря чему сознание, для которого поступок существует, находится в полной неизвестности относительно совершающего поступки, достоверно знающего себя самого духа. Он совершает поступки, он устанавливает некоторую определенность как сущую; другие придерживаются этого *бытия* как его истины и в этом обладают достоверностью его — он выразил в нем то, что считает долгом. Но он свободен от какого-либо *определенного* долга; его нет там, где, по мнению других, ему действительно следовало быть; и эта среда самого бытия и долг как сущий *в себе* имеют для него значение только момента» [Гегель: 331].

Таким образом, дух оказывается соответствием *авторского замысла*, но единственное содержание авторского замысла — довести всё до конца, чтобы поступки совершились и роман состоялся. Это не противоречит открытому финалу романа, напротив, открытый финал только и допускает такое *оборачивание*, чтобы старый роман стал только медиумом для нового. Но как раз свобода героя от определенности долга позволяет впервые увидеть обстоятельства романа, иначе говоря, ту самую «некоторую определенность», которую мы признаём сущей, назначаем как сущую и существенную для романа.

Кто-то внимательно читает описания природы, кто-то их пропускает, но в любом случае, описания природы обладают той «некоторой определенностью», которая и позволяет говорить, что хотя бы один герой может довести свое дело совестливо до конца и не стать нам неприятным. Его совесть осуществляется в приятности нам, тогда как наша ложная (по Чернавину) совесть появляется там, где романы становятся нам неприятными и мы пытаемся самостоятельно организовать собственную субъективность.

«Феноменология духа» Гегеля может быть прочтена как медийное основание романов, которые, в свою очередь вырастают в романский тип рефлексии у гегельянцев. Характерное для хода его размышлений раскрытие устойчивости понятий структурами языка стало «книгой» внутри романного повествования, со строго выверенными общедисциплинарными задачами. Гегель вводит понятие «среды», утверждая в медиуме условность наших представлений. Познание — это преломление, и тогда рефлексия подобна познанию в театре актерских приемов, когда спектакль создает иллюзии действительности. Среда, жизнь-сущность есть медиум, становящийся предметом работы бесконечного движения, и позволяющий ощутить сущность как «перевертывание». Медийная действительность меняет представление о совести как о голосе-посреднике. Совесть — это абсолютная самость, пример автокоммуникации как рефлексии, вывернутой на самого себя через диалектическое разделение и отрицание, пришедшее к установлению содержания, не зависящего от приемов.

Список литературы / References

- Гаспарян Д.Э. На пути к моральному действию: политическое измерение человека у Х. Арндт и М. Мамардашвили // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 62—75.
(Gasparyan D.E. On the way to moral action: the political dimension of human in H. Arendt and M. Mamardashvili, *Voprosy Filosofii*, 2019, no. 6, pp. 62—75. — In Russ.)

- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
(Hegel G.W.F. Phenomenology of mind, Moscow, 2000, 495 p. — In Russ.)
- Киттлер Фр. Философия литературы. Берлинские лекции 2002. М.: Des Esseintes Press, 2023, 352 с.
(Kittler Fr. Philosophy of literature, Berlin readings 2002, Moscow, 2023, 352 p. — In Russ.)
- Файбышенко В.Ю. Время цели и царство действий: теолого-политический субъект в философии истории Иммануила Канта // Философско-литературный журнал «Логос». 2021. Т. 31, № 3 (142). С. 49—70.
(Faybyshenko V. Yu. Time of purpose and the kingdom of actions: theological and political subject in the philosophy of history of Immanuel Kant, *Logos* (Russian Federation), 2021a, Vol. 31, no. 3 (142), pp. 49—70. — In Russ.)
- Файбышенко В.Ю. Восстановление в памяти: историчность, перформативный акт, эпифания (исторический, поэтический и политический аспекты) // Вестник Свято-Филаретовского института. 2021. № 38. С. 214—240.
(Faibysheko V. Yu. Restoration in memory: historicity, performative act, epiphany (historical, poetic and political aspects), *Bulletin of the St. Philaret Institute*, 2021b, no. 38, pp. 214—240. — In Russ.)
- Чернавин Г.И. Подобие совести. М.: АСТ, 2023. 320 с.
(Chernavin G. Semblance of conscience, Moscow, 2023, 320 p. — In Russ.)

HEGEL'S JAMMED AUTOMATON OF CONSCIENCE: AUTOCOMMUNICATION, NOVEL GENRE AND MEDIA THEORY

Alexander V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation, markovius@gmail.com

Oksana A. Shtayn (Bratina)

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. The apprehension of phenomenon is seen as a facet of autocommunication, the voice of conscience associated with constant awareness and subsequent shame. Current phenomenological philosophy with reference to the literary implication of conscience brings to light the inner resources of the expertise of the individual's experience. The paper proposes a reading of Hegel's doctrine of conscience in the Phenomenology of Spirit not only as a dialectical but also as a mediæsthetic phenomenon. Hegel's philosophy is autocommunicative in its essence: he does not so much impose the rules of constructing philosophy as a novel, but rather waits for the former philosophy with its categorical apparatus to take shape in his own work as a dialectic. The tradition of an autocommunicative consideration of the experience of living was observed before Hegel in M. Montaigne and G. Leibniz, as the doctrine of social language and reflection. Friedrich Kittler pointed out Hegel's advantage as a thinker due to his experience of systemic combinatorics. The concept of "environment" introduced by Hegel in the Phenomenology of Spirit examines cognition through the combinatorics of artifice, through an involuntary epistemological bad conscience. The medium is life, which allows us to see the variability of things not as a general process but as some mechanics of difference that dialectically establishes individuality. The medium acts as a mediator and a situation of distinctions. Hegel, however, denies the mediumship of conscience. It is not a medium that holds entities together, but an absolute self that annihilates the moral substances of example and duty. Spirit turns out to be the correspondence of authorial intent. Observing conscientious or shameful deeds of the novel's characters, the reader independently organizes his or her own subjectivity.

Keywords: Hegel, autocommunication, media theory, poetics of the novel, conscience, epistemology

For citation: Markov A.V., Shtayn (Bratina) O.A. Hegel's jammed automaton of conscience: autocommunication, novel genre and media theory, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 165—174.

Статья поступила в редакцию 11.03.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 11.03.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторах / Information about authors

Марков Александр Викторович — доктор филологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, markovius@gmail.com

Markov Alexander Viktorovich — Doctor of Sciences (Philology), Candidate of Sciences (Philosophy), Full Professor, Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, markovius@gmail.com

Штайн (Братина) Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com

Shtayn (Bratina) Oksana Aleksandrovna — Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, shtaynshtayn@gmail.com

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 175—185.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 175—185.

Научная статья

УДК 1:316:070

DOI: 10.46726/И.2024.2.20

НООСФЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАДИСКУРСА

Анна Сергеевна Николаева

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,
anikolaeva84@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема медиадискурса как структурного среза ноосферы, где информационные процессы переходят на более высокий уровень и служат средством преобразования свободной энергии в новые ее виды. С позиций системного подхода дана характеристика системообразующих свойств и отношений медиадискурса. Приведены характеристики глобальной коммуникационной сферы на современном этапе и предложен прогноз ее развития. Синтезированы выводы относительно субстратной составляющей медиадискурса в современных концепциях в России и за рубежом, а также актуализированы основные предпосылки перехода биосферы в ноосферу в рамках теории медиадискурса. Применительно к основному ноосферному закону проанализированы принципы управления информационным процессом как специфическим видом деятельности по обеспечению устойчивого развития и ноосферной безопасности. Предложена система принципов глобальной информационной безопасности в рамках ноосферной динамики.

Ключевые слова: ноосфера, медиадискурс, информационный процесс, глобальная инфосфера, ноосферная энергоинформационная безопасность

Для цитирования: Николаева А.С. Ноосферный потенциал современного медиадискурса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 175—185.

Медиадискурс как структурный элемент ноосферы. основополагающие идеи В.И. Вернадского о ноосфере изложены во многих трудах ученого-философа, который сделал предметом научного поиска биогеохимический круговорот вещества и энергии в биосфере, а во втором биогеохимическом принципе дал решение проблемы направления развития органического мира и критериев прогресса. Логика развития человечества по Вернадскому — это коэволюция человека и биосферы, переход к новому состоянию биосферы — ноосфере. Движение философской мысли отечественной школы (Н.Н. Моисеев, И.Б. Новик, И.В. Дмитриевская, А.И. Уёмов, Г.С. Смирнов и др.) идет от принципа автотрофности человечества к экологическому благополучию и самообеспечению, новому единству природы и общества на более высоком уровне, к анализу логического содержания понятий «ноосфера», «социосфера», «антропосфера», «техносфера».

Особое место занимает в этом ряду категория «информациосфера» (Ю.С. Степанов). Так, И.В. Дмитриевская на основе системной теории рассматривает сложный процесс перехода биосферы в ноосферу и делает заключение о качественно новом типе системы: ноосфера — система информационная по

© Николаева А.С., 2024

концепту, энергетическая по структуре, вещественная по субстрату [Дмитревская 1997]. Информационные процессы в ноосферной системе служат средством добывания и преобразования свободной энергии: все живые организмы представляют собой информационные системы, где цель и назначение — энергетический процесс обмена веществ. Информационные процессы здесь переходят, таким образом, на более высокий уровень организации и занимают место концепта системы. В биосфере как системе концептуальный уровень занимает энергетический компонент, структурный — информационный и вещественный — субстратный [Ноосферные исследования: 30—31]. А.Д. Урсул, проводя аналогию относительно энергии как свойства физических, химических, биологических и других систем, заявляет о движении информации в обществе как социальной системе, где «всякое взаимодействие кроме энергетического аспекта имеет и информационный», при этом «любая система неживой природы участвует в информационном процессе всей структурой» [Урсул: 96—97]. Исследователь в терминах технических наук рассматривает виды движения информации, в том числе в социальной системе, возводит теорию информации до составной части кибернетики как теории управления.

В данном контексте интересующий нас медиадискурс представляет собой совокупность процесса производства и результатов речевой деятельности в сфере средств массовой информации, то есть взятые во взаимосвязи предмет (тема), субъект (автор), объект (аудитория) и способ производства высказывания в медиасреде в определенном пространственно-временном и семиотическом контексте [Николаева]. Ноосферный подход обращает нас к медиадискурсу как к одной из фрактальных структур ноосферы с характерными процессами самопостроения, сохранения и самовоспроизводства, в которой информационный процесс является специфическим свойством системы.

Представляется правомерным тезис о том, что основой, системообразующим свойством медиадискурса является коммуникативное взаимодействие. Управление движением информации с целью изменения состояния медиадискурса как системы становится специфическим видом деятельности со своими типами управления в зависимости от целей (построение, сохранение, воспроизводство, совершенствование).

Медиадискурс определяет собственные границы, тот предел, где он является единым семиотическим пространством, вырабатывает нормы и разделяет сообщения внутри своей системы на тексты и не-тексты, и шире — на дискурс и не-дискурс. В семиотическом коммуникативном пространстве, границы которого и содержание в виде информации задает медиадискурс, взаимодействуют участники «медиа — власть — аудитория», постоянно меняя субъект-объектные позиции. Таким образом, системный подход позволяет определить три уровня медиадискурса: концептуальный — информационный процесс как уровень системообразующего свойства; структурный — коммуникативное взаимодействие как уровень системообразующего отношения; субстратный уровень занимает хаотическая и амбивалентная факт-информация или семантическая информация как способ выражения смысла и отражения фактов окружающего мира в знаковой форме.

Преломление идей ноосферной парадигмы в постнеклассических теориях коммуникации обнаруживается в исследованиях московско-тартуской школы. По Ю.М. Лотману, который применил методологию семиотики к изучению коммуникации, результатом непрерывного семиотического процесса

является выделение колоссальной энергии — энергии информации: «Семиосфера — не есть нечто действующее по предначертанным и элементарно вычислимым путям. Оно кипит как Солнце <...> И результатом этого непрерывного кипения является выделение колоссальной энергии. Но энергия, выделяемая семиосферой, — это энергия информации, энергия Мысли» [Лотман: 276]. В зарубежной традиции в рамках системной теории тезис «коммуникация есть “изобретение эволюции”» [Луман: 288] развивает Н. Луман в концепции аутопойэзиса коммуникации, где коммуникация — это «операция, конструирующая социальную систему». Более того, он утверждает, что «это может быть только одна операция, так как только одна операционная форма может производить определенный системный тип. <...> В качестве подлинно социальной операции годится только коммуникация» [Там же: 297—298]. Коммуникация, таким образом, — главный, определяющий тип операции для общества как социальной системы, системообразующее отношение. Именно этот тезис имеет решающее значение для теории современного медиадискурса.

Ноосферная динамика глобальной коммуникационной системы. Следуя академику А.Л. Яншину, который зафиксировал предпосылки неизбежного перехода биосферы в ноосферу [Яншин: 86—89], обратим внимание на следующие моменты в контексте изучения медиадискурса. Первое — человечество стало единым целым, охватив весь Земной шар, следовательно, инфосфера также расширилась на планетарный уровень. Второе — произошли глобальные преобразования средств связи и обмена информацией, которые продолжаются и сегодня. Быстрая и надежная связь между элементами системы в виде постоянного всестороннего обмена информацией становится необходимым условием функционирования ноосферы. Третье — равный доступ и участие всех людей в информационном обмене в глобальной коммуникационной системе.

На данном этапе развития глобальной информационной сферы сложились следующие основные характеристики: многообразие типов, видов, форм и моделей коммуникаций и передачи информации; доступ посредством стационарных и/или мобильных средств к информации практически из любой точки земного шара; быстрое развитие электронных СМИ и новых медиа, стремительный рост участников сетевых коммуникаций. Интернет, как созданная человеком глобальная коммуникационная сеть, становится средством соединения информационной системы с ноосферой. В этой связи следует рассматривать современную информационно-коммуникационную систему как глобальную нейронную сеть более высокого порядка и структурный элемент ноосферы.

Аналитическая компания GlobalStatshot представила результаты исследований развития электронных средств связи и Интернета в мире в 2023 году¹. Согласно экспертным данным, на земле сегодня насчитывается 5,3 млрд Интернет-пользователей, что составляет 65,7 % населения планеты. Одновременно 4,95 млрд жителей являются активными пользователями социальных сетей (61,4 % населения планеты). При этом заметны различия в проникновении Интернета в различных странах: от 97 % в Северной Европе до 23 % в Восточной Африке при среднем проникновении в 65 %. Таким образом, проблема доступа к информации и участия в коммуникационном обмене актуальна как глобальное противоречие, проистекающее из комплекса планетарных проблем. Эту проблему человечеству предстоит преодолеть в рамках ноосферной динамики.

¹ DIGITAL 2023 OCTOBER GLOBAL STATSHOT REPORT. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-october-global-statshot> (accessed: 20.12.2023).

С точки зрения описания модели будущего и выдвижения гипотезы дальнейшего развития системы медиадискурса интересными могут быть результаты современных исследований в сфере нейронауки (прежде всего, исследования телепатии и мозго-машинного интерфейса). Новым этапом развития цивилизации может стать планетарная сеть брейн-нет. Можно реализовать не только гаптическую технологию, но и создать интернет-разум или брейн-нет (мозговую сеть) с прямым контактом мозг — мозг. Брейн-нет позволит достичь абсолютной коммуникации; с его помощью можно будет поделиться с собеседником всей совокупностью ментальной информации, включая эмоции, нюансы и сомнения [Каку: 126—129]. В этом случае медиадискурс может претерпеть качественные изменения как на структурном уровне (способы коммуникативного взаимодействия изменятся в зависимости от используемых коммуникативных и медиа ресурсов), так и на уровне субстратном (форма информации и способы ее кодирования), сохраняя при этом концептуальное свойство в виде информационного обмена как системообразующего свойства.

Основные тенденции современного медиадискурса на структурно-функциональном уровне. Динамика современного медиадискурса и протекающие на концептуальном, структурном и субстратном уровнях процессы позволяют выделить ряд тенденций. Создание и широкое распространение сложных технических устройств, формирование глобальной инфо(рмацио)сферы выводят на новый этап развитие коммуникационной системы. Рост интенсивности коммуникаций посредством новых каналов связи, кратное увеличение числа участников и объемов циркулирующей в глобальной коммуникационной сфере информации, преодоление физических, географических, государственных и национальных границ коммуникации подвигают к изменению системных характеристик на уровне субъект-объектных отношений медиадискурса, формата, языка и функционала информационных сообщений.

По данным компании Statista, опубликованным в 2023 году, общий объем данных, который, по прогнозам, будет создан, захвачен, скопирован и использован во всем мире к 2025 году, вырастет до 181 зеттабайта². Аналитики Domo зафиксировали, что каждую минуту среднестатистический житель планеты производит 102 мегабайта данных³.

Медиакоммуникации — в силу возможностей новых каналов и электронных средств связи — активно интегрируются в общую сеть социальных интерактивных коммуникаций, где аудитория начинает выступать не только пассивной стороной коммуникации — потребителем (объектом) информации, но становится активным субъектом, который производит информационные сообщения и проводит селекцию, непосредственно участвуя, таким образом, в процессе воспроизводства коммуникации. С учетом широкой доступности технических средств безличная массовая аудитория сегодня атомизируется на уровне просьюмеров, или «произвопотребителей» [Язык СМИ и политика: 6].

При рассмотрении проблематики потребления и производства информации, ее функционирования в обществе важно обратиться к концепту информации как потребности-ценности. Информационный интерес, по К. Момджяну, опосредует удовлетворение всех человеческих потребностей и является

² Amount of data created, consumed, and stored 2010—2020, with forecasts to 2025. URL: <https://www.statista.com/statistics/871513/worldwide-data-created/> (accessed: 20.12.2023).

³ Domo's 11th edition of Data Never Sleeps. URL: <https://www.domo.com/learn/infographic/data-never-sleeps-11> (accessed: 20.12.2023).

условием выживания и комфортного существования в мире [Момджян: 35]. Таким образом, знание, понимание и обмен информацией становятся в современном обществе основополагающими элементами целостного аксиологического комплекса современного *homo sapiens*. Концепция информации-ценности, желаемого эмоционального подкрепления и «пусковой механизм» в виде неудовлетворенных бытийных потребностей в большой степени определяют место и роль медиадискурса в современном обществе.

Однако и само назначение информационного сообщения выходит за пределы традиционных аксиологической, коммуникативной, идеологической, регулирующей и эмоционально-экспрессивной функций. Межличностная, непосредственная коммуникация фактически переходит на уровень медиа и виртуальной коммуникации, обусловленной доступными средствами и каналами связи и обмена информационными сообщениями. Наряду с объективной реальностью возникает виртуальная коммуникативная реальность как результат субъект(ив)ной творческой деятельности человека по отражению объективной реальности, которая существует в виде особой картины мира как на уровне индивидуальном — для каждого участника коммуникации, так и на глобальном — всечеловеческом. Медиареальность возникает как третий мир — результат восприятия, передачи и переработки человеком информации (образов) объективной и субъективной реальности. Таким образом, формируется современная картина медиареальности, генерирующая особый образ действительности в медиадискурсе, сконструированный на основе синкретической коммуникации.

Проникновение интерактивной коммуникации до уровня медиареальности и виртуальной реальности неизбежно актуализирует нового *homo sentiens* (человека эмоционального), как человека, способного в процессе коммуникации удовлетворять одну из основных потребностей — эмоционально-психологическую, а также производить, распространять и понимать информацию, управлять информационным процессом с учетом субъективного, объективного и эмотивного факторов. Таким образом, базовая характеристика информационного сообщения в современном медиадискурсе — совмещение эмоциональной и информационной (когнитивной) составляющей, а реальное событие, *со-переживаемое* и отражаемое субъектами медиадискурса, становится актуальным и ценным, получив эмоциональную оценку и категоризацию.

М. Маклюэн еще в середине XX века вывел формулу «средство и есть сообщение», имея в виду влияние средств и технологий, которые они оказывают на масштаб, скорость и форму коммуникации [Маклюэн: 11]. При этом Интернет как вид электронных средств массовой коммуникации (СМК) стал средой, где аккумулированы на новой технологической платформе все предшествующие формы сообщений — печатные, визуальные и аудиовизуальные. В свою очередь электронные СМК изменили характер и принцип отражения и формирования образа реальности — на мозаичный, основанный на аудиовизуальном типе информационных сообщений.

Использование новыми и традиционными СМИ синкретических каналов коммуникации приводит к возникновению новых жанров — мультимедийных гибридных креолизованных и девербализованных сообщений, где основное место отводится образам и визуализациям разного порядка. Визуализация в свою очередь способствует сокращению времени на обработку сообщения (мозг человека обрабатывает визуальную информацию в 60 тысяч раз быстрее текстовой и запоминает 30 % увиденного, 20 % услышанного и более 50 % воспринятого по обоим

каналам одновременно), привлечению внимания, мгновенному усвоению и получению мгновенной же обратной связи и воспроизводству коммуникации.

Но на изменение содержания и формы информационного сообщения повлияли не только технологическое развитие средств коммуникации, но и обозначенные выше рост числа участников и объемы обращающейся в системе медиадискурса информации, скорость информационного процесса и преодоление коммуникативных границ. Информационное сообщение формируется исходя из актуальности и ценности, мотивов и включенности аудитории, эмоционального фактора, механизмов селекции информации.

Развитие цифровых технологий приводит к нивелированию различий между платформами средств массовой информации: Интернет абсорбировал форматы печати, радио и телевидения; но и традиционные СМИ в конкурентной среде за внимание аудитории и роль в информационном процессе применяют новые механизмы селекции и формулирования сообщений, меняется соотношение между вербальными и визуальными данными, форматы визуального оформления, скорости вывода сообщений в печать или в эфир.

Ценность информации в высококонкурентном поле медиадискурса определяется соотношением содержания и затраченного на получение, восприятие и понимание времени. Формируется постоянный информационный поток, время на рефлексию и усвоение информации резко сокращается, сообщение быстро устаревает и теряет информационную ценность, требуются новые механизмы представления, селекции, актуализации, категоризации и реконструкции. Соответственно, заметен курс на сокращение текстов, превращение заголовка в особый вид текста, метафорическое конструирование и обращение к образным средствам как инструментам познания, оценки и интерпретации реальности. С точки зрения языка проблематика реализуется в упрощении языковых и стилистических конструкций, смешении стилей речи и их унификации, глобальной клишированности речи, распространении заимствований.

Формирование глобальной коммуникационной системы приводит к возникновению нового типа языковой личности, которая обладает признаками глобальной многоязычной и поликультурной идентичности. Возникают феномены универсального нейтрального языка всемирного общения и многоязычия как ответ на вызовы глобализации. При этом различные идентичности проявляются ситуативно и не препятствуют развитию этнокультурной идентичности [Смоктин: 11—12]. С точки зрения концепции семиосферы Ю.М. Лотмана, глобальная коммуникация, таким образом, открывает для различных семиотических образований возможность выйти в мировое культурное пространство.

Другим направлением развития глобальной коммуникационной сферы является персонализация. Массовая коммуникация приобретает черты межличностной непосредственной коммуникации в виртуальном пространстве за счет технологий кастомизации производства информационного продукта, то есть по запросу аудитории и каждого конкретного пользователя (не только по содержанию, но и по форме, отвечающей той технологии и тому устройству, которые доступны пользователю), а потребление информации становится фрагментированным, мозаичным, гиперперсонализированным.

В медиадискурсе, таким образом, одновременно действуют и уравновешивают друг друга две тенденции медиапотребления и производства информационного сообщения — универсализация vs персонализация, которые в свою очередь реализуются на уровне субъект-объектных отношений, на этапах выбора формата и языка сообщения, определяют функционал информационных сообщений.

Медиадискурс и информационная безопасность. Всепроницающая и высокоскоростная коммуникация от уровня индивидуального медиапотребления до глобального мирового информационного пространства приводит к постоянному росту спроса на информацию и объема циркулирующих сообщений различного функционала и качества, что требует выработки как персональной, так и глобальной стратегий информационной безопасности.

С точки зрения медиадискурса как системы его роль в обеспечении ноосферной (информационной) безопасности заключается в выработке стратегий на концептуальном уровне информационного процесса; на уровне коммуникативного взаимодействия между элементами системы; на субстратном уровне — в принципах отбора информации и производства медиатекста. Возникающие в рамках ноосферной динамики противоречия выражаются во всё возрастающем обострении информационно-психологических угроз (актуальных и потенциальных) — защищенности личности, социальной группы, общества, человечества в целом. Угрозы и опасности понимаются как совокупность реальных или потенциальных обстоятельств, при которых материальные, энергетические и информационные факторы нарушают функционирование и могут поставить на грань существования не только биосферу или социальные системы, но и весь жизненный мир человека.

В формулировке И.В. Дмитриевской основной ноосферный закон гласит: «информация генерирует энергию, а энергия структурирует вещество». Информация, выступая как системообразующее свойство ноосферы, открывает новые виды свободной энергии, прежде всего, в социальной сфере [Дмитриевская 1998: 29]. Ноосферный закон, таким образом, трактуется как управляющий механизм живой материи. На уровне субъект-объектных отношений в медиадискурсе формируются более сложные отношения и новые виды энергии как результат. Д.Г. Смирнов следом формулирует основной семиотический закон: «вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывается в информацию». То есть вещество в своем развитии реализуется во все более сложных и тонких формах энергии, в конечном итоге — в культурной биогеохимической энергии, создающей новые предметы искусственной среды — знаки, свертывающие для человека информацию [Смирнов 2008: 103—106].

Цель ноосферного принципа управления информационным процессом заключается в формировании концептуальной стратегии стабилизации инфополя и преодоления искажений, противостояния энергоинформационным угрозам. Принципиальной задачей становится обеспечение эффективного коммуникативного взаимодействия между элементами системы на основе принципов равного участия и равновесных позиций участников, толерантности и ненасилия, диалога и взаимопонимания. На субстратном уровне системы комплекс задач связан с определением эффективных принципов отбора, передачи, хранения информации и производства медиатекста. Применительно к теории современного медиадискурса задачей ноосферной деятельности становится селекция информации для управления энергетическими процессами во благо живой природы и человечества. Субстратный уровень в рамках ноосферной концепции представлен такой информацией, которая генерирует вещество и качественно новые его формы, в том числе трансформируя отрицательную информацию в положительную, а косную — в живую. Гносеологический аспект теории состоит в необходимости познания законов бытия информации и энергии для того, чтобы отличать информацию, способную генерировать

созидающую энергию, и негативное использование законов управления энергетическими и вещественными процессами с помощью информации.

Ноосферная (информационная) безопасность может быть рассмотрена с двух точек зрения: как защищенность личности, социальной группы, общества, человечества от воздействия информационных угроз (в виде приемов информационно-психологического воздействия), а также как защищенность информационно-коммуникационных сетей глобального, национального, регионального и локального уровней от взлома и внесения фатальных для системы изменений. В рамках развертывания медиадискурса определим основные принципы информационной безопасности как стабилизирующего фактора и как части комплексной системы управления в свете развертывающихся глобальных противоречий.

Первая группа принципов — глобальная экозтика, которая представлена системой императивов становящегося ноосферного человечества. Она включает золотое правило нравственности, категорический императив (И. Кант), экологический императив (Н.Н. Моисеев), императив «благоговения перед жизнью», или императив биоцентризма (А. Швейцер), моральный императив (Г.Н. Гумницкий), семиотический императив (Вяч.Вс. Иванов) и универсальный ноосферный императив [Смирнов 2015: 319—324].

Вторая группа принципов — глобальная информационная безопасность, которая реализуется на методологическом уровне в принципах фальсификации и верификации в эпоху фейк-ньюс и постправды; в глобальном авторском праве, обеспечивающем охрану и защиту информации; в мгновенной экспертизе информации в условиях значительного ускорения информационных обменных процессов. К этой же группе принципов отнесем глобальную медиаграмотность, которая выражается в философской, политологической, социологической и психологической подготовке общественного и индивидуального сознания, в развитии критического мышления и навыков определения технологий манипулирования общественным сознанием, а также в создании условий для творческой и коммуникативной реализации каждого человека.

Третья группа принципов касается хранения и открытого доступа к информации, преодоления информационного и коммуникационно-технологического неравенства как основного ноосферного противоречия в глобальной инфосфере.

Четвертая группа принципов — новые технологии управления в инфосфере на принципах принцип баланса и синергии. Медиадискурс выступает социально-регулятивным механизмом, организующим общественное сознание посредством формирования и трансляции социально значимых когнитивных, аксиологических смыслов. Говоря о механизмах функционирования медиадискурса, в зависимости от целей субъекта конструирования социальной реальности, прежде всего, мы имеем в виду два направления воздействия — интегративное и дезинтегративное. Интегративная функция медиадискурса позволяет структурировать, транслировать, поддерживать и воспроизводить содержащиеся в общественном сознании знания, оценки, представления и идеи, содействовать объединению и мобилизовать, мотивировать индивидов и группы людей на определенные виды деятельности. Дезинтегративная функция, напротив, реализуется в виде технологий манипулирования общественным сознанием и разрушения стройной ценностно-ориентационной системы, девальвации ранее сформированных конструкций, демобилизации и демотивации, достижения критического уровня катастрофизма, который может привести к краху социальной системы.

К примеру, концепция «умной силы» Дж. Ная разрабатывалась как прикладная модель гибкого использования инструментов для достижения целей государственной геополитики США по трем направлениям — в военном, финансово-экономическом и неправительственном секторе (корпорации, медиа, НКО) [Нуйе: 196—208]. С учетом двух главных факторов — возрастания роли общественного мнения, стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и преодоления границ распространения информации — сформирован концепт «острой силы» как методология ведения информационной войны. Однако такая методология социальной инженерии несет риски и угрозы комплексной безопасности человека и общества вплоть до катастрофы.

Вместо заключения. Синергетическая концепция развития ноосферного общества как открытой системы, основанной на принципах самоорганизации, саморегулирования и самопостроения предусматривает систему баланса, защитные механизмы. С учетом скорости протекания коммуникативного взаимодействия дистанция между технологиями, которые порождают угрозы, и средствами, обеспечивающими возможность их упреждения, практически отсутствует. На этом этапе задачей становится проактивное моделирование и прогнозирование рисков и угроз в рамках динамической модели развития общества.

Современная информационно-коммуникационная система как глобальная сеть более высокого порядка и структурный элемент ноосферы формирует собственные принципы информационно-когнитивной безопасности как на глобальном, так и на общественном и индивидуальном уровнях. Управление информационным процессом с целью изменения состояния системы является специфическим видом деятельности, а целью подсистемы управления в медиадискурсе по обеспечению энергоинформационной ноосферной безопасности состоит в выработке и реализации стратегий как на концептуальном уровне информационного процесса, так и на уровне коммуникативного взаимодействия и субстратном уровне информации.

Список литературы / References

- Дмитревская И.В. Ноосфера как системно организованное Всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лицея к университету. Иваново, 1997. С. 8—27.
(Dmitrevskaya I.V. The Noosphere as a systemically organized Universal, *The Noospheric paradigm of education: from lyceum to university*, Ivanovo, 1997, pp. 8—27. — In Russ.)
- Дмитревская И.В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1998. С. 29.
(Dmitrevskaya I.V. Plato's Timaeus: The Myth of the Living Cosmos, *Noospheric Idea and the Future of Russia*, Ivanovo, 1998, p. 29. — In Russ.)
- Каку М. Будущее разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. С. 126—128.
(Kaku M. The Future of the mind, Moscow, 2016, pp. 126—128. — In Russ.)
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство — СПб, 2000. С. 276
(Lotman Y.M. Semiosphere, St. Petersburg, 2000, p. 276. — In Russ.)
- Луман Никлас. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеева. М.: Логос, 2007. 360 с.
(Luman Niklas. Introduction to System Theory, ed. by D. Bekker; transl. from German by K. Timofeev, Moscow, 2007, 360 p. — In Russ.)
- Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский, 2003. 464 с.
(McLuhan G.M. Understanding Media: External human extensions, transl. from English by V. Nikolaeva, concl. art. by M. Vavilov, Moscow, Zhukovskiy, 2003, 464 p. — In Russ.)

- Момджян К.Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25—41.
(Momjian K.H. On the problem of universal values, *Questions of philosophy*, 2020, no. 3, pp. 25—41 — In Russ.)
- Николаева А.С. Региональный медиадискурс и мозаичность массового политического сознания в эпоху COVID-19 // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 167—178.
(Nikolaeva A.S. Regional media discourse and the mosaic of mass political consciousness in the era of COVID-19, *Bulletin of the Ivanovo State University, Series: Humanities*, 2023, no. 1, pp. 167—178. — In Russ.)
- Ноосферные исследования / под ред. И.В. Дмитриевской, А.Н. Протнова, Г.С. Смирнова. Иваново, 2002. Вып. 1. С. 30—31
(Noospheric research, ed. by I.V. Dmitrevskaya, A.N. Protnov, G.S. Smirnov, Ivanovo, 2002, no. 1, pp. 30—31. — In Russ.)
- Смирнов Г.С. Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания. Иваново, 2015. 504 с.
(Smirnov G.S. The formation of the noosphere: philosophical and methodological problems of the evolution of consciousness, Ivanovo, 2015, 504 p. — In Russ.)
- Смирнов Д.Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.
(Smirnov D.G. Semiosophy of the noospheric universe: the noosphere and the semiosphere in global discourse, Ivanovo, 2008. — In Russ.)
- Смокотин В.М. Язык всемирного общения и этнокультурная идентичность: комплементарность в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск. 2011. 39 с.
(Smokotin V.M. The language of world communication and ethnocultural identity: complementarity in the context of globalization: abstr. of the diss. ... Doctor of Sciences (Philosophy), Tomsk, 2011, 39 p. — In Russ.)
- Урсул А.Д. Природа информации: философский очерк. 2-е изд. Челябинск, 2010. 231 с.
(Ursul A.D. The Nature of Information: a philosophical essay, 2nd ed, Chelyabinsk, 2010, 231 p. — In Russ.)
- Язык СМИ и политика / под ред. Г.Я. Солганика. М.: МГУ, 2012. 952 с.
(Media language and politics, ed. by G.Ya. Solganik. Moscow, 2012. 952 p. — In Russ.)
- Яншин А.Л. Учение В.И. Вернадского о биосфере и переходе ее в ноосферу // Партнерство цивилизаций. 2013. № 1—2. С. 86—89.
(Yanshin A.L. Vernadsky's teaching on the biosphere and its transition to the noosphere, *Partnership of Civilizations*, 2013, no. 1—2, pp. 86—89. — In Russ.)
- Nye J.S. Soft Power: The Evolution of a Concept, *Journal of Political Power*, 2021, no.3, pp. 196—208.

THE NOOSPHERIC POTENTIAL OF MODERN MEDIA-DISDISCOURSE

Anna S. Nikolaeva

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

Abstract. The article considers the problem of media discourse as a structural element of the noosphere, where information processes move to a higher level and serve as a means of converting free energy into new types of it. Within the framework of the noospheric paradigm, from the standpoint of a systematic approach, the characteristic of the system-forming properties and relations of the media discourse are worked out in detail. In addition the characteristics of the global communication sphere at the present stage and the forecast of its development are given. Conclusions regarding the substrate component of media discourse

in modern concepts in Russia and abroad are synthesized, and the main prerequisites for the transition of the biosphere to the noosphere within the framework of the theory of media discourse are updated. In relation to the basic noospheric law, the principles of information process management as a specific type of activity to ensure the sustainable development of the social system and noospheric security are analyzed. A system of principles of global information security is proposed as part of an integrated process management system within the framework of noospheric dynamics.

Keywords: noosphere, media discourse, information process, global infosphere, noospheric energy and information security

For citation: Nikolaeva A.S. The noospheric potential of modern media-discourse, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, no. 2, pp. 175—185.

Статья поступила в редакцию 31.12.2023; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 27.02.2024.

The article was submitted 31.12.2024; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 27.02.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Николаева Анна Сергеевна — аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, anikolaeva84@rambler.ru

Nikolaeva Anna Sergeevna — Postgraduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, anikolaeva84@rambler.ru

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEW

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 186—191.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 186—191.

Научная рецензия

УДК 316.723:78.03

DOI: 10.46726/И.2024.2.21

КОНТРАКУЛЬТУРНАЯ РОК-СИБИРЬ:

Рец. на монографию: Кузнецов А.В. *Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 200 с.

Юрий Викторович Доманский

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва,
Россия, domanskii@yandex.ru

Аннотация. В рецензии рассматривается монография А.В. Кузнецова «Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен». Показывается уникальность данной книги в общем контексте вышедших за последнее время книг о западносибирской локальной рок-сцене и отдельных наиболее ярких её представителей; уникальность эта заключается в ярко выраженной социолого-культурологической направленности, и именно в научном, в исследовательском аспекте и социологии, и культурологии, точнее даже — исторических социологии и культурологии. Такой междисциплинарный по сути своей подход позволяет автору монографии предложить целостное осмысление неординарного для истории отечественной культуры явления, увидеть объект своего исследования — западносибирскую контркультуру — с разных сторон, показать различные аспекты её существования в последние два десятилетия двадцатого века, а в некоторой степени — и в веке двадцать первом; делается всё это через систематизацию, обобщение и осмысление многочисленных и разнообразных по сути своей фактов, связанных с русским (прежде всего — с западносибирским) роком в контркультурном плане, и через наглядный показ того, в каких направлениях можно двигаться дальше в изучении столь нетривиального и многоуровневого материала.

Ключевые слова: контркультура, русский рок, западносибирская локальная рок-сцена, А.В. Кузнецов

Для цитирования: Доманский Ю.В. *Контркультурная Рок-Сибирь* Рец. на монографию: Кузнецов А.В. *Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 200 с. // *Вестник Ивановского государственного университета.* Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 186—191.

1980-е годы с полным на то правом можно признать золотым веком русского рока, классическим периодом его истории. После зарождения в конце 1960-х гг. и первых шагов в 1970-е русский рок, едва перешагнув в предпоследнее десятилетие прошлого века, вдруг оказался на вершине своего

© Доманский Ю.В., 2024

2023. Вып. 2 •

существования; при этом случился своего рода культурный парадокс: оставаясь явлением элитарным, русский рок в 1980-е годы стал едва ли не самым мейнстримным явлением отечественной культуры той поры. Такое сочетание мейнстримности и элитарности утратилось в начале 1990-х годов, когда одни рок-группы отправились на стадионы, другие же ушли в глубокий андеграунд; и этот процесс разделения сопровождался существенной утратой той уникальной идентичности, что сопровождала классические рок-восемьдесятые и во многом способствовала тогдашнему величию русского рока, величию, в полной мере осознанному, конечно, уже позднее.

Вместе с тем два десятилетия, завершившие XX век, можно рассматривать как единый этап в развитии отечественного рок-искусства, ведь большинство музыкантов восьмидесятых годов продолжили своё творчество и в девяностых. И на этом этапе длинную в два десятилетия как раз и сформировались четыре локальные сцены русского рока: ленинградская, московская, свердловская и западносибирская, включающая в себя три города — Новосибирск, Омск и Тюмень. Каждая из этих сцен характеризуется своим собственным набором исполнителей, а главное — уникальной поэтикой, уникальной для каждой из названных рок-локаций. Разобраться в специфике локальных рок-поэтик относительно друг друга ещё, конечно же, предстоит, однако уже сейчас первые попытки такого рода делаются; и делаются они в том числе относительно и западносибирской локальной рок-сцены конца прошлого — начала нынешнего веков.

Интерес именно к этой локальной рок-сцене оказался в последние годы весьма высок, чему свидетельство выход целого ряда книг, обращённых как к сибирскому панку вообще [Козлов, Смех; Чиркин], так и к его наиболее ярким представителям в частности [Доманский 2018; Доманский 2021; Коблов 2020; Коблов 2021; Летовский семинар 2018; Летовский семинар 2021; Пауэр 2020; Пауэр 2021; Семеляк]. Книга же А.В. Кузнецова «Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен» [Кузнецов] выделяется в этих контекстах своей ярко выраженной социолого-культурологической направленностью, причём именно в научном, в исследовательском аспекте и социологии, и культурологии, точнее даже — исторических социологии и культурологии. Такая междисциплинарность должна быть оценена исключительно положительно, ибо способствует многогранному взгляду на явление и, следовательно, многоаспектному постижению его.

Во многом в связи с такой междисциплинарностью книга А.В. Кузнецова для современной гуманитарной науки носит этапный характер; об этом можно смело сказать уже потому, что данная книга наглядно, на конкретном и релевантном материале, решает задачи, связанные с актуальным для науки осмыслением понятия «контркультура» и явлений, обозначаемых этим понятием. Первая из двух глав в книге (глава называется «Феномен контркультуры в духовных поисках XX века») носит характер обобщающе-теоретический, что отнюдь не отменяет присутствия в ней многочисленных примеров, призванных наглядно подкрепить теорию. Начинается первая глава книги с систематизации исследовательских взглядов на контркультуру как таковую, а продолжается уже в историческом ракурсе — сначала типологизацией и систематизацией социокультурных контекстов, в которых проявляла себя контркультура, а затем анализом происхождения и судьбы тех или иных конкретных контркультур XX века. Таким образом, в первой главе книги читателю предлагается концептуальное осмысление и аналитическое описание

того, что принято называть контркультурой. Выскажем уверенность в том, что данный раздел исследования может быть полезен и интересен не только тем, кто интересуется русским роком, но и тем, кто проявляет интерес к контркультуре как таковой. Однако автору монографии первая глава важна в первую очередь всё-таки как необходимая теоретическая и историческая база для рассмотрения вполне конкретного проявления контркультуры — той, что выше мы обозначили как западносибирскую локальную рок-сцену, той, что в истории и обиходе принято называть сибирским панком.

И именно вторая глава книги (глава называется «Специфика становления и развития западносибирской контркультуры»), вырастающая из главы первой, из главы обобщающей, локально-интерпретационная глава, должна быть признана важнейшей заслугой автора, который здесь последовательно рассматривает сначала отечественные контркультурные проявления вообще, потом осмысливает конкретные проявления контркультуры в Западной Сибири и, наконец, детально интерпретирует такое вроде бы локальное, а вместе с тем — яркое и в итоге вполне глобальное явление, каковым является сибирский панк. И делается всё это в историческом, социальном, географическом и ряде других контекстов, что, вне всякого сомнения, усиливает доказательную базу проведённого исследования, а кроме того, делает его ещё более наглядным.

В начале второй главы, в первом её параграфе, даётся подробное описание того, как контркультура реализовывалась в позднем СССР, какова была роль протестной составляющей в ней и в какой степени контркультура была всё-таки культурой. Автор монографии не просто приводит примеры контркультурных движений, для него важно увидеть творческую их составляющую, на основе чего факты контркультуры можно вписать в контекст культуры вообще, а в итоге и аналитически систематизировать. Но, конечно, главное внимание здесь уделяется рок-культуре, в понимании которой, что особенно важно, автор монографии исходит и из специфики культурного статуса явления, и из закономерностей организации внутреннего мира этого явления, мира, который не ограничивается только сугубо художественной составляющей, но и выходит за её пределы в «тексты жизни»: «В контексте данного исследования отечественная рок-музыка рассматривается как одна из основных форм проявления контркультурной активности, выразившейся в первую очередь в текстах и особенностях социального поведения рокеров» [Кузнецов: 100].

И в заявленном ключе в монографии далее осмысливается уже непосредственно западносибирская контркультура как уникальный феномен. Сначала, во втором параграфе второй главы, это осмысление осуществляется через призму контекста — контекста столичного (то есть ленинградского и московского) рок-андеграунда, в течение 1980-х годов выходящего в мейнстрим, причудливо соединяющий в себе массовое и элитарное, а параллельно удаляющийся от контркультуры. В данном контексте Сибирский панк выделяется тем, что гораздо дольше сохраняет контркультурный статус, к тому же большинство представителей этой локальной рок-сцены так и не вышли из андеграундного пространства, так и не стали стадионными властителями дум конца 80-х — начала 90-х, как сделали это их столичные коллеги по рокерскому и, соответственно, некогда общему контркультурному цеху. Автор монографии приходит к выводу, что такому положению дел (в числе прочего, разумеется) способствовала во многом разница в организации художественных миров музыкантов из Новосибирска, Омска и Тюмени относительно того, что создавалось и выходило к слушателю в столицах.

Анализу и интерпретации специфики панк-рока Западной Сибири посвящён третий, завершающий, параграф второй главы. И сразу надо сказать, что тут перед читателем предстают не только Янка Дягилева и Егор Летов (автор монографии предпочитает называть его по паспорту — И. Летов), то есть не только общепризнанные классики русской культуры новейшего времени, но и те музыканты и музыкальные коллективы, о которых в наши дни знают лишь самые преданные поклонники и специалисты. Согласимся, что только так и можно было представить уникальное явление западносибирского рока, объединив в едином пространстве большинство исполнителей и групп из трёх западносибирских мегаполисов. Через круг чтения сибирских рокеров прослеживается их творческий генезис, на основе чего эксплицируется специфика западносибирской контркультуры относительно столичных аналогов и, что, пожалуй, ещё более важно, специфика каждого конкретного явления внутри локальной рок-сцены Западной Сибири. И если творчество названных выше Янки Дягилевой и Егора Летова довольно активно изучается, то наследие таких групп как «БОМЖ», «Путти», «Инструкция по выживанию», таких личностей как М. Немиров, Р. Неумоев, братья Лищенко, Е. Махно ещё ждёт своих исследователей, для которых А.В. Кузнецов своей монографией сформировал богатую в фактическом в аналитическом плане базу. Во всяком случае, тем, кому предстоит изучать сибирский панк в его конкретных проявлениях (и не важно будут это филологи, культурологи, социологи или историки), будет на что опереться в грядущих своих исследовательских изысканиях.

И хотя в названии книги А.В. Кузнецова 1980-е и 1990-е даны как единая эпоха (что, как сказано выше, справедливо), автор осознаёт, что десятилетия эти в плане реализации в них контркультуры крайне друг на друга не похожи. Впрочем, справедливости ради надо сказать, что существенно отличается от первой половины восьмидесятых вторая половина тех же годов, в которой и вовсе каждый последующий год был решительно не похож на предыдущий: 85-й отличался от 84-го, 86-й от 85-го и т. д. Но всё же 1990-е годы предложили западносибирской контркультуре иные относительно предшествующих лет форматы существования, что достаточно подробно описано А.В. Кузнецовым в финальной части третьего параграфа второй главы монографии, а размещившийся в авторском послесловии заход в XXI век, буквально в наши дни, позволяет автору справедливо констатировать, что «творческий потенциал сибирского панка до сих пор реализуется в современных формах протестной активности молодёжи» [Кузнецов: 180], что подтверждается в монографии некоторыми примерами, большинство из которых уже, конечно, взяты из Интернета. А самый последний сегмент книги, сегмент, после которого только список литературы, называется «P.S. От автора» и представляет из себя весьма любопытную таблицу, благодаря которой можно сравнить те или иные аспекты контркультуры на Западе Сибири с контркультурой на Западе как таковым. Всё сделанное привело автора к закономерному заключению: «Исследование творчества представителей западносибирской контркультуры позволяет по-новому взглянуть на многие процессы, происходившие в российском обществе в 1980—1990-х годах. Введение в научный оборот информации об основных событиях формирования этого движения позволяет понять, что в творческом смысле Западная Сибирь не только не была провинцией, но и активно формировала мировоззрение жителей постсоветского пространства» [Кузнецов: 185].

Итак, можно заключить, что книга А.В. Кузнецова получилась одновременно и итоговой, и перспективной; итоговой, поскольку систематизировала, обобщила и осмыслила многочисленные и разнообразные факты, связанные с русским (прежде всего — с западносибирским) роком в контркультурном плане; перспективной, поскольку наглядно показала, в каких направлениях можно двигаться дальше в изучении столь нетривиального и многоуровневого материала.

Список литературы / References

- Доманский Ю.В. Поэтика Егора Летова: Беседы с исследователями. М.: Выргород, 2021. 320 с.
(Domanskii Yu.V. Poetics of Egor Letov: Conversations with researchers, Moscow, 2021, 320 p. — In Russ.)
- Доманский Ю.В. Формульная поэтика Егора Летова: монография. М.; Калуга; Венеция: Bull Terrier Records, 2018. 160 с.
(Domanskii Yu.V. Egor Letov's formulaic poetics: Monograph, Moscow; Kaluga; Venice, 2018, 160 p. — In Russ.)
- Коблов А. Егор Летов. Моя оборона. М.: АСТ, 2020. 208 с.
(Koblov A. Egor Letov. My defense, Moscow, 2020, 208 p. — In Russ.)
- Коблов А. Егор Летов и группа «Гражданская оборона». М.: АСТ: Кладезь, 2021. 288 с.
(Koblov A. Egor Letov and the “Grazhdanskaya oborona” group, Moscow, 2021, 288 p. — In Russ.)
- Козлов В., Смех И. Следы на снегу. Краткая история сибирского панка. М.: Common place, 2020. 640 с.
(Kozlov V., Smeh I. Footprints on the snow. A brief history of Siberian punk, Moscow, 2020, 640 p. — In Russ.)
- Кузнецов А.В. Западносибирская контркультура 1980—1990-х годов как социокультурный феномен: монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 200 с.
(Kuznetsov A.V. West Siberian counterculture of the 1980s—1990s as a sociocultural phenomenon: monograph, Rostov-on-Don; Taganrog, 2023, 200 p. — In Russ.)
- Летовский семинар: Феномен Егора Летова в научном освещении. М.: Bull Terrier Records, 2018. 298 с.
(Letov seminar: Egor Letov phenomenon in scientific enlightenment, Moscow, 2018, 298 p. — In Russ.)
- Летовский семинар 2021. Проблема текста: сборник статей / сост. и общ. ред. Ю.В. Доманского и А.В. Корчинского. М.: Выргород, 2022. 368 с.
(Letovsky seminar 2021. Text problem: collection of articles, ed. by Y.V. Domansky and A.V. Korchinsky, Moscow, 2022, 368 p. — In Russ.)
- Пауэр К.Ю. Александр Башлачев, Егор Летов, Янка Дягилева. М.: Выргород, 2020. 384 с.
(Power K.Yu. Alexander Bashlachev, Egor Letov, Yanka Dyagileva, Moscow, 2020, 384 p. — In Russ.)
- Пауэр К.Ю. Янка Дягилева. Жизнь и творчество самой известной представительницы женского рок-андеграунда. М.: Эксмо, 2021. 400 с.
(Power K.Yu. Yanka Diaghilev. The life and work of the most famous representative of the female rock underground, Moscow, 2021, 400 p. — In Russ.)
- Семеляк М. Значит, ураган. Егор Летов: опыт лирического исследования. М.: Individuum, 2021. 256 с.
(Semeliak M. So, a hurricane. Egor Letov: opyt lyrical research, Moscow, 2021, 256 p. — In Russ.)

Чиркин А. Зачатие сибирского панк-рока. Полная версия. М.: Авторское издание, 2021. 366 с.
(Chirkin A. The conception of Siberian punk rock. Full version, Moscow: Author's edition, 2021, 366 p. — In Russ.)

COUNTERCULTURAL ROCK-SIBERIA.

Book review: A.V. Kuznetsov. West Siberian counterculture of the 1980s—1990s as a socio-cultural phenomenon: monograph. Rostov-on-Don; Taganrog, 2023. 200 p.

Yuri V. Domanskii

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
domanskii@yandex.ru

Abstract. The review examines the monograph by A.V. Kuznetsov “West Siberian counterculture of the 1980—1990s as a sociocultural phenomenon.” The uniqueness of this book is shown in the general context of recently published books about the West Siberian local rock scene and some of its most prominent representatives; This uniqueness lies in a clearly expressed sociological and cultural orientation, and specifically in the scientific, research aspect of both sociology and cultural studies, or more precisely, historical sociology and cultural studies. This essentially interdisciplinary approach allows the author of the monograph to offer a holistic understanding of a phenomenon extraordinary for the history of Russian culture, to see the object of his research — the West Siberian counterculture — from different sides, to show various aspects of its existence in the last two decades of the twentieth century, and to some extent — in twenty-first century; All this is done through systematization, generalization and comprehension of numerous and inherently diverse facts related to Russian (primarily West Siberian) rock in a countercultural sense and a clear demonstration of the directions in which we can move further in the study of such non-trivial and multi-level material.

Keywords: counterculture, Russian rock, West Siberian local rock scene, A.V. Kuznetsov

For citation: Domanskii Yu.V. Countercultural Rock-Siberia. *Book review:* Kuznetsov A.V. West Siberian counterculture of the 1980s—1990s as a sociocultural phenomenon: monograph. Rostov-on-Don; Taganrog, 2023. 200 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 186—191.

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Доманский Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, domanskii@yandex.ru

Domanskii Yuri Victorovich — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, domanskii@yandex.ru

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 192—199.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 2. P. 192—199.

Научная рецензия

УДК 94“19”:791.43([47+57]+73)

DOI: 10.46726/И.2024.2.22

**«КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ СОБЛАЗНА» И
«БОЛЬШАЯ НАДЕЖДА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»: КИНЕМАТОГРАФ
СССР И США ПЕРИОДА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ
КАК ПОЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ**

Рец. на кн.: «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред.

О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.

Дмитрий Вячеславович Кирюхин, Елена Михайловна Кирюхина

Нижегородский государственный агротехнологический университет,

г. Нижний Новгород, Россия, bagerlock@gmail.com, elenakiruhina@gmail.com

Аннотация. Вниманию читателей предлагается рецензия на научную монографию, которая является трудом коллектива авторов, работающих в смежных гуманитарных сферах, что позволяет проанализировать представленные ими проблемы как с теоретической, так и с научно-практической точки зрения. В центре внимания авторов изображение образа врага в кинематографе СССР и США эпохи Холодной войны 1946—1963 гг. Авторы приходят к выводу, что созданный кинообраз врага, отражающий идеологическое противостояние двух систем, является важным средством легитимизации власти и формирования гражданского самосознания общества, а его анализ необходим для международной стабильности и безопасности.

Ключевые слова: образ врага, кинематограф, Холодная война, противостояние СССР — США

Для цитирования: Кирюхин Д.В., Кирюхина Е.М. «Коммунистическое оружие соблазна» и «Большая надежда человечества»: кинематограф СССР и США периода Холодной войны // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2. С. 192—199. *Рец. на кн.:* «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.

События нескольких последних лет, многие из которых развивались и развиваются для мировой общественности неожиданно и стремительно, привели к необходимости пересмотра ранее сложившейся системы взаимоотношений нашей страны и западных государств. Исключением не стал и отечественный читатель, пытливый ум которого готов погрузиться в глубины веков ради поиска причин и источника давнего противостояния. Ни для кого не будет секретом, что конфликт между Россией и Западом — это не только техническое и технологическое противостояние, наиболее ярко отразившееся в период Холодной войны, но и противостояние идеологическое, когда образы верных друзей и заклятых врагов формируют поведенческий портрет гражданина. Создаваемый в итоге образ врага во многом универсален, он позволяет не только воспитать ненависть к противнику, но и служит важным инструментом в легитимизации власти, а также формировании гражданской

идентичности. Важнейшими инструментами в этом процессе всегда выступали самые разные сферы искусства, способные тронуть сердца впечатлительных и равнодушных людей. В середине XX века первенство среди них заслуженно занимает кинематограф, позволяющий не только охватить огромную аудиторию, при этом не требуя от зрителей наличия какого-либо уровня образования, но и очень ярко и наглядно транслировать создаваемые образы. Особую роль киноискусство приобретает в период Холодной войны, во время противостояния двух гигантов — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Деталю этой идеологической борьбы посвящена рассматриваемая монография, адресованная специалистам в области истории, международных отношений, политологии, культурологии, киноведения.

Представленная научная монография подготовлена при поддержке Российского научного фонда по гранту «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике Холодной войны: компаративный анализ» коллективом авторов: Рябов О.В., Белов С.И., Давыдова О.С., Кубышкин А.И., Рябов Д.О., Рябова Т.Б., Смирнов Д.Г., Спутницкая Н.Ю., Юдин К.А. На наш взгляд, ее актуальность обусловлена, во-первых, интересом к эпохе Холодной войны в современных историко-политических реалиях и, во-вторых, тем, что образы кинематографа при возможности их массового распространения оказывают сильное эмоциональное воздействие на зрителя и общество в целом. Удачна и «ударная» обложка с символическим изображением двух кулаков в боксерских перчатках с флагами США и СССР, направленных друг на друга.

Проанализируем подробно содержание монографии. Во **Введении** О.В. Рябов, справедливо указывая на то, что образ врага является постоянным элементом человеческой истории, высказывает тезис о том, что эпоха Холодной войны, **определяемая им хронологически 1946—1963 годами**, дает особенно богатый материал для его изучения. Анализу будут подвергнуты около пятисот советских и американских фильмов, а в первую очередь будет рассмотрен пропагандистский аспект кинематографа. Введение заканчивается обильной историографией зарубежных и отечественных исследователей, касающихся данной тематики.

Раздел I состоит из двух глав и рассматривает теоретико-методологические проблемы исследования. **Глава первая «Кинообразы врага в символической политике: методология исследования»** (автор О.В. Рябов) начинается с функций, которые должен выполнять образ врага. Это функции укрепления коллективной идентичности (враг должен максимально отличаться от своих), мобилизации (враг — образ смертельной опасности), легитимизации власти (репрезентация правящей элиты как надежной защиты, а оппозиции — как внутреннего врага и пособника врага), легитимизации насилия (дегуманизация врага, его зверств, создающая максимально отталкивающий образ врага, и его демонизация как воплощение сатанинских сил зла), предсказания собственной победы. Враг должен вызывать чувства страха, гнева, морального негодования, отвращения, смеха, а победа над ним — чувство эмоционального удовлетворения, особенно, в коллективных акциях: чествование героев, митинги и т. д.: «Образ врага — это политический символ, который используется для формирования и корректировки коллективной идентичности, мобилизации, легитимизации власти, легитимизации насилия и создания чувства уверенности в победе над противоборствующей стороной и который призван продуцировать, прежде всего, страх, а также гнев, моральное негодование, отвращение, чувство превосходства, смех. За обладание этим

символом идет борьба» (31)*. Образ врага обладает особой значимостью в символической политике — как легитимации власти, так и политике памяти, политике идентичности и т. д. Кинематограф в этом плане оказывает влияние как на обыденное политическое знание, так и на эмоциональное отношение к политическим проблемам. Согласимся с автором: «кинообразы нередко продолжают функционировать в политической сфере спустя много лет после выхода фильма, и за их интерпретацию идет символическая борьба...» (32).

Глава вторая «Дискуссии о природе Холодной войны» (автор А.И. Кубышкин) определяет этапы формирования и развития образа врага в обозначенный период Холодной войны. 1950—1960-е годы: полная идеологизация образа врага, взаимное полное неприятие и отторжение советской (американской) политической и социально-экономической системы. 1960—1980-е годы: концепция стратегического соперничества при использовании некоторых элементов сотрудничества, чтобы предотвратить ядерную катастрофу. 1990-е годы: в условиях уничтожения советской системы и образования однополярного мира частичная деидеологизация образа врага. В настоящее время — возвращение Запада к идеолого-политической риторике Холодной войны, по мнению автора, на основе «критики возрождения “имперского характера” внешней политики современной России» (44).

Раздел II состоит из четырех глав и рассматривает рамки, которые задавались в СССР и США «гегемонными дискурсами, механизмами институционального контроля, спецификой киноязыка и особенностями семиотики кино» (9). В **третьей главе «Дискурсивные структуры производства кинообразов “врага номер один”»** (автор О.В. Рябов) анализируются аксиологический, национально-цивилизационный, политический, антропологический, гендерный, религиозный и исторический дискурсы. Автор объясняет, что максимальное отличие врага от «своих» достигалось за счет акцентирования антропологических, расовых, гендерных, морально-эстетических отличий: «пропаганда была построена на постоянном подчеркивании недостатков «чужих» и собственного превосходства над ними: морального, военного, эстетического и др.» (103), а эти отличия, приобретающие облик пороков, показывались как нечто, закономерно обусловленное «чужим» образом жизни.

В **четвертой главе «Кинополитика и институционализация контроля за производством образов врага»** (автор К.А. Юдин) анализируется, как была построена система контроля за созданием образа врага. Указывая на сходство системы контроля в виде совокупности определенных норм (документов), санкций (как позитивных, так и негативных), системы государственных и негосударственных акторов, автор отмечает минимальное противодействие контролю в СССР и большую творческую свободу в США в виде локально-региональной автономии.

В **пятой главе «Кинематографические приемы конструирования врага»** (автор О.С. Давыдова) анализируется аффективный механизм страха в создании образа врага через различные кинематографические жанры (страшные истории, сновидения) и приемы (страшные объекты крупным планом, двойная экспозиция, звуковые эффекты) в сопоставлении со «своим», кажущимся «нормальным» и «естественным». При этом более оптимистичны советские фильмы, проникнутые идеей неотвратимости победы над врагом.

* Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с. с указанием в скобках страниц.

В американских фильмах при таком же оптимистическом финале сильнее акцентировались чувство страха и тревоги, повсеместности угрозы и необходимости ее своевременного обнаружения.

В шестой главе «Семиотические средства конструирования кинообразов врага» (автор Д.Г. Смирнов) рассматриваются семиотические средства создания кинокартины мира (семиотическая демаркация, семиотическое смещение, вторжение и отторжение, ресемиотизация), которые формировали у зрителя конфликтный этос, квинтэссенцией которого стал образ «врага номер один».

Раздел III рассказывает о том, как кинематография СССР и США включала образы врага в формы символической политики (легитимизацию власти, политику макрополитической идентичности, политику памяти, политику пространства). Седьмая глава «Кинообразы врага в легитимизации власти» (автор О.В. Рябов). Автор утверждает, что образы представителей силовых структур СССР и США имели много сходного: воплощали военную доблесть и моральное совершенство, готовность бороться с врагами и защищать граждан своей страны. При этом различалось изображение образа «чужого». В СССР пропагандировалась основанная на классовом различии идея «двух Америк»: образы «хороших американцев» демонстрировали симпатию к СССР, являясь союзниками в классовой борьбе с «реакционной Америкой». В США как отклик на войну в Корее существовал более одномерный, дегуманизированный образ врага, способного на убийства мирных граждан. В то же время в СССР образы «своих», особенно представляющих государственные и властные структуры, был более одномерен, вплоть до эпохи оттепели. В США, более критически относящейся к институтам власти, образы «своих» были более многомерны.

В восьмой главе «Кинообразы врага в политике макрополитической идентичности» (авторы Д.О. Рябов, О.В. Рябов) объясняются причины необходимости создания этого образа для укрепления идентичности страны. Всемирная миссия страны создавалась путем противостояния образу сверхдержавы-соперника. Таким образом возникает возможность «погасить» внутренние конфликты путем переключения внимания на внешнего врага, а несогласных с государственной политикой, по мнению авторов, выставить вражескими пособниками. Интересны авторские поиски маркеров в кинообразах «своих» и «чужих»: в музыке, спорте, пище, одежде. Несмотря на то, что «хорошие американцы» в фильмах похожи на советских людей, кинематограф Холодной войны подчеркивал абсолютное превосходство одной системы и обреченность другой для каждой из сторон. Хотя в период оттепели показывался более сложный внутренний мир советских людей, в США образ СССР не становится менее зловещим.

В девятой главе «Кинообразы врага в политике памяти» автор (С.И. Белов) обращается к использованию примеров из истории для создания образа врага. По мнению автора, это имело несколько целей. Во-первых, обеспечить «узнаваемость» врага. В США — отсыл к негативным сторонам российского царизма, к памяти иммигрантов из Российской империи. Советский кинематограф, показывая крупных исторических деятелей, ассоциировал США с Великобританией, являвшейся историческим противником России: «как советские, так и американские кинематографисты активно использовали метод отождествления с целью придания новому врагу сходства с историческим противником» (244). Во-вторых, это демонстрация длительного характера вражды (СССР искал негативное участие США в Октябрьской революции и гражданской войне). В-третьих, объяснение пороков, подчеркивание образа жизни «врага номер один» глубокими историческими корнями («Красная угроза»). Таким же образом тенденциозно экранизировались литературные произведения. Как было

сказано ранее, в СССР показывалась идея «двух Америк», а в США русские и советские персонажи одномерны, «в большинстве случаев они выступали в качестве стереотипных злодеев, лишенных весомой мотивации и иных признаков, которые могли бы гуманизировать их образ» (244). При этом кинематограф США намеренно отказывался от изображения «других русских», людей, отвергающих царизм или ориентированных на западные ценности.

В **десятой главе «Кинообразы советского и американского врага в политике пространства»** (автор Т.Б. Рябова) подробно анализируется символика пространства в фильмах о врагах, связанная с темой возможной агрессии противника. Негативными кинообразами США были образы небоскребов и ночи, реклама секса и насилия, настойчивое сравнение людей с животными и бездушными механизмами. В негативные кинообразы СССР превращались Кремль и Красная площадь с собором Василия Блаженного, а также купола храмов, символизовавшие вековую отсталость, негативный образ коммунальных квартир как показатель отсутствия личного пространства, подчеркивание того, что Россия — страна холода.

Раздел IV, состоящий из трех глав, раскрывает специфику изображения образа врага в анимационном, неигровом и детском кино. **Одиннадцатая глава «Образы врага в анимационном кино»** (автор Н.Ю. Спутницкая) является одной из самых интересных в монографии за счет своего подробного анализа кинообразов и киноприемов. Как полагает автор, образ врага в анимационном кино складывается из двух составляющих: карикатур с элементами гипертрофированного изображения и иносказательных форм, при этом карикатурный образ превалирует. Активно используются иконические образы-изображения. Для СССР это Кремль со Спасской башней, красные звезды, кирзовые сапоги и телогрейки, а для жителей страны — мотив зомби, клонов, огромных отвратительных насекомых, представителей инопланетных цивилизаций: «Широко используются представления о русских как стихийной, неуправляемой силе, склонной у вандализму, лишенной интеллекта и субъектности» (282). Иконическими образами США в советской анимации стали символы классовой принадлежности: у мужчин — немодные и используемые в узком кругу смокинг и цилиндр, монокль и пенсне, а у женщин — дорогие обтягивающие платья, перчатки и манто. Обыгрывались доступные определенному классу атрибуты богатой жизни: сигары, автомобили, особняки с прислугой, драгоценности; бары и казино, биржи и небоскребы Нью-Йорка. В 1950-е годы активнее стали использоваться элементы иносказания, а враги приобрели облик экзотических животных, крупных хищников и рептилий, при этом всячески подчеркивались проблемы расовой дискриминации в США. В пропаганде советских ценностей превалировали анималистические образы коллектива (оркестр, гармоничное лесное царство симпатичных животных). К 1960-м годам в период развития и популярности телевидения стала усиливаться комедийная составляющая анимационных фильмов, высмеиваться как массовая культура с ее штампами, так и истерия по поводу ядерного оружия и гонки в космосе.

В **двенадцатой главе «Образы врага в неигровом кино»** (автор О.С. Давыдова) подробно рассматриваются цели и образы такого вида кинематографа. Автор указывает на четыре цели. Во-первых, это критика внешней политики врага, с его дегуманизацией, представлявшего вражеские образы в виде бездушных манекенов и машин, оскалившихся животных, таинственных теней. Во-вторых, подчеркивание лживости врага с его обязательным разоблачением. В-третьих, критика общественного устройства и внутренней политики врага.

Советский кинематограф подчеркивал в США такие явления, как расизм, социальное неравенство, безработицу, эксплуатацию детского труда. Американский кинематограф критиковал отсутствие демократических свобод и репрессии в СССР, повсеместную бедность и плохой быт. В-четвертых, критиковался вражеский образ жизни: в американском — аморальность и бездуховность, в советском — подавление индивидуальности, безэмоциональность и атеизм. «В американском кино главным противовесом выступает понятие свободы, предлагаемое зрителю как основная ценность. Коммунистическая агрессия становится оправданием для наращивания военного потенциала США, необходимого для защиты свободы. Советское же кино противопоставляет “звериному оскалу капитализма” идею справедливости, мирного неба над головой и светлого будущего. Не случайно львиная доля документальных фильмов Холодной войны заканчивается крупными планами детских лиц» (309).

Весьма насыщена и оригинальна **тринадцатая глава «Образы врага в детском кино»** (автор Н.Ю. Спутницкая), являющаяся закономерным итогом четвертого раздела. Автор доказывает, что критика образа жизни врага прослеживалась и в этом виде кинематографа. В детских фильмах США осуждалось отсутствие свободы личности и ее подчинение государству. В детских фильмах СССР показывалось отсутствие беззаботного детства в США, сращивание мира детей с миром взрослых, пропагандирующего потребительские отношения, конкуренцию и культ денег и воспитывающее в юных американцах эгоизм; не обходилась стороной и расовая и классовая дискриминация. Типичным образом врага в советском кино для детей становился зарубежный шпион и диверсант, а также внутренний враг, предстающий в виде преступника, бывшего белогвардейца или пособника нацизма. Если в отношении американских детей интеграция в мир безжалостных взрослых критиковалась, то интеграция советского ребенка в систему общественно-политических отношений и советских ценностей приветствовалась, а осторожность и бдительность, нейтрализация и изобличение врага поощрялись. Забота государства о семье, комфортное жилье, семейные ценности, возможности отдыха и развития личности пропагандировались как в советском, так и в американском кинематографе, однако к 1963 году американский кинематограф стал использовать образ ребенка для конструирования образа будущего, и здесь стала подчеркиваться его незащищенность и бессилие взрослых перед лицом страшной экзистенциальной угрозы; в то время как советский ребенок полностью защищен от возможных психологических травм советским миром взрослых.

Заключение монографии **Кинематографическая Холодная война в сравнительной перспективе (Вместо заключения)** (автор О.В. Рябов) кратко подводит итоги исследования. Указывая на противопоставление «империи справедливости» — «империи свободы», автор подчеркивает идею зеркальности образов врага, роль кинематографа в легитимизации Холодной войны и принятии важных политических решений. Убедителен пример начала Вьетнамской войны: созданный Голливудом образ непобедимой американской армии привел к легкости политического решения принять участие в военных действиях. Помимо различия в системе ценностей (голливудский герой-одиночка противопоставлен советскому герою, действующему в коллективе в тесной связи со структурами государства и власти), автор указывает на сходство в базовых ценностных системах: «Подлость и предательство осуждались, а героизм и самопожертвование прославлялись. Насилие над слабыми считалось пороком и приписывалось “чужим”, а защита женщин и детей интерпретировалась как добродетель и приписывалась “своим”. Верность, честность, благородство, любовь к детям, патриотизм, гуманизм — все это входило

в нравственный идеал киногероев по обе стороны “железного занавеса”» (331). Однако вывод из этого тезиса нам представляется по меньшей мере спорным: «Это была не война двух миров, а скорее борьба в рамках одной цивилизации и одного цивилизационного кода» (331). Если для научного сообщества послы авторов понятен, хотя с формой выражения можно поспорить, то далекого от серьезной науки читателя этот тезис может поставить в тупик.

Весьма интересны рассуждения автора о восприятии кинообразов Холодной войны в настоящее время на основе социологических исследований. Ценности США и России воспринимаются как противоположные и с уверенностью распознаются респондентами. По мнению автора, в современном обществе существует своеобразная ностальгия по эпохе Холодной войны. В США она ассоциируется с безопасностью и стабильностью, национальным согласием, мотивом морального лидерства государства — защитника «свободного мира». В России является частью ностальгии по СССР, связанной не только с утратами социально-экономических благ, но и советских ценностей справедливости, социального и национального равенства, уважения к человеку труда, веры в построение светлого будущего; при этом «имперское течение» акцентирует внимание на политической и военной мощи Советского Союза. Как нам представляется, общим здесь является ностальгия по стабильности и предсказуемости прошлого в противовес непонятному и опасному настоящему и будущему.

Итоговый вывод авторов монографии: они полагают, что проведенный анализ кинообразов врага эпохи Холодной войны имеет важность не только для научного сообщества, но и для безопасности страны, и в целом международной стабильности: «Образы врага <...> искажают восприятие мировой политики, действуя как испорченные линзы <...>. Осознание того, в какой степени недоверие продиктовано реальными противоречиями, а в какой — “кинодемонами прошлого”, которых мы исследовали в настоящей книге, может сделать мир безопаснее» (345). С этим выводом нельзя не согласиться.

Обратим внимание на некоторые, на наш взгляд, недочеты фундаментального научного труда. Представленные в книге иллюстрации исключительно черно-белые, небольшие и невысокого качества, хотя речь идет не только о черно-белых фильмах. По меньшей мере афиши и кадры из мультфильмов должны быть цветными, и в этом плане лучше было бы сделать цветные вкладки (хотя бы несколько наиболее ярких). В списке иллюстраций и в тексте отсутствуют годы. К сожалению, в ряде случаев разный перевод названий фильмов: на с. 75 «Красная угроза» (и в фильмографии), а под кадром в тексте подпись «Красная опасность». Если в тексте и фильмографии дается английский перевод, то под кадром такого перевода нет, можно решить, что это другой фильм. Фильмографию было бы хорошо разделить на советские и американские фильмы, чтобы можно было визуально сопоставить количественное соотношение в определенные годы. Не очень понятно, зачем на с. 377—388 дан список иллюстраций, хотя все они подписаны в тексте. Нет указателя исторических имен, который можно было бы сделать дифференцированно: политики, актеры, режиссеры.

Однако все вышеназванные недочеты на могут считаться серьезными недостатками и не умаляют огромной работы, проведенной авторским коллективом. На наш взгляд, чрезвычайно важным является то, что этот объемный труд объединил силы многих авторов, сферы научных интересов которых расположены в смежной тематике, и чьи научные публикации также заслуживают внимания. Благодаря этому в рамках одной книги удалось рассмотреть очень широкий круг проблем как научно-теоретического, так и прикладного характера, после прочтения монографии читатель может обратиться

к упоминаемым первоисточникам, то есть фильмографии двух противоборствующих стран рассматриваемого периода. Особенно важным, на наш взгляд, является и то, что издание получило поддержку Российского научного фонда. Надеемся, что заслуженное внимание книга найдет и у читателей. Данная монография — серьезное и долгожданное явление в отечественной историографии, ее можно порекомендовать не только научному сообществу, но и всем интересующимся современным отечественным и зарубежным кинематографом и эпохой Холодной войны.

“COMMUNIST WEAPONS OF TEMPTATION” AND “THE GREAT HOPE OF HUMANITY”: THE USSR AND THE USA CINEMA OF THE COLD WAR AS A FIELD OF IDEOLOGICAL STRUGGLE
Book review: “Enemy number one” in symbolic politics of the USSR and the USA cinema during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p.

Dmitry V. Kiryukhin, Elena M. Kiryukhina

Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, bagerlock@gmail.com, elenakiruhina@gmail.com

Abstract. The readers are presented with a review of a scientific monograph, which is the work of authors' collective working in related humanitarian fields, which makes it possible to analyze the problems they present from both theoretical and scientific-practical points of view. The authors focus on the depiction of an image of the enemy in the USSR and the USA cinema during the Cold War in 1946—1963. The authors come to the conclusion that the created film image of the enemy, reflecting ideological confrontation between two systems, is an important means of legitimizing power and forming civil consciousness of society, and its analysis is essential for international stability and security.

Keywords: image of the enemy, cinema, Cold War, confrontation between the USSR and the USA

For citation: Kiryukhin D.V., Kiryukhina E.M. “Communist weapons of temptation” and “The great hope of humanity”: the USSR and the USA cinema during the Cold War. *Book review: Enemy number one in the symbolic politics of the USSR and the USA cinema during the Cold War as a field of ideological struggle* / ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p., *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 2, pp. 192—199.

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 16.03.2024; принята к публикации 30.04.2024.

The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 16.03.2024; accepted for publication 30.04.2024.

Информация об авторах /Information about authors

Кiryukhin Дмитрий Вячеславович — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой иностранных языков, Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород, Россия, bagerlock@gmail.com

Kiryukhin Dmitry Vyacheslavovich — Candidate of Science (History), Head of the Department of Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, bagerlock@gmail.com

Кiryukhina Елена Михайловна — доктор культурологии, профессор кафедры истории, философии и социологии, Нижегородский государственный агротехнологический университет, г. Нижний Новгород, Россия, elenakiruhina@gmail.com

Kiryukhina Elena Mikhailovna — Doctor of Culturology, Professor of the Department “History, Philosophy and Sociology”, Nizhny Novgorod State Agrotechnological University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, elenakiruhina@gmail.com

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**Серия «Гуманитарные науки»
2024. Вып. 2**

12+

директор издательства *Л.В. Михеева*
корректор *Е.Е. Андреенова*
технический редактор *И.С. Сибирева*
компьютерная верстка *Е.Е. Андрееновой*

Дата размещения на сайте 28.06.2024 г.
Уч.-изд. л. 15,3. Объем 6,4 МБ.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

**Вестник
Ивановского
государственного
университета**

Научный журнал

*Научный журнал
Гуманитарные науки*

Адресован преподавателям,
научным сотрудникам,
студентам вузов

Распространяется по предварительным заявкам и подписке

Освещает результаты
фундаментальных и прикладных исследований,
осуществляемых по гуманитарным наукам

Журнал основан в 2000 году

Выходит 4 раза в год